

A black and white portrait of a man with a thick, dark fur hat and a full, light-colored beard. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a plain, light color.

Дмитрий Шпаро

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ПИРИ

Дмитрий Шпаро
Неизвестный Пери

«Паулсен»

2022

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)

Шпаро Д. И.

Неизвестный Пири / Д. И. Шпаро — «Паулсен», 2022

ISBN 978-5-98797-325-7

Роберт Пири – известный полярный первопроходец, которого в начале XX в. американский конгресс и географические общества многих стран назвали покорителем Северного полюса. Дмитрий Шпаро, приводя малоизвестные американские документы, разоблачает Пири и утверждает, что его главные победы – рекорд продвижения на север в 1906 г. и достижение Северного полюса в 1909 г. – выдуманы. Пири сознательно приписал себе несуществующие заслуги. Книга представляет собой, по сути, географическое, психологическое и политическое расследование трагических событий в Арктике, в которых участвовал Пири, готовый на все ради своей славы. Миф Пири разоблачали и другие авторы. Дмитрий Шпаро называет их и говорит о них с большим уважением, однако сам он принципиально отличается от других критиков Пири тем, что прошел тысячи километров по дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана, совершив первый в истории переход к полюсу на лыжах и другие не менее выдающиеся походы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)

ISBN 978-5-98797-325-7

© Шпаро Д. И., 2022
© Паулсен, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. До похода в Гренландию	9
Глава 2. Путь наверх	23
Глава 3. Пересечение Гренландии. 1891–1892 годы	33
Канал Пири	67
Вергоев	71
Глава 4. Вторая экспедиция в Гренландию. 1893–1895 годы	74
Аструп	83
«Я покончил с этим»	87
Глава 5. «Небесные камни»	101
«Женщина» и «собака»	103
«Палатка», 1896 год	107
«Палатка», 1897 год	110
Глава 6. «Они вернулись домой»	121
Миник	124
Глава 7. Завоевание форта Конгер. 1898–1899 годы	134
Глава 8. Первый поход к Северному полюсу. Северная точка Гренландии. 1900 год	145
Алекасина[96]	149
Глава 9. Второй поход к Северному полюсу. 1901 год	156
Глава 10. Третий поход к Северному полюсу. 1902 год	166
Дедрик	174
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Дмитрий Шпаро Неизвестный Пири

© Шпаро Д. И., 2022

© ООО «Паулсен», 2022

Предисловие

В истории борьбы за достижение Северного и Южного полюсов Земли ключевым стало первое десятилетие XX века. Именно на эти годы приходятся главные походы на собачьих упряжках к обоим полюсам, увенчавшиеся успехом на рубеже первого и второго десятилетий. Все мы хорошо помним полярное соревнование Руала Амундсена и Роберта Скотта в декабре 1911 года и январе 1912 года, завершившееся триумфом норвежца и трагедией англичанина, погибшего вместе со своими спутниками на обратном пути.

Как ни странно, гораздо меньше мы знаем об истории достижения Северного полюса и драме, разыгравшейся в связи с этим. Я помню свои школьные годы, когда на уроках географии нам рассказывали об американском путешественнике Роберте Пири, ценой больших усилий в апреле 1909 года все же побывавшем в районе Северного полюса и, стало быть, ставшем его первооткрывателем. И мы совсем не были осведомлены о другом американце, Фредерике Куке, который, как теперь известно, дошел на собаках до Северного полюса на год раньше. Оба этих величайших события вызвали в Соединенных Штатах отчаянную борьбу, в которую были втянуты десятки, если не сотни, тысяч людей, включая американский Конгресс, закончившуюся признанием Роберта Пири открывателем Северного полюса со всеми вытекающими отсюда почестями и наградами.

Уже в те годы в США возникла непримиримая борьба сторонников двух путешественников, не прекращающаяся до сих пор. Не знаю, завершится ли она когда-нибудь, но предлагаемая читателю книга Дмитрия Шпаро спокойно и убедительно объясняет и доказывает реальное первенство Фредерика Кука в достижении самой северной точки Земли.

В книге Дмитрия Шпаро перед читателем возникают два ярких и очень разных по устремлениям человека. Роберт Пири – один из первых людей в Арктике, пересекший Гренландию в самом широком месте этого острова, обладающий упорством, волей и организаторским талантом, но в то же время переполненный злостным эгоизмом, стремлением быть первым невзирая ни на что, сметающий со своего пути конкурентов любыми, в том числе недозволенными, методами. А рядом – доктор медицины Фредерик Кук: «Главное для меня не в самом достижении цели, а в преодолении препятствий на пути к ней».

Автор подчеркивает совершенно разную мотивацию двух путешественников: «Пири даже в мыслях не допускает существование конкурента – Кук хочет выиграть соревнование». И поэтому Фредерик Кук использует весь свой полярный опыт, привлекает ограниченное количество участников в свои экспедиции и упрямо идет к целям – к высочайшей вершине Северной Америки Мак-Кинли и спустя 2 года к Северному полюсу Земли.

Роберт Пири действует иначе: у него большая экспедиция, в которой участвуют многочисленные местные жители, вереницы собак, вспомогательными отрядами командуют в основном белые американцы, хотя последний отрезок пути к Северному полюсу Пири предпочитает преодолеть с чернокожим американцем, своим слугой Мэттью Хенсоном, и четырьмя аборигенами. И все-таки есть много недоверия к успеху Пири, и автор книги убедительно выявляет все сомнительные результаты и предполагаемые подлоги. Д. Шпаро недвусмысленно говорит, что Пири не был на Северном полюсе. Об этом свидетельствуют и несообразная скорость движения всей группы по дрейфующему льду к полюсу и на обратном пути от него, и отсутствие измерений долготы.

Судя по рассказам Пири, в районе полюса он проехал в нескольких направлениях, но не сделал все необходимые географические расчеты, и автор едко замечает: «Что толку считать шаги, если ты не знаешь, куда идешь?»

За спиной Роберта Пири стояла могущественная организация – Национальное географическое общество. Напомню, что это Общество было создано в 80-х годах XIX века для изда-

ния известного и сейчас журнала National Geographic. Все подписчики журнала были членами Общества (и я в свое время) и тем самым приносили ему серьезный доход. Общество активно поддерживало Пири и отчасти финансировало его экспедиции.

С точки зрения исторических фактов очень странно выглядит отсутствие прямой связи и поддержки экспедиции Пири Американским географическим обществом – старейшей научной организацией США в области географии, созданной всего через 7 лет после основания Русского географического общества в 1845 году. Очевидно, Пири сделал ставку на Национальное географическое общество, которое хоть и не щедро, но все же финансировало его полярное предприятие. Вполне понятно, что Пири нужно было признание не столько научной общественности, сколько государственной власти.

Однако нестыковки в полученных результатах, сомнения специалистов в высказываниях Пири о пройденном пути и поддержка многими и многими конкурента Пири доктора Кука, в свете огромного значения достижения Северного полюса, вынудили Конгресс США провести специальные слушания «дела Пири». Эти слушания, в случае их благополучного исхода, могли повысить авторитет всей миссии Пири.

Слушания в Конгрессе – довольно своеобразная процедура, предшествующая обычно принятию какого-либо важного государственного решения или закона. Мне пришлось однажды, в 1987 году, участвовать в таких слушаниях по приглашению Конгресса, обсуждавшего возможность поддержки Соединенными Штатами всемирной геосферно-биосферной программы, тогда уже всю «работавшей» в Советском Союзе.

Дебаты по результатам экспедиции Пири были долгими и кропотливыми, нашлось много недоверчивых конгрессменов и иных деятелей, но заключительное голосование было все же в пользу Пири, что поддержало его славу, дало ему большую пожизненную пенсию и звание контр-адмирала. Правда, награду он получил за «арктические исследования, завершившиеся достижением Северного полюса», слов «открытие» и «первооткрыватель» законодатели избежали.

Недоверие к результатам экспедиции Пири сохранилось вплоть до его ухода из жизни, а в последующие годы усилилось. В книге Дмитрий Шпаро подробно разбирает все нестыковки в записях и наблюдениях Роберта Пири – и делает это профессионально, ведь он сам за 76 дней дошел на лыжах до Северного полюса в 1979 году, преодолев все те сложности пути по дрейфующим льдам, которые могли встретиться Пири.

Безусловно, и этого не отрицает автор настоящей книги, Роберт Пири был упорным и самоотверженным полярным исследователем, но он был тщеславен и эгоистичен, а это не лучшие черты для человека вообще и полярника в особенности. Дмитрий Шпаро ставит под сомнение два главных триумфа Пири – рекордный финиш на пути к полюсу в 1906 году, превышающий победный результат итальянцев во главе с герцогом Абрुцким в 1900 году, и достижение Северного полюса в 1909 году. Не красит американца и недостойное очернение Кука, когда Пири сыграл «роль обвинителя, присяжного, судьи и палача», как выразилась дочь Фредерика Кука. Сам доктор Кук был вынужден назвать Пири «террористом в области географической славы».

Книга не изгоняет Роберта Пири из клуба выдающихся полярных исследователей, но она подчеркивает, что человеческие страсти и борьба за свое первенство, безусловно допустимые, должны носить честный характер. Автор замечает, что только люди, склонные к обману, требуют от других подтверждения их правоты. А именно такое поведение было свойственно Пири еще до начала похода Фредерика Кука к полюсу.

Это вторая книга Дмитрия Шпаро о двух полярных антагонистах. В 2016 году увидела свет его книга «Фредерик Кук на вершине континента. Возвращаем Мак-Кинли великому американцу», и вот теперь готова новая книга о Роберте Пири. Книга настолько подробна и увлекательна, что, безусловно, вызовет большой интерес у читателей всех возрастов, и, я думаю, она

будет небезынтересна и для американского читателя, потому что, насколько я понимаю, такого качественного анализа событий, сопровождавших первые достижения Северного полюса, до сих пор не существует даже в США.

*Научный руководитель Института географии РАН, Почетный президент
Русского географического общества академик В. М. Котляков*

Глава 1. До похода в Гренландию

Рассказывая о первых 30 годах жизни Роберта Пири, мы используем хвалебную книгу Джона Уимса «Пири, исследователь и человек» (1988) и критический разбор Роберта Брайса «Кук и Пири. Полярная controversия завершена» (1997). Оба автора были допущены к семейному архиву Пири, причем Уимс – первый, кому оказали такое доверие. В предисловии к своей книге Уимс сообщает: «Он [Пири] держал дневник и наблюдения... в сейфе – мера предосторожности, которая продолжала действовать и после его кончины. Остальные бумаги были помещены в 62 большие картонные коробки и хранились... в доме Пири... После смерти Пири в 1920 году Исая Боумен, глава Американского географического общества... предложил и впредь держать дневник и наблюдения Пири в недоступности от публики с тем, чтобы сторонники Кука не могли... воспользоваться ими в своих собственных целях. Документы в 62 картонных ящиках тоже не были представлены на суд общественности».

Получить доступ к драгоценному архиву мог только верный друг Пири и истинный враг Кука. Именно таким и был Уимс. Что касается Брайса, выдающегося архивиста, он, занимая аналогичную разоблачительную позицию по отношению к Куку, при оценке Пири вполне объективен.

Роберт Эдвин Пири родился 6 мая 1856 года в Крессоне, штат Пенсильвания. Его отец, Чарльз Пири, занимался торговлей бочарными досками. Мальчику не исполнилось и 3 лет, когда отец умер от пневмонии, и мать, Мэри Пири, в девичестве Мэри Вайли, вернулась в штат Мэн, где она и Чарльз Пири жили до женитьбы. Мэри Вайли Пири поселилась в Южном Портленде, похоронив супруга на местном кладбище. Имея неплохой доход, она не помышляла о повторном браке, не меняла фамилию Пири и, когда братья ее покойного мужа стали произносить свою фамилию по-новому – Пери (P-e-r-i-y), воспротивилась этому и сохранила первоначальное произношение, созвучное слову *cheery*¹.

Мэри называла сына Берти, что ему определенно не нравилось. Она воспитывала его как девочку, обучала рукоделию, заставляла надевать чепчик, чтобы его каштановые волосы не выгорали. Он выглядел маменькиным сынком, однако с обидчиками смело дрался.

Уимс пишет: «Мэри не могла понять, почему Берти был таким вредным, даже когда его никто не трогал. Он разбивал камнями окна, чтобы услышать звук разбившегося стекла, он ставил подножки своему немощному дедушке Вайли и смотрел, как тот падает, он пугал маленьких девочек разными подлыми уловками, произносил ругательства, которые не мог услышать дома, и иногда даже повторял их в присутствии священника».

---

¹ *Cheery* – бодрый (англ.). Здесь и далее прим. авт.

Роберту Пири 4 года

Несмотря на протесты по поводу излишней опеки, Берти был очень привязан к матери. Уже будучи взрослым, он постоянно посылал ей письма, в которых откровенно разговаривал с ней, будто с самим собой. Уимс приводит дневниковые записи Берта той поры, когда он учился в средней школе Портленда:

Около 9 часов, когда мама собралась ложиться спать, она неожиданно почувствовала сильную слабость и онемение с левой стороны, так что не могла двигаться. Меня это сильно напугало, но мама легла на мою кровать, и я растирал ей руки и ноги до тех пор, пока она не почувствовала себя лучше...

Я так разволновался в тот вечер, что не мог заснуть почти до полуночи и проснулся вскоре после 4 часов утра. Весь дрожа, я пошел в комнату матери и с облегчением увидел, что ей стало лучше. Затем я оделся и сел у камина, где дремал до 6 часов, когда снова развел огонь и занялся работой по дому.

Хорошо успевая в школе, мальчик находил себе множество других интересных дел. Он набивал чучела птиц и знал о пернатых так много, что даже читал лекции в городском Музее естественной истории. Его увлекала походная жизнь, и в лесах штата Мэн он знал места, где не ступала нога человека. Страдая небольшой шепелявостью, он охотно декламировал; сам сочинял стихи и прозу. В школьном эссе 16-летний Берт написал:

Исследование природы – это неизменный источник счастья для самого убежденного искателя мудрости. Того, кто учится, природа не отталкивает своей монотонностью, а, наоборот, каждый раз, когда к ней обращаются, показывает новые стороны своего характера. У природы находятся утешение и развлечение для человека, пребывающего в любом настроении, в любом состоянии души. Чем больше мы изучаем природу, тем больше она манит нас проблесками своих скрытых сокровищ и заставляет идти все дальше в исследованиях.

Тут уместна фраза «одни наблюдательны, а другие нет», потому что тот, чьи глаза и уши открыты, увидит и услышит то, о чем другой даже и не подумает. Например, предположим, что однажды прекрасным утром вы прогуливаетесь по полю со своим другом. Вы видите, как жаворонки и рисоведы деловито строят свои гнезда, перед вашими глазами предстают многочисленные семейства насекомых, погруженных в труды и заботы своей короткой жизни. Кругом богатство кипучей восторженной жизни. Ваш друг, который идет рядом, ничего этого не видит и удивляется – чем же вы восхищаетесь. Мне жаль таких людей, поскольку они упускают много жизненных радостей».

Очевидно, что юноша, сочинивший эти строки, умен и любознателен, чувствует, что он доволен собой. Уимс приводит и более «взрослые» размышления Берта, написанные в том же возрасте:

Без веры в собственные силы никто не может надеяться на большой успех в любом предприятии, потому что, если человек сам в себя не верит, то скоро окружающие его люди тоже перестанут в него верить, хотя он может быть компетентным во всех отношениях.

Уимс комментирует: «...сказанные слова кажутся слишком мудрыми для столь молодого человека. Но, с другой стороны, он был обычным мальчиком: его интересовала некая девушка, упоминавшаяся в его дневнике под интригующим именем Эм».

Последний год в школе Берт усиленно занимался и подал заявку на стипендию для обучения в колледже Боуден. Получив подтверждение, он продал коллекцию чучел птиц и купил учебники. Мама настояла, что будет жить вместе с ним, и они сняли комнаты рядом с университетским кампусом. Любопытно, что колледж Боуден в 1825 году закончил великий Лонгфелло. Уимс утверждает, что Лонгфелло был любимым поэтом юного Пири и будущему полярному герою особенно нравилась строка: «Мальчишечьи сны, как ветер, вольны»².

Один из одноклассников рассказывал о Берте: «Не думаю, что товарищи хорошо его знали. Все, что их связывало, – это вежливое утреннее приветствие при встрече... Казалось, что он был замкнут в себе и часто уходил на длительные прогулки, занимался охотой и рыбной ловлей, а также сбором образцов. Он всегда был крепким и бодрым и смеялся над холодом, от которого мы все страдали. Я никогда не слышал, чтобы он с кем-то особо дружил... хотя вполне возможно, что в научных кругах он мог завести себе друзей».

---

² Из стихотворения Лонгфелло «Моя утраченная юность». Перевод Г. Кружкова.

Пири выбрал специальность «гражданское строительство». Жизнь юноши была весьма насыщена – вот короткие записи из его дневника и строчки из его письма к Мэри Килби, той самой, которую в школьные годы он называл Эм:

Всю прошлую неделю, начиная с понедельника, я работал с 5 часов утра и до 8 часов вечера, что не так уж и плохо.

В течение последних двух недель я тянул за собой команду нашего класса, и вчера мы победили в состязаниях по гребле.

Мне нужно было заниматься тысячей мелких дел и в результате приходилось беспрестанно ездить... Вдруг кто-то в классе вспомнил, что на приближающийся праздник у нас нет куратора... и в результате куратором выбрали меня. Это добавило мне забот...

Во вторник вечером я не ложился спать до 11 часов, а... в пятницу встал в полпятого утра и до завтрака свежесвал гагару и скопу.

Осознанное желание быть первым совмещалось в юном Пири с прагматической рациональностью. К примеру, мечтая стать лучшим учеником в классе из 51 человека, он рассудил, что все силы на это тратить не стоит. Чтобы обойти товарища, занимавшего первое место, Берту пришлось бы перераспределить свое время: более основательно засесть за учебники и отказаться от других способов саморазвития. «Хватит мне и второго места», – сказал себе молодой человек, и все 4 года, проведенных в колледже, занимал именно это место.

Теперь две истории на спортивные темы, рассказанные самим Бертом. В первой речь идет о его участии в соревнованиях по метанию бейсбольного мяча:

Против меня выступали 2 самых лучших в школе игрока... и никто из них понятия не имел о том, что я могу что-то сделать. Так уж получилось, что моя очередь бросать мяч была последней. После того как каждый из них выполнил по 3 подхода, а лучший из бросков составил 306 футов, я был почти уверен, что уж последним-то я не буду. Когда я занял позицию для броска, некоторые учащиеся начали надо мной посмеиваться и говорить, что лучшие уж и не пытаются, если не сможешь бросить дальше... Я ничего на это не ответил, а просто взял мяч и сделал первую попытку... Ветер подхватил мяч и снес его, в результате он пролетел всего 290 футов. Во второй попытке у меня получилось то же самое, но мяч улетел немного дальше, а вот в третьей попытке я уже полностью использовал ветер, и мяч улетел на все 316 футов... Когда объявили победителя и расстояние, на которое улетел мяч, то я заметил много удивленных взглядов. Я слышал, как один из учащихся говорил обо мне другому: «Не думал, что он сможет сделать такой бросок, до этого он никак не походил на победителя».

Приятно быть чемпионом, но нельзя быть проигравшим. Об этом вторая история юного Пири. На младшем курсе команда, в которую он входил, стала чемпионом в соревнованиях по гребле. Через 2 года, понимая, что шансов на новый успех нет, Берт покинул своих и перестал участвовать в гонках, объяснив это так:

Время второкурсников 18 минут 56 секунд. Наша команда пришла на 25 секунд позже... Видишь, насколько верной оказалась моя тактика. Если бы я не вышел из игры, мои прежние лавры увяли бы.

Мысли о себе, но никак не о товарищах. В будущем Берг готов думать о спутниках по полярным путешествиям, но либо с самолюбованием, либо с корыстью...

Ему исполнился 21 год, и он написал Мэри Килби:

Единственное, чем я отметил свой день рождения, это мои размышления о том, будет ли на самом деле для меня соревнование с миром труднее, чем соревнование с колледжем. Окажется ли оно для меня непосильным? Буду ли я через десять лет в штате Мэн, в Патагонии, в Швеции или в Австралии или для меня все это к тому времени станет безразличным? Мне кажется почти невозможным мечтать, как это делают некоторые люди, например, фермеры, о том, чтобы всю жизнь провести на одном месте и заниматься тем же делом, каким занимались отцы и деды.

Сегодня, когда я размышляю об окружающем мире и вся моя жизнь впереди, ничто не кажется мне невозможным. Мне бы хотелось, чтобы, как в книгах, какая-нибудь фея поставила передо мной зеркало и разрешила увидеть в моей жизни все, что я захочу. Но если бы действительно такая возможность была предоставлена, то я закрыл бы глаза и отказался смотреть в зеркало. Сколько людей размышляли и мечтали о загадочном будущем так, как я сейчас, и все же, если бы мне разрешили немного раздвинуть занавес, то я не сделал бы этого из-за страха вместо ожидаемых гладких дорожек увидеть каменистые тропы с разверзнутыми могилами.

После окончания колледжа Берт вместе с мамой переехал в городок Фрайбург, штат Мэн. Работы по специальности для инженера-строителя не было, и Берт первое время с тоской вспоминал свою беспокойную жизнь в колледже:

Прошлой ночью я пошел спать... с тоской по дому. Тоскуя по моему колледжу, по моему классу, по всем тем годам, которые уже никогда не повторятся в моей жизни... Я иногда думаю, что у меня нет никаких чувств, ибо я могу покинуть места и людей, в чьей компании я ежедневно находился в течение нескольких лет, без всякого сожаления, даже зная, что я могу больше никогда сюда не вернуться, но затем какое-нибудь незначительное событие возвращает мои мысли назад, и я едва могу вынести боль моего страстного желания увидеть старые сцены и лица снова. Каждый год я нахожу подтверждение моего вывода, что я – импульсивный человек, с быстрой сменой настроения. Я знаю, что могу добиться многого, как умственно, так и физически, и, думаю, во всем могу достигнуть вершин.

Роберт Брайс подмечает: «Тут выражена его характерная особенность, которая будет сопровождать его на протяжении всей жизни... Он... подвержен резким перепадам настроения... Несмотря на то что он внешне казался самоуверенным, Роберт Пири во многом не верил в собственные силы».

Фрайбург выглядел безнадежно скучным и провинциальным. В письме матери молодой Пири отводит душу:

Этим утром я пошел [в церковь], и в этом не было ничего приятного. Не было ни одного человека в хорошо сидящем костюме, ни одной подобающей дамской шляпки, ни одного новенького элегантного платья во всей аудитории. Места были без подушек и неудобные, у проповедника были грязные манжеты, и он говорил в нос, а регент³ начал петь церковный гимн на такой высокой ноте, что не мог продолжать дальше, и ему пришлось начать все сначала. Другой раз – тоже так высоко, что только 2 человека смогли поддержать его. Я не думаю, что опять пойду туда в ближайшее время. Я предполагаю,

---

³ Руководитель церковного хора.

что люди здесь будут считать нас ужасной семьей... Что касается ландшафта, то не бывает даже двух дней, когда горы оставались бы одинаковыми.

Берт Пири – ученик колледжа Боуден

Природа успокаивала Пири, будто насыщала его:

*Есть стихотворение Уиттьера⁴, которое, как мне кажется, я никогда не забуду. Оно так органично влилось в меня:
В течение недель облака прочесывали холмы
И волновали долины дождями,
И все леса были печальны из-за тумана,
И все ручьи жаловались.*

---

⁴ Джон Гринлиф Уиттьер – американский поэт.

Вначале только отдаленное напоминание о нем промелькнуло в моей голове, затем я вспомнил первую строчку, затем, спустя день, до меня дошло, кто написал его. Сразу же я нашел его в томике Уиттьера. Оно настолько точно подходило к окружающей меня природе, что подобного я больше никогда не встречал.

Занятия таксидермией приносили прибыль: чучела птиц бойко шли от полутора долларов до двух с четвертью. Много времени Пири проводил в седле, даже объезжал лошадей. Иногда он навещал в Портленде свою возлюбленную Мэри Килби, с которой был обручен.

Однажды и она приехала к нему. Уимс рассказывает: «Пири снял комнаты для нее в местном отеле и тщательно соблюдал все нормы поведения и морали, которые были весьма многочисленны и весьма строги во Фрайбурге XIX столетия. Он написал ей после ее отъезда в Портленд:

...До сих пор я не слышал ни одного замечания в твой адрес.

Как и раньше, у Берта существовал план саморазвития или, лучше сказать, самосовершенствования, и молодой человек пунктуально придерживался его. В письме невесте он отмечает свои достижения:

Я сейчас пытаюсь провести эксперимент. Ты знаешь, я всегда любил это. Я проверяю мою способность сделать себя человеком, приятным в общении. У меня не возникло никаких затруднений с маленькими детьми. Они сразу же воспринимали меня. Больших усилий требовали подростки и молодежь. У некоторых пожилых людей мне не удалось пока разбить корку их некоммуникабельности и старомодности; однако я буду пытаться, так как я хочу стать настолько привлекательной личностью, чтобы нравиться людям, с которыми я буду общаться, хотя бы они этого или нет.

С предприимчивостью и желанием сделать что-то необычное, и сделать это хорошо, Берт взялся за составление карты Фрайбурга. Это был личный и, по-видимому, некоммерческий проект. Парень вышагивал, брал направления, подсчитывал футы и мили, чертил, и когда карта была готова, она неожиданно пригодилась. Берт нашел объявление о вакансии на должность чертежника в Береговой и геодезической службе в Вашингтоне и, отправив резюме, приложил к нему только что изготовленную карту как пример своих возможностей и стараний. Пири приняли на работу с испытательным сроком шесть месяцев, о чем он с характерными подробностями сообщил возлюбленной:

...Уже 2 года, как я закончил колледж, и с тех пор ничего не сделал, и сейчас как раз время чем-нибудь заняться. Я обнаружил, что Бертон (одноклассник в колледже Боуден. – Д. Ш.) тоже принят на работу... Я рад, что он будет там, и не только потому, что мы будем вместе, но и потому, что у меня появится стимул работать лучше. Я возненавидел бы саму мысль о том, что я должен уйти в конце испытательного срока, а он останется там.

Уимс рассказывает, что однодолларовую купюру из первой полочки Пири «завернул в бумагу, подписав, что это его “первые заработанные деньги под руководством дяди Сэма”, и с характерной для него сентиментальностью положил купюру среди других памятных вещей»...

Как раз в это время Берт услышал о проекте канала между Тихим и Атлантическим океанами на территории Никарагуа. Получив на работе полдня отпуска, он закупил уйму книг, заказал материалы в Библиотеке Конгресса и погрузился в чтение. Другой новостью стало то, что он расторг долговременную помолвку, о чем и известил маму:

Моя помолвка с мисс Килби – уже в прошлом. ...Я сообщаю тебе, хотя, может быть, ты знаешь, как обстоит дело, но если кто-нибудь заговорит с тобой об этом, то мне не хотелось бы, чтобы ты вообще обсуждала эту тему, и если кто-то спросит тебя, то ответь, что ты не хочешь говорить об этом. Теперь остались только я и ты, моя мама, и еще Провидение, которое позволит мне устроить последующие годы твоей жизни достаточно счастливо и хоть немного компенсировать всю ту боль, огорчения и беспокойство, которые я причинил тебе в прошлом. Я очень далек от идеального человека, но я думаю, что все же я немного люблю тебя, хотя до последних нескольких месяцев я не знал, насколько сильно.

В дневнике Берта появилась запись:

Я вступаю в новый год... свободным от помолвки, которая в течение последнего года была кошмаром для меня. Прошлое умерло. Да здравствует будущее!

Пири с честью прошел испытательный срок и следующие 1,5 года прилежно работал в Береговой и геодезической службе, всячески улучшая свою жизнь. Он вступил в атлетический клуб, посещал крытый бассейн, учился танцам, ходил в театры, однако его невидимой страстной целью стал проект канала в Центральной Америке.

Он советовался с мамой:

Я хочу обстоятельно поговорить с тобой о предмете, о котором я размышляю уже долгое время, – о желании поехать на этот перешейек. Я бы хотел обсудить с тобой все за и против... Сейчас тот момент моей жизни, когда годы еще не обременительны, и я чувствую, что должен сделать что-то, пока время безвозвратно не ускользнуло от меня. Что хорошего принесет мне слава или имя, если они придут, когда я буду старым человеком? Я хочу, чтобы у меня было время, когда я мог бы насладиться ими, и, моя мама, я хочу, чтобы и ты тоже получила от этого удовольствие. Мне 24 года, но что я сделал, что я делаю или что я из себя представляю? Ничего. Пройдет немного времени, и мне будет 30 лет. Если я останусь здесь, то я смогу зарабатывать 2000 долларов как чертежник, работая много часов в день, и мое имя будет известно лишь по платежной ведомости департамента. Когда я думаю обо всем этом, то меня охватывает сильнейшее беспокойство и я с трудом могу заставить себя успокоиться. Я ощущаю себя так, как будто мне уже 30 или 40 и что я так ничего и не достиг. Тогда я чувствую лихорадочное желание сделать что-то немедленно. Думаешь ли ты, мама, что все это – неугомное честолюбие, которое побуждает людей быть впереди своих собратьев, или это просто бесплодное беспокойство, создающее лишь тревогу для своего несчастного обладателя? Думая обо всем этом и размышляя о том, что я смогу сделать, я прихожу к выводу, что продолжительная слава придет ко мне скорее на небольшой полоске земли, в 2 раза меньшей штата Мэн, называемой перешейком, чем где-либо в другом месте.

Многие люди добились известности потому, что видели перед собой что-то определенное и важное в будущем. Они основательно сосредоточивались на выбранной теме и, когда наступал нужный момент, выступали в качестве главного или единственного эксперта...

Есть люди, способные работать как самостоятельные механизмы, и есть люди, которые не могут ничего сделать, пока им это не разрешат,

и миру нужны и те, и другие. Если бы разговор шел о хлебе насущном, то ситуация была бы иной, но я сражаюсь не за деньги, а за славу, хотя деньги в качестве дополнительного вознаграждения не вызывают никаких возражений.

Мама ответила «нет», и покорный сын записал в дневнике:

Я подчиняюсь ее желанию, хотя это может изменить всю мою жизнь.

Пири ждал своего счастливого часа, и новый шанс представился в виде должности инженера в военно-морских силах Соединенных Штатов. Взяв отпуск для сдачи экзаменов, не сказав о своих намерениях ни слова никому из друзей и даже маме, ибо никакой уверенности в успехе не было, он принялся готовиться к интеллектуальным тестам, продолжавшимся 10 дней. Изнуренный и убежденный, что провалился, Пири приложил к последнему экзаменационному ответу записку:

...если бы я знал, какое направление примут экзамены, то я бы не осмелился участвовать в конкурсе, но так как я начал, то не в моих принципах отступить, несмотря даже на то, что я видел – надежды завоевать награду нет.

Но у меня есть маленькая личная гордость, и чтобы правление не подумало, будто я абсолютно невежественен, я прикрепил несколько приложений с целью показать, что я что-то могу и привык делать все хорошо и тщательно. Это 3 профиля горы, сделанные с различных точек наблюдения в свободное время, когда я был проездом в этом районе. Каждый профиль включает 120° горизонта...

Пири приняли, он стал лейтенантом. Ранее он писал маме:

Я не хочу жить и умереть, не совершив чего-то и оставаясь известным только узкому кругу своих друзей. Я хочу приобрести имя, которое будет волшебным сезамом для входа в культурные круги и другие утонченные сферы, имя, которое заставит мою маму гордиться мной и которое заставит меня почувствовать, что я буду равным любому человеку, встретившемуся на моем пути.

И в другом письме:

...Я не знаю, счастье это для меня, или несчастье, или это признак неблагородного устройства души, но я не могу переносить общения с теми, кто, имея тот же возраст и те же возможности, что и я, превосходят меня в чем-либо. Чтобы чувствовать себя комфортно, я должен быть равным или превосходить людей вокруг меня, и не потому, что мне важно показать свое превосходство, нет, мне достаточно самому осознавать это...

Я думал о том... каким я хочу быть в 30 или, самое позднее, в 35 лет.

Высоким, прямым, с широкими плечами и грудью, с сильными, гибкими суставами, ясными глазами, с большими усами, прекрасным цветом лица; метким стрелком, сильным, неутомимым пловцом, первоклассным наездником, опытным боксером и фехтовальщиком; человеком, отлично чувствующим себя в любой компании и все же всегда сосредоточенным на неопишуемой красоте дикой природы, свободы лесов и гор, знатоком французского, немецкого и испанского языков, и все это – просто мои личные достижения, а вот в качестве специальности – знания о перешейке, которые превосходили бы знания всех живущих в мире людей...

Теперь можно было и покрасоваться:

Сейчас я босс, а не подчиненный. У меня есть своя комната, курьер, секретарь и чертежник. Под моим руководством около сотни человек. Но больше всего времени я посвящаю тому, что ставлю подписи... Так забавно «писать» письма, когда тебе нужно лишь подписывать их. Уникальность моей подписи была отмечена командующим верфью. Больше дел, чем у иного светского льва. Тороплюсь.

Первым назначением Роберта Пири стало место ассистента Анисето Менокала, гражданского инженера ВМС, главного инженера в двух уже состоявшихся экспедициях в Никарагуа – в 1872–1875 годах. Уимс пишет, что «интерес Пири к каналу стал известен Менокалу, и это... было причиной назначения Пири – Менокал попросил о назначении. Между этими двумя людьми возникла взаимная симпатия, продолжавшаяся несколько лет».

Однако в Никарагуа Пири не поехал, получив в начале 1882 года назначение в Ки-Уэст, Флорида, в качестве специалиста, контролирующего строительство военного причала. Лейтенант великолепно проявил себя: был вьедлив, самоотвержен и смел. Похоже, он делал многое из того, что другие на его месте делать не стали бы: исследовал качество поставляемых железа и строевого леса; оспаривал мнение водолазов, сам спускался в водолазном костюме на морское дно; вступал в споры с проектировщиками и со строителями. По мнению Пири, используемое оборудование было неподходящим, а строители не были в состоянии довести работу до конца. Лейтенант под свою ответственность приостановил стройку, вызвав ярость проектировщика, подавшего на Пири в суд. Начальство, однако, поддержало именно лейтенанта. Когда причал был возведен, то выяснилось, что из суммы 30 000 долларов, выделенных Конгрессом, Пири удалось сэкономить 10 %.

В конце 1884 года сбылась мечта Пири – поступил приказ о его направлении в Центральную Америку. Менокал предполагал, что существует более короткий маршрут канала, чем тот, который был нарисован на бумаге, и именно Пири предстояло возглавить разведочную партию. Американцев в проекте участвовало четверо: Менокал – главный инженер, руководитель базового лагеря, врач и Пири. Уимс приводит записи из дневника лейтенанта:

...все люди, и я тоже, постоянно [в воде] по колено и пояс, и даже по шею, занимаемся рубкой, подъемом и переноской грузов, тащим, толкаем, плаваем.

Люди шли в воде и тянули лодки за собой, я сам работал с людьми, пел вместе с ними, кричал на них и в последний момент давал им глоток джина по кругу так, что они пришли в лагерь в 6:05 вечера с криками и воплями, хотя каждый из нас был абсолютно мокрым и усталым, так как мы пробыли в воде более 10 часов.

Протяженность будущего канала сократилась на 16 миль. Менокал отозвался о работе лейтенанта Пири так: «Информация была получена главным образом благодаря неиссякаемой энергии, умению и преданности долгу инженера-строителя Пири, который при всем дискомфорте и трудностях, испытанных во время долгих дождливых дней в полевых условиях и во время многих ночей, когда лишь несколько пальмовых листьев служили укрытием, а парусиновое одеяло, брошенное на кучу пальмовых листьев – кроватью, используя скудные рационы, не отступал никогда, если требовалось выполнить какую-либо работу».

Лейтенант Пири в Никарагуа, 1885 год

Кампания в Никарагуа завершилась, доклад изучался в правительственных кабинетах, и у Пири снова появилось свободное время. В одном из букинистических магазинов Вашингтона он нашел брошюру Норденшёльда «Исследование внутренних районов Гренландии».

Из книги Роберта Пири:

Струна, вибрировавшая во мне в детстве, когда я читал удивительные книги Кейна⁵, снова была затронута⁶.

Скажем несколько слов об открытии Нильса Адольфа Эрика Норденшёльда в Гренландии. Шведский ученый был первым, кто проник вглубь этого огромного арктического острова. Посетив Гренландию дважды, в 1870 и 1883 годах, в первый раз Норденшёльд одолел 50 километров, второй раз – 117, причем лапландцы (по-русски лопари), сопровождавшие его, от достигнутой точки пробежали на лыжах еще 230 километров. Так, выяснилось, что внутреннюю часть страны занимает лед, а не обширные леса, как предполагали многие ученые.

Сообщение об успехе Норденшёльда, независимо друг от друга, прочли Роберт Пири и молодой норвежец Фритьоф Нансен. Реакцию Пири мы видим. Вот что написал Нансен:

«Однажды осенним вечером... я сидел и довольно равнодушно слушал, как читалась вслух газета. Вдруг мое внимание остановила телеграмма, сообщавшая о том, что Норденшёльд благополучно вернулся из своей экспедиции в глубь Гренландии, что там он не нашел никаких оазисов, а лишь бесконечные снежные пространства, где двое его лопарей обнаружили удобную для лыж поверхность и прошли за короткое время невероятно большое расстояние.

Как молния пронеслась в моем мозгу мысль: экспедиция через Гренландию от одного берега до другого на лыжах».

---

⁵ Илайша Кент Кейн – американский полярный исследователь.

⁶ Гренландские экспедиции Пири описал в двухтомнике Northward over the 'Great Ice', вышедшем в 1898 году в Нью-Йорке. Русские переводы первого тома: Пири Р. По большому льду к северу. СПб., 1906 и Пири Р. По большому льду. Северный полюс. М.: Эксмо, 2013. Далее Пири цитируется по книге 2013 года. Некоторые имена собственные и географические названия переведены иначе. В некоторых случаях перевод уточнен по первоисточнику.

Джозефина Дибич

Оба, в будущем великие арктические авторитеты, а тогда – восторженные новички, загорелись идеей пересечь ледяной щит Гренландии.

Пири взял отпуск. Нелегко было уговорить маму, но, в конце концов, она согласилась и выдала Берту в долг на поездку 500 долларов. 6 июня 1886 года Пири сошел с корабля на гренландскую землю.

Но еще до Гренландии и даже до экспедиции в Никарагуа в его жизни произошло важное событие. В классе, где лейтенант брал уроки танцев, он познакомился со своей будущей

женой Джозефиной Дибич, коротко – Джо. Самые первые в жизни Пири полярные сани для транспортировки груза в Гренландии будут названы «Свитхарт»⁷ – в честь Джо Дибич.

---

⁷ Sweetheart – любимая (англ.).

Глава 2. Путь наверх

У напарника Пири, молодого датчанина Кристиана Майгора, не было возлюбленной, и свои сани он назвал «Принцесса Тира» – в честь младшей из датских принцесс.

Пири и Майгор прошли лишь небольшую часть намеченного маршрута, но все-таки осилили 160 километров, поднялись более чем на 2000 метров и преодолели массу преград. Уже в самом начале пути случились неприятные происшествия:

Незадолго до отправления я ходил около саней без лыж и альпенштока и провалился в узкую расщелину; я повис на мгновение, удержавшись на раскнутых руках, прежде чем выкарабкаться, а обломки предательской снежной арки скатывались вниз в лазурную глубину до тех пор, пока вызванное ими эхо не стало похоже на бой серебряных курантов. Наши снегоступы страховали от повторения подобной неприятности во время перехода через сеть трещин, распространившихся к востоку от нашего лагеря. По мере движения вперед они исчезали, и в холоде раннего утра вся поверхность стала твердой, сплошной коркой, очень удобной для передвижения. Два или три маленьких углубления, которые оказались на нашем пути, были достаточно замерзшими, чтобы выдержать нас, когда мы быстро проходили их, наполовину идя, наполовину скользя на лыжах. Переходя одно из них, Майгор оказался слишком близко за мной; лед, треснувший и ослабевший под моим весом, сломался, и «Принцесса Тира» оказалась в воде глубиной около 5 футов; ценой огромных усилий нам удалось вытащить ее. Это событие заставило нас остановиться в углублении на высоте 3300 футов над морем; мы легли с подветренной стороны саней и проспали несколько часов, после чего провели весь день, просушивая нашу обувь и спальные принадлежности Майгора, намокшие и одеревеневшие на морозе.

19 июня, на 25-й день продвижения на восток, когда запасов осталось меньше чем на неделю, Пири решил возвращаться. Сильный ветер с купола, главное препятствие прошлых дней, стал попутным. Друзья надежно связали двое саней, сделав, по словам Пири, «крепкий и гибкий... маленький плот». Они поставили парус и понеслись вниз. Через некоторое время смелые испытатели приноровились, вошли во вкус и соорудили руль – топор, привязанный к концу полоза. Все шло отлично, но настала очередь Майгора висеть над бездной:

Вершины почти всех ледяных холмов были испещрены расщелинами, где-то большие, где-то меньшие, и одна из них, покрытая легкой, снежной аркой, чуть было не стоила жизни моему другу. Мы толкали сани, как обычно, до тех пор, пока их концы не оказывались на противоположных краях расщелины. Я перескочил через нее, чтобы подтянуть наш санный плот, в то время как Майгор его толкал. К несчастью, прыгая за мной, он поскользнулся, наступил на снежную арку, обрушившуюся под его весом, и провалился в расщелину, цепляясь за заднюю часть саней, передок которых резко рванул вверх, едва не вырвавшись из моих рук. На мгновение сани повисли, качаясь на краю пропасти, и жизнь человека зависела от того, упадут они или нет. Мне все-таки удалось удержать их, и голова Майгора появилась из расщелины; сани медленно наклонялись, и Майгор, бледный, но улыбающийся, выбрался на лед. Чуть поодаль от того места неприятное, хотя и неопасное приключение ждало уже меня: когда я спускался в ледниковый ручей глубиной по колено, чтобы перетащить «Свитхарт» и «Принцессу Тиру» через него, поток сбил

меня с ног, я оказался в глубокой впадине ниже этого места, а затем поток с головокружительной быстротой увлек меня вдоль своих полированных краев. Моя беспомощность в борьбе с этим потоком, едва более 6 футов шириной и 5 футов глубиной, буквально взбесила меня, и как только на отмели появилось место, где можно было упереться заостренным концом моих снегоступов, я вскарабкался на крутой берег и побежал на помощь Майгору, который с трудом удерживал полупогруженные сани, борясь с течением потока.

Опасный спуск благополучно завершился. Расставшись с «рыжебородым, голубоглазым другом Майгором», Пири затеял еще одну трехдневную «разведку большого льда». В одиночестве он прошагал 25 миль, а затем вернулся по своим следам к палатке; началась буря. Пири делится своими чувствами:

Эта уединенная прогулка в молчании, унынии и бесконечной шири «большого льда» произвела на меня огромное впечатление.

Нельзя не поразиться настойчивости лейтенанта и его преданности начатому делу, его жизненным ресурсам и вдохновению. Для автора цепь событий из молодой жизни Роберта Пири: карта Фрайбурга, строительство причала в Ки-Уэсте, сражения с болотами в Никарагуа, несколько безрассудная вылазка в год 30-летия на «большой лед» в Гренландии – создает образ могучего, волевого человека, отличный пример для юноши, желающего с пользой для мира проявить себя. Очевидно, что Пири готов не только говорить, но и страдать за дело, не только мечтать, но и самозабвенно творить.

Пири рассказал маме:

Ну вот, дорогая мама, я опять вернулся в цивилизацию... Я показал, что один решительный человек, если он руководствуется обыкновенным разумом, может достичь всего на свете...

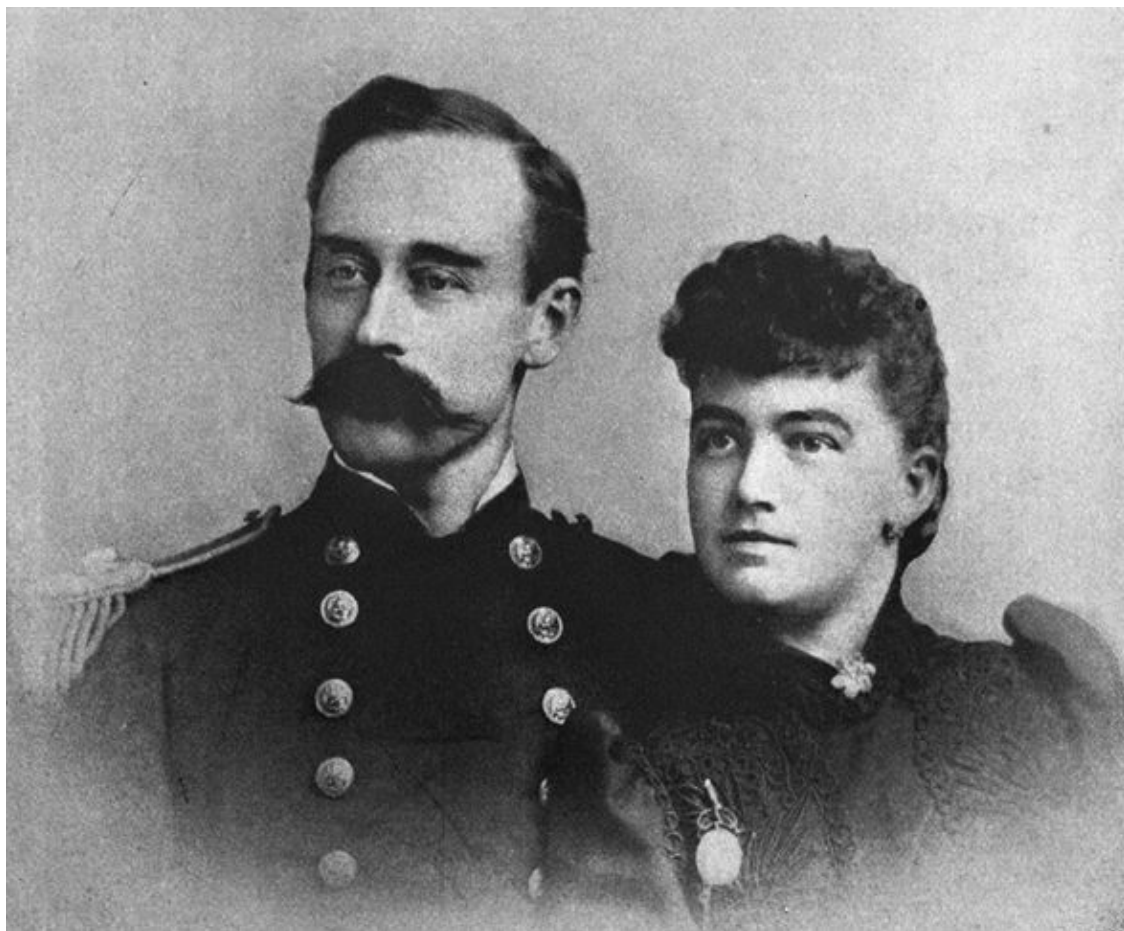
Я чувствую, что я словно вышел из другого мира. Мне пришлось работать гораздо тяжелее, чем когда-либо раньше, и у меня были определенные переживания, но ни на миг я не сомневался в том, что добьюсь успеха, и ни минуты я не испытывал страха, что со мной случится что-то плохое. Если бы я был суеверным человеком, то временами я испытывал бы священный трепет от того, как все сглаживалось передо мной, а я лишь улыбался про себя и думал: «Это моя мама рассеивает тучи».

На родине полярного пионера встретили мама и несколько товарищей по службе, среди которых был Менокал.

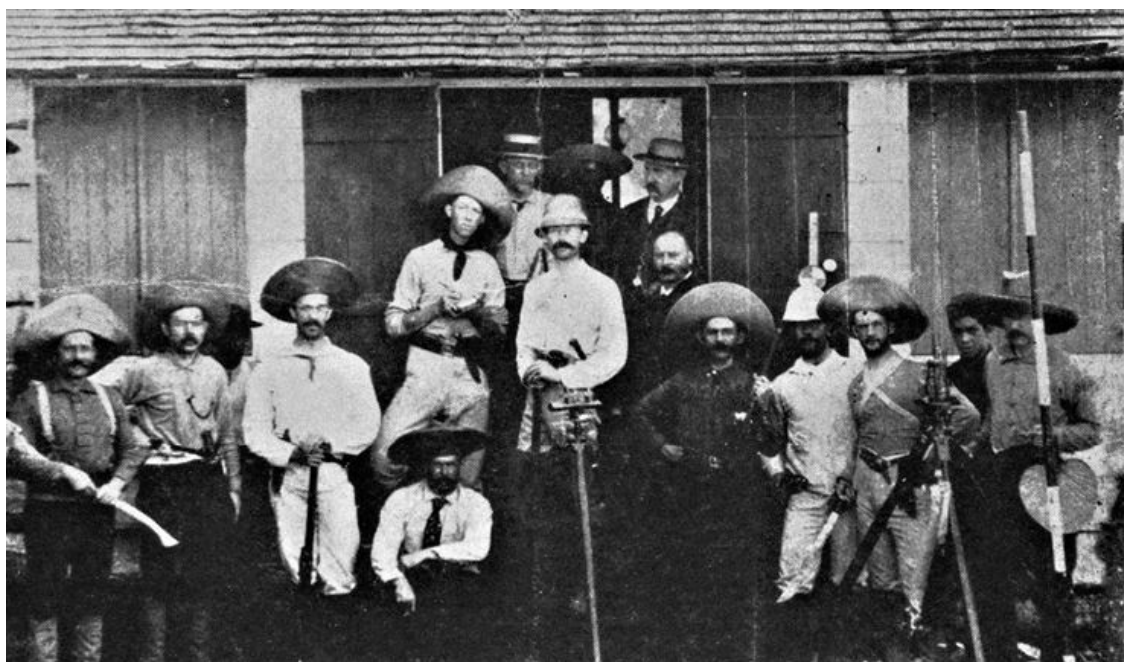
Зимой 1887 года Пири рассуждал в письме к маме:

Мое прошлое путешествие явило мое имя миру, следующее же даст мне положение в мире... Это путешествие означает для меня, моя мама, во-первых, бессмертное имя и славу; во-вторых, уверенность в том, что меня оставят в военно-морских силах, даже если появится неблагоприятное законодательство в отношении инженерно-строительной службы ВМС; в-третьих, социальное продвижение, так как благодаря престижу моей летней работы и содействию друзей, которых я приобрел этой зимой, уже следующей зимой я стану одним из самых первых лиц в высших кругах столицы и заведу знакомства с влиятельными людьми, вместе с которыми распланирую свое будущее, а не опушу руки: будь что будет... Помни, мама, я должен получить славу, и я не могу смириться с серой, нудной работой, длящейся годами, и прославиться лишь на склоне лет, если я вижу возможность завоевать все это сейчас и выпить прекрасный напиток, пока я молод, силен и имею

возможность насладиться этим в полной мере. Но я не законченный эгоист, мама. Я хочу получить славу сейчас, когда ты тоже сможешь насладиться ею...

Роберт Пири с невестой Джозефиной Дибич

Пири – руководитель геодезических изысканий и инженеры его партии. Никарагуа, 1887 год

Будь снова снисходительна ко мне, мама, и не удерживай меня от той возможности, на которую я смотрю такими тоскующими глазами и которая будет для меня источником истинного удовольствия...

По поводу Джо он написал маме так:

То, что она любит меня, – я знаю; что она сможет сделать меня счастливым – я полагаю; что она будет мешать мне меньше, чем любая другая женщина из тех, кого я встречал или встречу, – я уверен. Я содрогаюсь от мысли, что добровольно свяжу себя цепью, и ненавижу перспективу подчинить мою последнюю и самую прекрасную мечту холодному свету прозаичной повседневной жизни.

Видимо, чувства к Джо и вера в то, что она подходит ему более, чем другие, перевесили сомнения, и в сентябре 1887 года Берт сделал Джо предложение.

Между тем планировались последние исследования в Никарагуа. Уимс сообщает: «И опять ветеран Менокал был назначен главным инженером, и он выбрал Пири своим первым заместителем».

Фронт борьбы за славу снова сместился из Арктики в Центральную Америку, и Роберт многозначительно обращается к маме:

Я не мог писать тебе... об этих вещах, пока все не было определено, так как это значит для меня очень много. Даже сейчас я не могу рассказать тебе о том, чем для меня все это может обернуться в будущем. Мы обсудим с тобой позже. В настоящее время это означает, что в течение следующего года у меня будет зарплата от компании и от правительства в размере 6600 долларов и что с того момента, как наш пароход покинет Нью-Йорк, я буду командовать отрядом из 150 человек.

Пири нанял чернокожего слугу по имени Мэтт Хенсон⁸.

Кипучая деятельность Пири в Никарагуа в 1887–1888 годах – словно прообраз событий, которые через три года будут происходить на севере Гренландии. Инструкции и распоряжения, написанные лейтенантом на перешейке, схожи с его приказами в блестяще проведенной Северо-Гренландской экспедиции – по стилю, тщательности, вниманию к деталям. Уимс приводит одну из инструкций Пири в Никарагуа:

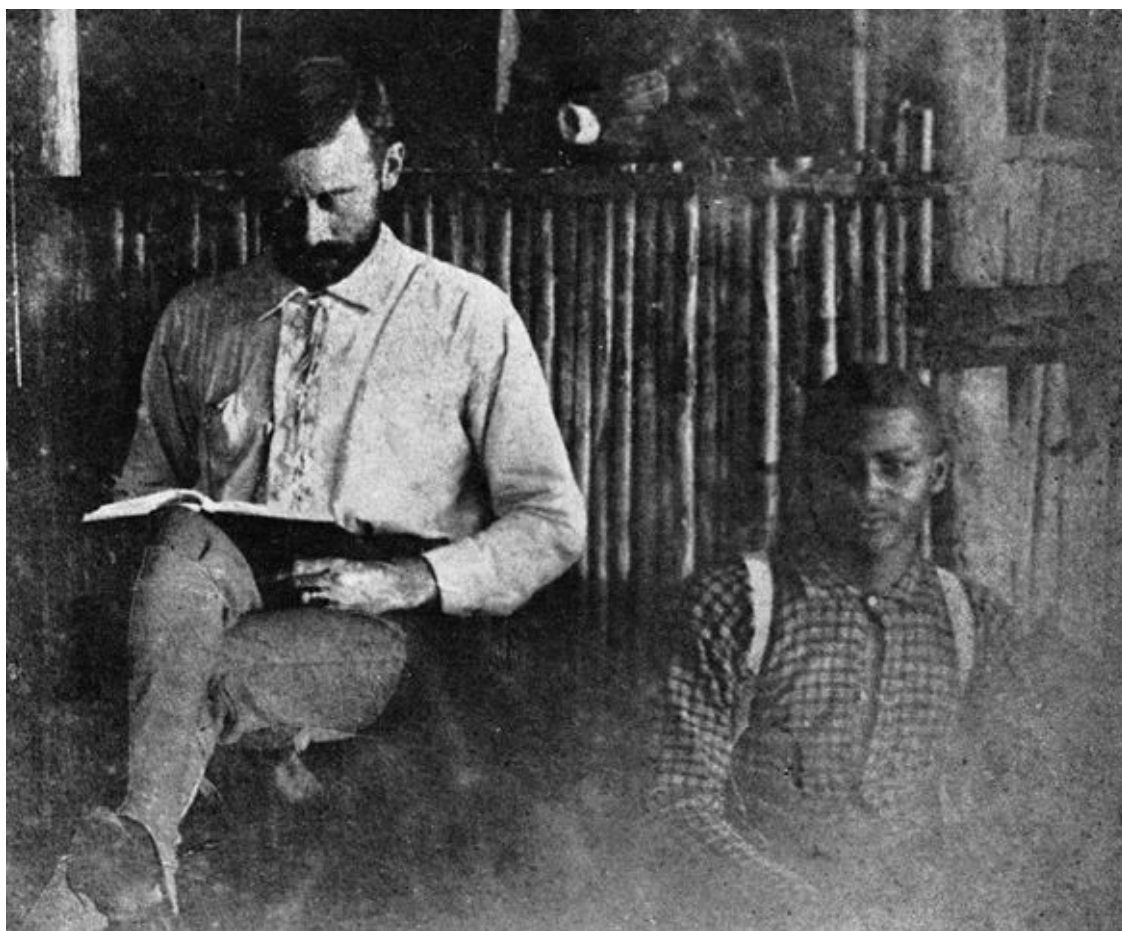
Повара должны встать и приготовить кофе с галетами на всех членов отряда, чтобы они могли стартовать в 6:30 утра. Вы будете постоянно следить за тем, чтобы всем офицерам вашего отряда был подан кофе в их москитных убежищах перед подъемом. Вы возьмете с собой на место работы холодный ланч или завтрак, состоящий из консервированного мяса и галет, как предусмотрено в рационе. Вы прекратите работу на полчаса в 11 утра для ланча и затем продолжите работу до 16:30, когда вы вернетесь в лагерь на обед.

Рекомендовано, чтобы офицеры по прибытии в лагерь приняли небольшую дозу (1 или 1,5 унции) спирта, и затем вы должны проследить, чтобы каждый из офицеров немедленно снял свою рабочую одежду, как следует принял душ, вытерся и надел свой толстый фланелевый спальный

---

⁸ Мэттью Хенсон – один из героев нашей книги, ему посвящена глава 28. Достоверно неизвестно, когда Хенсон родился: называются 1866, 1868 и 1869 годы.

костюм. К этому времени повара должны поставить обед на стол. Перед тем как покинуть Грейтаун⁹, лично проведите проверку, а затем доложите мне, у каждого ли офицера из вашего отряда имеются соответствующая москитная сетка и толстый фланелевый или мериносовый спальный костюм и носки. В любом случае при выборе местоположения лагеря вы должны стремиться установить его на сухом месте рядом с ручьем. Лично проследите за тем, чтобы палатки офицеров стояли выше по течению, чем палатки рабочих. Вы также обязаны удалить весь кустарник и деревья с территории лагеря, чтобы обнажить землю и дать солнцу свободный доступ к палаткам и территории вокруг них. Санитарные удобства для людей должны быть размещены на ручье ниже их стоянки, и все отходы лагеря неизменно должны выбрасываться в ручей именно в этом месте. Нельзя позволить, чтобы какой-либо мусор или отходы оставались и накапливались в лагере или около него.

Пири и его слуга Мэттью Хенсон. Никарагуа, 1887 год

Вы должны вести ежедневный подробный журнал обо всем происходящем, и этот журнал после завершения вашей работы вы передадите мне для регистрации событий.

Вы должны вежливо обходиться со всеми, кто посетит ваш лагерь; в то же самое время вы не должны никому сообщать никакой информации относительно проводимых исследований без разрешения главного штаба...

---

⁹ Главный порт Никарагуа.

Особенно бережно вы должны относиться к рабочим, нанятым в Никарагуа. Почти все они послушны и хотят работать, но они не привыкли к ругани, или телесному наказанию, или оскорблению; и вы, и офицеры в вашем отряде постараетесь использовать должную комбинацию из твердости и доброты, чтобы контролировать их и направлять без отклонения в ту или иную сторону. Несомненно, вы сочтете разумным выбрать подходящего человека или из рабочих, нанятых в Никарагуа, или из рабочих, нанятых на Ямайке, который благодаря своему уму и силе завоюет уважение остальных...

Вы сделаете неизменным правилом для каждого в вашем отряде сразу же по прибытии вечером в лагерь сдавать свое мачете в вашу палатку, где оно будет оставаться до утра, пока не понадобится для работы...

Компания по морским каналам, пригласившая Пири на работу, предписала ему нанести визит президенту Никарагуа. Из столицы Манагуа Пири, довольный собой, делился с мамой:

...Неважно, насколько тяжела дневная работа, насколько промокиши или уставши я могу быть, вечером я думаю про себя: «Я поднимаю себя»; «Я вывожу свое имя перед всем миром»... Это замечательное занятие... чувствовать, что каждое усилие имеет значение для тебя, что награда не будет отнята кем-то другим, а избавит тебя от нудной работы в будущем. Им придется предложить мне нечто особенное или отказаться от меня.

В другом письме он рассказывал ей о работе:

...моя палатка в главном штабе – это самое последнее место, где я хотел бы находиться. Леса с их просторами для исследований и проектирования, где невозможно вмешательство посторонних, – это мое пристанище. Я прошел уже не одно неприятное испытание и буду счастлив, если впредь их не будет. Один из начальников моих отрядов превратился в помешанного невменяемого пьяницу, опозорил себя и косвенно всю экспедицию, что вызвало у меня сильнейшее раздражение и напряжение даже после того, как я уволил его. Другой впал в депрессию со склонностью к суициду, несколько раз пытался убить себя и наконец, несмотря на все предосторожности, выстрелил в одного из докторов и ранил его, а затем покончил жизнь самоубийством... Иногда я думаю, что буду глупцом, если позволю себе когда-нибудь снова заняться такой работой, но затем я начинаю думать о своем имени...

Через два месяца Пири гордился:

Я буду незаменим для Компании по морским каналам после этой поездки и смогу ставить свои собственные условия. В то же время я уже сделал свое имя известным, как ты можешь видеть из «Геральд»... Я надеюсь, что ты удовлетворена моими успехами. Я достиг много из того, о чем мечтал 11 лет тому назад, когда покинул колледж, а впереди перспективы выше того, о чем я мечтал. Теперь у меня больше знаний в отношении канала и хватка крепче, чем даже у самого Менокала, так как, кроме его знаний об общем объеме работы, у меня есть еще личные представления о каждом футе земли... За эти 5 месяцев я узнал больше о своих возможностях, чем за всю свою предыдущую жизнь.

Пири руководил шестью наземными отрядами, одним гидрографическим и двумя буровыми. Работа продолжалась семь месяцев. Колоссальные площади были исследованы, маршрут канала, запланированный ранее, был смещен, однако вся эта работа не имела продолжения¹⁰.

11 августа 1888 года Роберт и Джо поженились, и мама Пири сопровождала их во время медового месяца. Пири снова вернулся к рутинным занятиям. Брайс подытоживает:

«Работа Пири в Никарагуа завоевала ему какое-то признание. Но большая часть похвал пришлось на долю Менокала как главного инженера. Пири считал, что получил слишком мало, его чувство обиды превратилось в ненависть к его прежнему благодетелю...

Поскольку мечты о славе на юге как топографа и, вероятно, главного инженера межокееанского корабельного канала свелись к нулю, Пири снова обратил внимание на север».

Но времени ушло слишком много. Читатель помнит, что сообщение Норденшёльда воодушевило не только Пири, но и Нансена. «Нансен не мог терять времени, если не желал, чтобы его опередили», – читаем в книге «Нансен в замерзшем мире». Свои надежды он реализовал полностью.

(В 1887 году никому не известный 27-летний лаборант Музея естественных наук в Бергене Фритьоф Нансен приехал в Стокгольм и добился встречи со знаменитым Норденшёльдом, чтобы изложить ему проект пересечения Гренландии. Разговор занял несколько часов, и Норденшёльд одобрил смелый замысел. В самой Норвегии общественность была против.

Буквально накануне отплытия в Гренландию в Копенгагене Нансен встретился со спутником Пири – Майгором, чтобы узнать от очевидца полезные подробности.

Все происходило так, как хотел Нансен. Он и пятеро его товарищей пересекли лед Гренландии за 40 дней, с 10 августа по 19 сентября 1888 года, пройдя 470 километров.

Возвращение Фритьофа Нансена в Норвегию было триумфальным. Он стал народным героем и сохранил это звание до конца своих дней. Правительство, отказавшее ему в 5000 крон на гренландскую «авантюру», без колебаний выдало 300 000 крон, когда он решил построить «Фрам», хотя новый проект – движение судна вместе с дрейфующими льдами к Северному полюсу – мог показаться нормальному человеку куда более сумасшедшим, чем пересечение Гренландии на лыжах. Страна верила своему герою!)

Для лейтенанта Пири триумф Нансена был ударом. Биограф Пири Фитцхью Грин от лица Джозефины Пири изобразил драматическую сцену:

«Он пришел во второй половине дня, выглядя так, будто только что видел чью-то смерть...

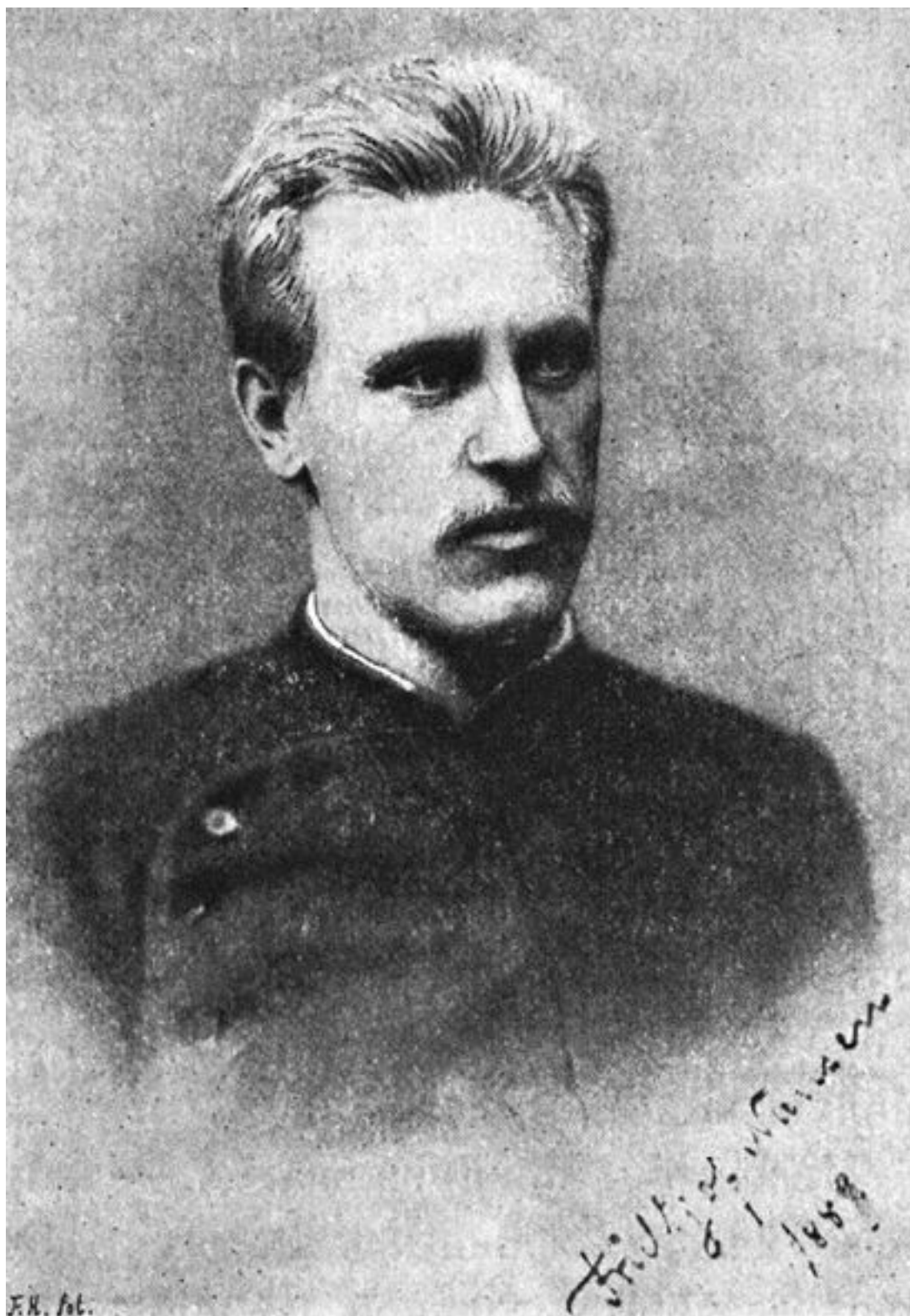
Он тяжело сел на кровать. Я сказала: “Боже мой, Берт, что произошло?” Он покачал головой; казалось, что он был не в состоянии говорить. На мгновение я испугалась. Я подумала о его матери. Он увидел это на моем лице. Затем он просто сказал: “Джо, Нансен пересек Гренландию”».

Позднее Пири писал маме:

...Я недавно купил книгу Нансена... и мы читали ее. Это – претенциозный труд в двух толстых томах с многочисленными иллюстрациями и картами. Однако оригинального материала в ней едва ли больше, чем я собрал 4 года тому назад...

---

¹⁰ В 1902 году правительственная комиссия отменила решение строить канал в Никарагуа, остановившись на Панамском канале.

Фритъоф Нансен

В большей степени Нансен воспользовался моим опытом и часто ссылается на меня в своей книге. Его карты показали мою работу, и он назвал там гору в честь меня и опубликовал ее фотографию.

В книге «По большому льду», заканчивая отчет об экспедиции 1886 года, Пири приводит карту Гренландии, на которой пунктиром обозначены возможные, по его мнению, пути через

остров: два в районе полярного круга – на юге острова, один в центральной части и один на севере. Он объясняет:

В 1888 году Нансен пересек Южную Гренландию, отправившись по кратчайшему из указанных мною путей...

Это исполнение задуманного мною предприятия оказалось для меня серьезным ударом... и мне оставалось только выбрать другой, более северный путь.

Пири ждала Северная Гренландия – территория, сулившая массу географических открытий. Северные пределы Гренландии были неизвестны – восхитительная задача!

В 1890 году Пири с блеском прочел лекцию в Бруклинском институте гуманитарных и точных наук о походе 1886 года и своих задачах в Северной Гренландии. Академия естественных наук в Филадельфии выделила на проект запрошенные Пири 6000 долларов с условием, что на борту экспедиционного судна разместится группа ученых. Поддержку оказали Американское географическое общество и Бруклинский институт. Брайс снова пишет о «резких перепадах настроения» Пири: «По мере того как его планы определялись, депрессия последних лет стала уходить. Он уверенно сказал маме:

Я много работаю, но это не злит меня так, как раньше, поскольку нет причин для беспокойства. Я вижу все ясно перед собой, и успех, и почетное имя мне обеспечены».

В двух письмах маме он слагает хвалы себе и своим будущим победам, рассуждает о деньгах и мести:

Я сейчас начинаю то, что будет достижением всей моей жизни, достижением, которое сделает мое имя известным всюду, не только сейчас, но и в будущем, и приведет меня к такому положению, которое я должен занять, или же я буду вечно неудовлетворенным...

Кейн получил от 70 000 до 80 000 долларов за свою книгу, Стэнли продал свою, как говорят, приблизительно за 200 000 долларов и заработал около 50 000 долларов лекциями. Не думай, что я мечтаю о таких цифрах, но существует большая дистанция между этими результатами и 2700 долларами в год. Я совершу посадку где-то посередине между этими числами...

...Только трое знают о моих чувствах по отношению к Менокалу... Но я должен быть таким, чтобы осознание моего превосходства постоянно кололо его.

Компания [по морским каналам] предпринимает большие усилия для того, чтобы правительство взяло на себя канал. Если это произойдет, то весьма вероятно, что канал будет построен военными инженерами и мистер Менокал потеряет свою работу. Если дела пойдут хорошо, то я вернусь в зените своей славы и т. д. Если я не смогу достичь всего этого никаким другим способом, то я отдам свою правую руку, лишь бы занять такое положение, чтобы каждый смог почувствовать мое превосходство в способностях и достижениях, а также в физических данных над этой трусливой мелкой коричневой шавкой.

Слава, деньги и месть подстрекают меня идти вперед. И иногда я не могу заснуть от страха – вдруг что-то случится и помешает моим планам.

Я перевернусь в гробу, если не лишу его возможности ухмыляться по поводу того, что я обязан ему хоть какой-то частью своего успеха.

Уимс в биографии Пири говорит о Менокале только уважительно и трижды подчеркивает, что именно он пригласил Пири на работу. Брайс называет Менокала благодетелем Пири. Откуда же у лейтенанта такая агрессия? Уимс на это патологическое чувство не обращает внимания, и биографа Пири, создающего образ положительного героя, можно понять – пышущая ненависть не украшает его любимца.

Пири мечтал об Арктике:

*Работая там, находишься во власти той же дикой и жестокой поэзии...
которая присутствует в северных сагах...*

Верно! Но не суровая красота, не девственные и беспредельные северные просторы, не желание разгадать тайны природы и принести пользу человечеству, а собственная роль покорителя Арктики захватила Пири:

*...я вернусь более сильным и твердым, чем когда-либо, и имя Пири
станет известным всему миру и всем будущим поколениям.*

Между походом с Майгором и новой экспедицией прошло 5 лет. Одно за другим мы услышали откровения Пири: его жизненное кредо – добыть славу в Никарагуа или в Гренландии; он преодолел сомнения и женился; прилагая большие усилия, используя свои знания и талант, он нашел первых друзей, имеющих влияние и деньги. Родилась и первая ненависть – к начальнику, который, по мнению лейтенанта, недооценил его заслуги в Никарагуа. Его ненависть, как он говорит, – не только чувство, но и призыв к действию. По-видимому, триада: «Слава, деньги и месть» – это и есть девиз Пири. Годы от 30 до 35 – лучший возраст в жизни мужчины, и Пири в расцвете сил предстает перед нами настоящим – не выдуманным. Он именно такой и никогда не станет другим; ничто не научит его, и никто не выручит.

Глава 3. Пересечение Гренландии. 1891–1892 годы

6 июня 1891 года паровая баркентина «Кайт»¹¹, обитая железными листами и снаряженная для плавания в Арктике, отошла от причала в Бруклине. Кроме зимовщиков – лейтенанта Пири, миссис Пири и пяти членов отряда – на борту разместились девять профессоров, которые называли себя Западно-Гренландской экспедицией. Руководил группой доктор Анджело Гейльприн.

Пири представляет членов команды:

Моими помощниками стали: Фредерик Кук, врач и этнолог экспедиции, родом из Нью-Йорка, получивший степень в Колледже врачей и медиков и в Нью-Йоркском университете. Он практиковал в Нью-Йорке в течение нескольких лет. Ему было 26 лет.

Лэнгдон Джибсон из Флашинга, о. Лонг-Айленд, мой орнитолог и главный охотник; крепкий молодой охотник 26 лет, член Общества американских орнитологов...

Эйвин Аструп из Христиании в Норвегии (сегодня – Осло. – Д. Ш.); крепкий юноша, только недавно приехавший в Соединенные Штаты... Он получил диплом первой степени коммерческого колледжа в Христиании и брал многочисленные призы в спорте, в особенности лыжном.

Джон Вергоев из Луисвилля, штат Кентукки, минералог и метеоролог. 25 лет, учился в одном из восточных университетов. Мистер Вергоев щедро содействовал решению финансовых проблем экспедиции.

---

¹¹ Kite – коршун (англ.).

Роберт Пири – глава Северо-Гренландской экспедиции в 1891–1892 годах

«Кайт» у берегов Гренландии, 4 июля 1891 года

Портреты членов первой Северо-Гренландской экспедиции Пири (слева направо, сверху вниз): Фредерик Кук, Лэнгдон Джибсон, Эйвин Аструп, Джон Вергоев, Мэттью Хенсон

Мэттью Хенсон, мой слуга; смелый чернокожий парень родом из Виргинии, 23 года. Его ум и преданность, выдающаяся отвага и выносливость, проявленные им в течение нескольких лет, проведенных со мной в различных экспедициях и в джунглях Никарагуа, убедили меня в том, что он очень ценный член партии.

Миссис Пири сопровождала партию. Здоровая, молодая, энергичная и полная восторженного интереса к делу, она не видела причины, почему она не сможет перенести условий и среды, в которых датские женщины проводят годы своей жизни.

У Пири – мы увидим это – отличная команда. Да и в целом вся его Северо-Гренландская экспедиция кажется великолепно отлаженным грандиозным предприятием. Смелость, настойчивость и упорство Пири восхищают, и он предстает умелым организатором. Ему удалось все: добыть деньги, найти людей, снарядить судно и причалить к северным берегам Гренландии, построить дом и созвать окрестных инуитов, поселить их рядом и наладить с ними дружеские отношения, подготовить снаряжение – сани, приборы, сшить одежду, приобрести у местных людей собак и научиться управлять упряжками, собрать рационы питания, создать на ледяном куполе депо со снаряжением и продуктами для предстоящего перехода.

Участница экспедиции Джозефина Пири

Повествование Пири о Северо-Гренландской экспедиции превосходно: интересно, познавательно. Оно словно кладезь полярных откровений, и хотелось бы процитировать многие места из него, очень понятные и близкие автору настоящей книги. Одного не мог Пири – умерить свое себялюбие, свою патологическую ревность к успехам других, свое болезненное тщеславие. «Мой врач», «мои эскимосы», «мой верный чернокожий помощник»... Мой, моя, мои, мое – любимые слова в лексиконе Пири.

Вергоев погиб, Аструп, как мы увидим, тоже в самом расцвете сил уйдет в мир иной; они расстались с жизнью, будучи нешуточно обиженными на лейтенанта. Кук отдалится от Пири. В 1909 году Кук будет оклеветан Пири, и только сила духа поможет ему достойно жить с клеймом всемирного обманщика. Вина Пири в трагедии Кука бесспорна.

Вернусь к словам: «Вергоев щедро содействовал решению финансовых проблем». Они означают, что за свое участие в экспедиции юноша заплатил 2000 долларов. Письмо Пири Вергоеву:

Уважаемый сэ,

Ваши письма и телеграммы благополучно получены, и я думаю, что все приемлемо, если только Вы четко поняли один момент, а именно: Ваш вклад, каким бы он ни был щедрым, не может дать Вам какого-либо права участвовать в руководстве экспедицией или в ее контроле. Эти обязанности – абсолютно моя прерогатива.

Как я уже писал, Вам будет оказано полное доверие как участнику, и я постараюсь, чтобы Вы были довольны...

Я думаю, что какие-то серьезные риски Вам не грозят, но Вы должны быть готовы к любым объемам тяжелой работы. Я не думаю, что Вы должны как-то специально готовиться перед поездкой...

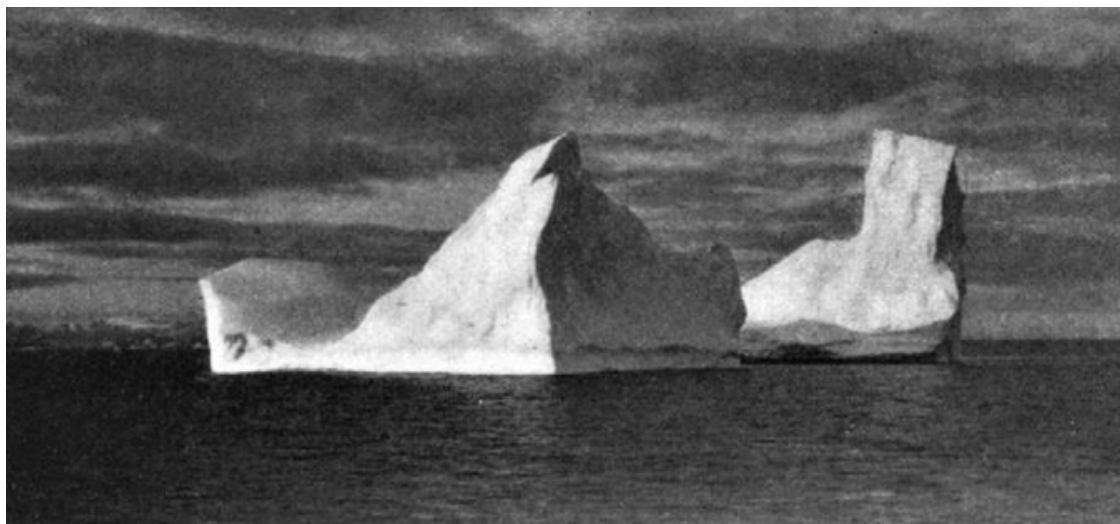
Каждый из участников подписал контракт. Люди Пири были «согласны с тем, что в течение года после публикации официального отчета о результатах экспедиции они не имеют права писать о поездке или распространять информацию...». Брайс замечает, что Пири засекретил даже имена членов отряда, кроме миссис Пири. Цель та же: лейтенант, и только он – источник сведений о путешествии.

На подходах к Годхавну¹² всех удивил Вергоев, решивший сплавать к берегу, до которого от корабля, стоявшего на якоре, было около 200 метров, и вплавь вернуться. В бухте застыли айсберги, вода была ледяная, и зрители заволновались. Доктор Роберт Кили из академической группы поспешил за смельчаком в лодке. Но все обошлось, Вергоеву аплодировали, хотя бравада юноши в свете последующих трагических событий была словно неприятным предупреждением.

1 июля «Кайт» достиг залива Мелвилл, где почти неделю простоял, окруженный льдами. 11 июля битый лед настолько сильно сжал руль, что штурвал вырвался из рук рулевого, и железный румпель ударил по правой ноге Пири, вдавив ее в рубку и сломав две кости над лодыжкой. Пострадавшего унесли в каюту. Кук с помощью миссис Пири закрепил сломанные кости гипсовой повязкой. Велики были страдания пациента от боли при столкновении судна со льдами.

---

¹² Город и порт в Гренландии.

Айсберги – арктические скитальцы

В подробнейшем отчете об экспедиции Пири отводит совсем немного места своим мукам, тем не менее короткие записи позволяют судить об истории болезни:

Мне перебинтовали ногу и уложили на длинной постели в каюте, где я был вынужден оставаться до тех пор, пока меня не перенесли на берег в наш зимний лагерь...

Моя сломанная нога зажила, и 15 августа на костылях я вышел на первую прогулку; 16-го я взошел ковыляя на холм и слегка оперся сломанной ногой на землю...

3 октября я впервые прошел почти полмили без костыля и палки.

14 января 1892 года во время вылазки на ледяной купол:

Что меня радовало, так это состояние моей сломанной ноги – она еще не позволяла полноценно перепрыгивать препятствия, но уже не болела.

Все это подытоживается:

Благодаря профессионализму моего врача Кука и неусыпной и чуткой заботе миссис Пири я вскоре полностью поправился.

Однако через 17 лет, на пути к Северному полюсу, Пири будет жаловаться, что нога, сломанная на «Кайте», ноет.

Конечным пунктом плавания стал южный берег бухты Мак-Кормик. Место для зимовки было выбрано перед красными отвесными утесами. Пири, привязанного к доске, вынесли с корабля и уложили в палатке, откуда он мог наблюдать за строительством дома, получившего название Дом Красной Скалы¹³. 30 июля «Кайт» снялся с якоря.

Доктор Кили нарисовал грустную картину прощания: «...после обмена несколькими памятными подарками и пожеланиями мы сказали друг другу “до свидания”. Три пронзительных гудка и оружейный залп известили об отплытии. Никогда я не слышал звуков прощального салюта, которые вызвали бы у меня такую грусть... Когда лодка отплывала, они [группа Пири] три раза прокричали “Ура!..”, но радости в голосах было куда меньше, чем раньше, когда я слышал тех же людей. Колокол в машинном отделении просигналил полный вперед, и через несколько минут мы отплыли от самого северного белого поселка Земли, оставив наших товарищей перед лицом выбранного ими долга в этих беспощадных арктических условиях».

¹³ Red Cliff House.

От Дома Красной Скалы до Северного полюса лежало 750 миль льда – расстояние не такое уж большое, и вряд ли шестеро мужчин, мечты которых так последовательно воплощались в реальность, разделяли грусть отплывающих. Пири в палатке написал письмо маме, которое отправил с «Кайтом»:

Я стремлюсь к тому времени, когда буду удлинять шаг на моем пути к северной цели, к почетному имени и славе...

Что касается моей команды, то я ей очень доволен и чувствую доверие к каждому ее члену. Все они – джентльмены, насколько мне удалось узнать.

Особое доверие я испытываю к доктору Куку. Он, несомненно, большой специалист в своей профессии, имеет очень хороший запас медикаментов и т. д. Он спокоен, аккуратен, внимателен и в высшей степени невозмутим. Я имел возможность убедиться в этом после досадного несчастного случая 3 недели назад.

Спустя 10 дней члены отряда уже обживали построенный дом 22 на 12 футов: одну комнату размером 20 на 7,5 футов заняли пять членов команды, в другой, почти в два раза меньшей, разместилась семья Пири.

Дом Красной Скалы

Поход через ледниковый купол Пири хотел осуществить следующим летом на собаках, и главным теперь было наладить дружеские отношения с инуитами, поскольку только они могли снабдить экспедицию собачьими упряжками, дичью и шкурами животных для изготовления одежды и обуви. Расплачиваться с аборигенами Пири намеревался ружьями, топорами, ножами, безделушками, иголками.

Одно из поселений находилось в 70 километрах от Дома Красной Скалы, и туда Пири послал Кука, Вергоева, Аструпа и Джибсона. Каждый имел письменное распоряжение.

Стоит сказать, что все приказы и распоряжения Пири, все отчеты его подчиненных времен Северо-Гренландской экспедиции педантично собраны в книге «По большому льду». Они впечатляюще подробны. Видно, как внимательно лейтенант относится к мелочам, – он в курсе буквально всего и, словно гордясь своими знаниями, дотошно излагает все факты на бумаге: смотрите, мол, как было, – документы подтверждают.

Начальником экспедиции был назначен Джибсон, на Кука возлагалась вербовка инуитов. Предписание доктору гласило:

12 августа 1891 года

Сэр, Вы назначаетесь заместителем командира лодочной экспедиции... и в случае, если с мистером Джибсоном случится что-либо серьезное, Вы примете команду.

Во время... экспедиции Вы должны скрупулезно отмечать месторасположение всех эскимосских деревень на посещенных вами берегах и заносить все необходимые сведения, касающиеся их планировки, размеров, материалов и т. д.

Если Вы обнаружите туземцев, то попытайтесь получить от них шкуры северного оленя, медведя, песца, а также, что особенно важно, комаги¹⁴.

Попытайтесь объяснить туземцам, где находится дом и что они могут найти в нем необходимые для них вещи в обмен на меха и орудия.

По возможности убедите семейную пару (у которых есть каяк и прочие принадлежности) вернуться с вами и поселиться на зиму вблизи нашего лагеря.

Если вам это не удастся, постарайтесь привести хотя бы одного мужчину с каяком, пообещав ему в качестве вознаграждения ружье.

Отряд отправился на вельботе, рассчитывая возвратиться через две недели. На третий день на острове Нортумберленд Кук и его товарищи увидели первого инуита. В отчете о поездке Кук пишет: «Он был больше похож на какое-то животное, чем на человека. Эскимос не выказывал страха, а сошел прямо к берегу и помог нам пристать, смеялся и несколько раз принимался что-то говорить. Конечно, мы не понимали ни слова из сказанного. Вскоре появилась женщина с двумя детьми. Мы сели завтракать и предложили им поесть с нами. Им, как нам показалось, было приятно наше гостеприимство, они ели все, что мы давали, но из всей нашей пищи им понравились только кофе и бисквиты».

---

¹⁴ В оригинале kamiks. В книге 2013 года слово переведено как «унты», что неправильно. В книге издания 1906 года – «комаги». Камики, комаги – вид обуви из кожи.

Первый местный житель. Фото доктора Кука

О последующих событиях мы узнаем из неопубликованной книги доктора Кука¹⁵: «Через несколько часов наш гость-дикарь вновь появился со своей женой...

Эти двое подошли, держась за руки, как влюбленные, с огнем эмоций в ярких раскосых глазах. Женщина была просто крошкой, ростом 4 фута 6 дюймов, но было видно, что в ней – целая вселенная понимания. Она вела весь разговор в мягкой женской манере. Мало улыбалась, но усердие глубокомыслящего человека было в каждой черте ее лица. После краткого вступления... она подошла к каждому из нас, посмотрела прямо в глаза и вопросительно сказала: “А-тинг-а”¹⁶. Это повторялось так часто и так быстро, что мы просто повторяли это слово, как ответ. Это вызвало продолжительный смех, но женщина настаивала. Ни одного другого слова предложено не было.

“Что имеет в виду эта глупая женщина?” – спросил Джибсон.

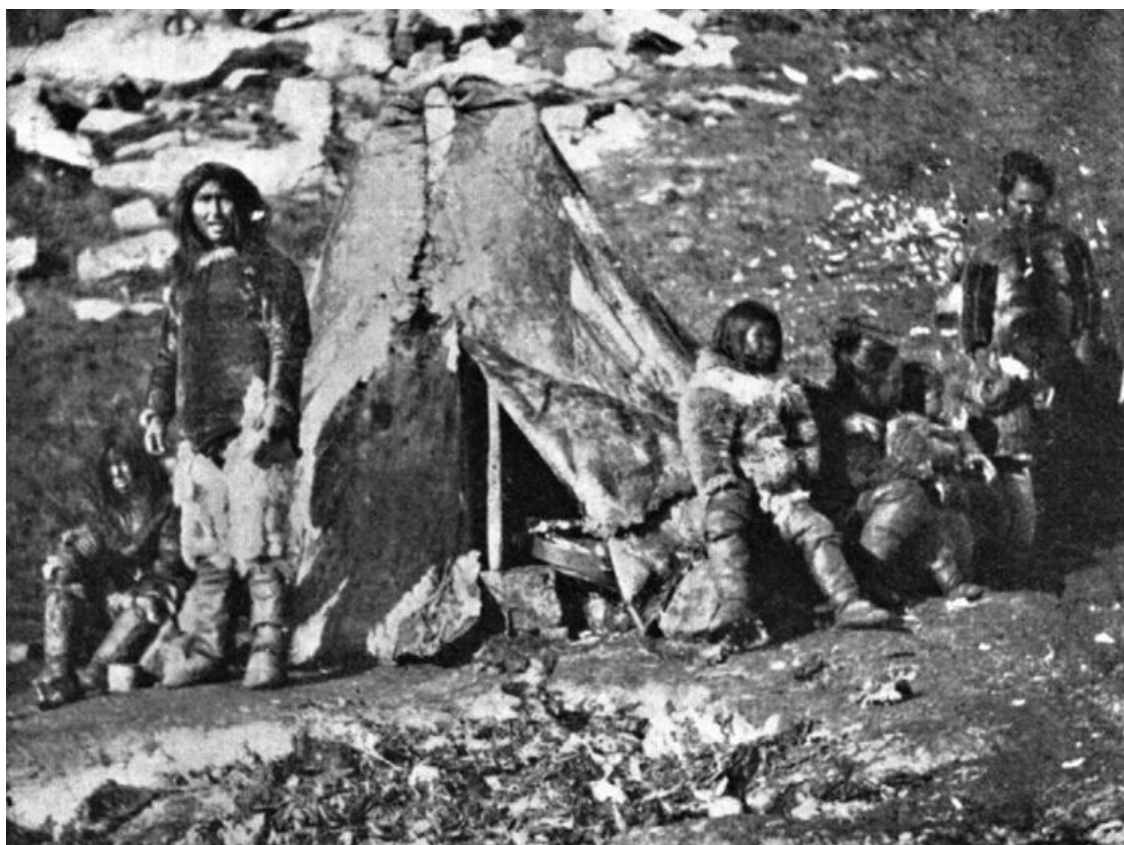
“Она не в своем уме”, – отозвался Аструп.

Но специфичная манера женщины, задающей вопрос, выдавала желание втолковать нам некую мысль. Она становилась более настойчивой и более серьезной с каждой попыткой. Мы предлагали продукты, предлагали подарки, но она ничего не брала. Вергоев был маленького роста, практически размером с эскимоса. Она схватила его за воротник, почти вытряхнула его из куртки и сказала: “А-тинг-а”. Затем она оттолкнула его, улыбнулась и произнесла с умоляющим взглядом: “А-тинг-а”. Наша глупость стала сейчас очевидной для всех. Джибсон, который традиционно был общепризнанным юмористом в нашем отряде, на этот раз наблюдал за всей этой сценой с нарочитым молчанием. Неожиданно у него появилась идея. Поднявшись с многозначительным видом, он положил свои огромные руки на ее маленькие плечи, посмотрел в ее черные глаза и спросил: “А-тинг-а?” Ее беспокойство вдруг исчезло, и она быстро ответила с выражением: “Мане. Мане-ап пиблокто ибсе”, – и затем, указывая на своего мужа, добавила: “Иква”¹⁷.

¹⁵ Cook F. Hell Is a Cold Place. Архив Общества доктора Фредерика Кука. Книга любезно предоставлена Библиотекой Конгресса США.

¹⁶ “Ah-ting-ah”.

¹⁷ “Manee. Manee-ap piblokto ibse. Ikwa”.

Семья инуитов и палатка (вверху). Иглу, вход. Остров Нортумберленд. Фотографии доктора Кука

Инуиты с каяками на земле

Все еще в недоумении, по-прежнему не понимающие смысл обращения этой далекой от цивилизации женщины только одним словом, мы были поражены ее безропотной настойчивостью. С материнской интуицией она старалась научить нас одному слову, которое, как мы поняли позднее, позволило нам со временем узнать весь эскимосский язык. Мы были настолько недогадливы, что нам потребовалось 2 дня, чтобы осознать всю преподавательскую мудрость этой женщины. Слово “а-тинг-а” означало: “Что это – как ты это называешь – как тебя зовут”. Отвечая Джибсону, она назвала свое имя Мане и добавила: “Да, я Мане. Вы сошли с ума. Это – мой муж. Его зовут Иква”.

Одно слово “а-тинг-а”, которое вдолбила нам эта дикарка, помогло нам больше, чем все книги об арктических исследованиях, поскольку, используя его, мы смогли не только быстро и легко приобрести практические навыки эскимосского разговорного языка, но и понять основные приемы жизни в Арктике. Ни один исследователь не сможет добиться серьезного успеха в полярных регионах без сокровенных знаний местных жителей, позволяющих безопасно переживать тяжелые периоды голода и морозов, которые всегда маячат на горизонте в этом белом мире».

Вскоре Кук смог объяснить Мане, что ему нужен материал для изготовления обуви. Она пошла в свое поселение и вернулась с тюленьей кожей и костяной иглой. Мане повесила кожу на колено Кука и начала шить козаги. Пока Мане шила, Аструп рисовал на песке разные предметы и спрашивал их названия. Потом Мане, в свою очередь, изобразила контуры острова и отметила местонахождение племени. Все поплыли туда и были тепло встречены тринадцатью жителями.

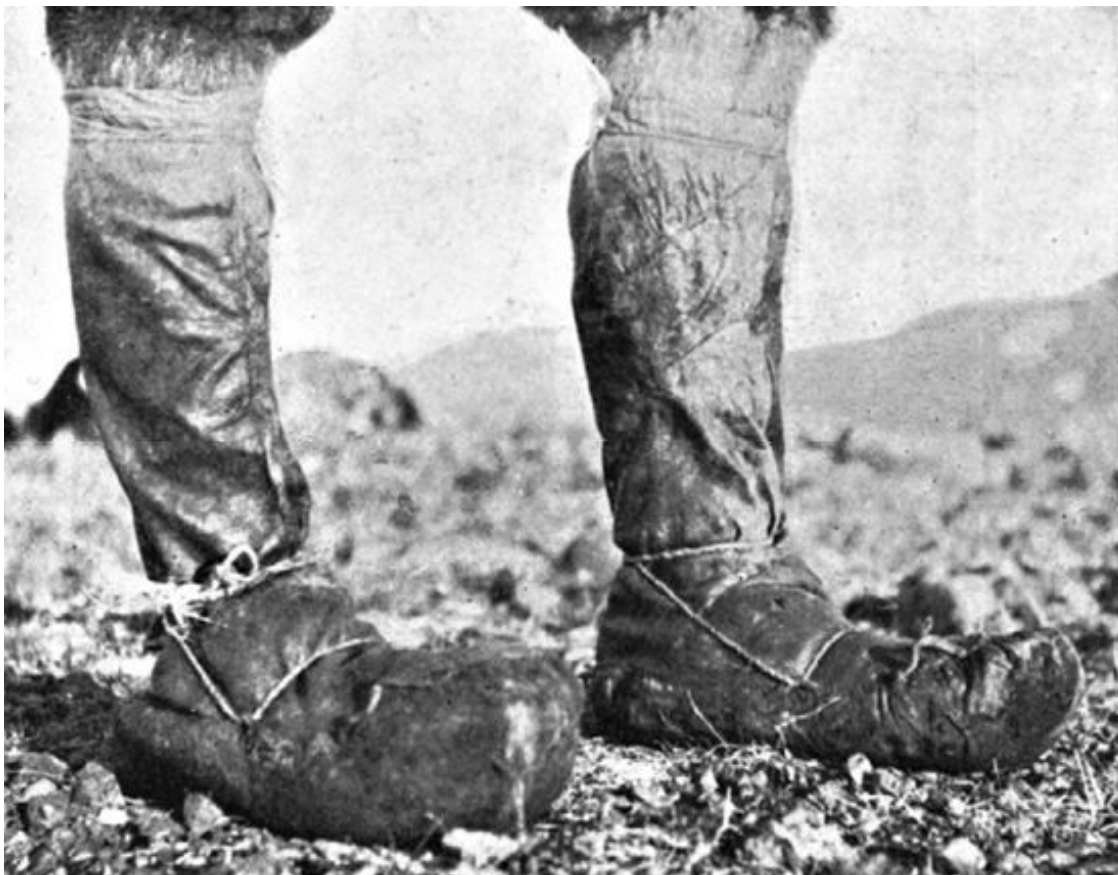
В отчете Кук рассказывает о поездке: «Каждый мужчина имел каяк, гарпун, копьё и птичью сеть, у двоих были луки и стрелы, а у нескольких – веревки и жилы нарвала. Их запасы сала и мяса, казалось, были свалены в одну кучу; нежирное мясо вялилось на веревках.

В первую же ночь эти люди доказали, что они не боятся белых и вполне нам доверяют. Около 10 часов вечера все мужчины стремительно запрыгнули в свои каяки и погнались за

нарвалом, оставив своих жен и детей совершенно беззащитными. Около 5 часов утра они вернулись с нарвалом...

Для себя я также отметил характерные особенности поведения жителей этого поселения: заботливое отношение к охотничьим принадлежностям, внимание к мелочам, очень бережное и экономное отношение к железу и дереву.

Они сказали нам, что слышали свисток “Кайта”. Мы объяснили, где был наш лагерь и что у нас в изобилии есть дерево и ножи...

Мои мягкие камики. Подпись из книги Р. Пири

Я снова попытался убедить Икву ехать с нами. Он колебался, но затем согласился, забрал свои вещи и... сложил их в наш вельбот и вместе со своей семьей отправился с нами...

Иква говорил нам, прежде чем сесть в вельбот, что его жена и дети заболеют морской болезнью, но, когда мы плыли по проливу, она и дети спокойно спали и, не просыпаясь, так и доплыли к Красной скале».

По прибытии Иква разбудил Мане, и белые мужчины с удивлением увидели, что на дне лодки под оленьими шкурами женщина спала совершенно голая. Семья поставила палатку и вечером была приглашена на обед. Икве понравилась миссис Пири, и он попытался обнять ее, показывая, что ожидает от хозяина соблюдения местного обычая – на некоторое время обмениваться женами с другом, который пришел в гости. Жест остался словно незамеченным¹⁸. Через две недели, когда бухта Мак-Кормик замерзла, появились новые инуиты, и постепенно Дом Красной Скалы стал центром маленькой колонии.

---

¹⁸ По-видимому, участники экспедиции некоторые эпизоды запомнили и рассказали по-разному. Например, у этой любовной сценки есть другое толкование. Пири с помощью Кука объяснил, что у белых нет такого обычая, поэтому Пири должен отклонить предложение Иквы. Последний выглядел разочарованным.

Пири пишет:

7 ноября в лагере, не считая членов нашей партии, было семнадцать мужчин, женщин и детей; вой 21 собаки делал ночь очень «оживленной». Мой маленький городок рос почти каждый день, и стало ясно, что нам нужно что-то вроде гостиницы. Поэтому 11 ноября было построено иглу площадью 60 квадратных футов¹⁹, где могли остановиться посещающие меня друзья.

В знаменитой книге Илайши Кент Кейна, которую вспоминал Роберт Пири, инуиты при первом знакомстве предстают примитивными, неопрятными, грязными, крайне несносными детьми арктической природы, внушающими европейцам страх и недоверие. Но, прожив рядом с ними почти два года, отчасти даже усвоив – в силу необходимости – их образ жизни, Кейн меняет свое мнение: «Я мог их всех назвать поименно, и они в той же мере хорошо нас знали...

...наши друзья принимали нас как гостей... [Мужчины] и юноши были нашими главными работниками, но женщины, дети, а еще и собаки тоже вносили свой вклад...

...никогда не было у нас таких преданных и искренних друзей, как они».

Восхищается инуитами и Фредерик Кук: «Интересно... найти в самом отдаленном полярном регионе маленькое племя, спрятанное рукой самой природы за огромными замерзшими морями и другими естественными препятствиями, живущее в состоянии счастья, покоя и мира, не зараженное пороками белокожих людей».

Джон Уимс пишет, что зимой Пири изучал аборигенов, говорит об этнографических исследованиях лейтенанта. Верно это только в том смысле, что изучением местных жителей с энтузиазмом и большим успехом занимался член команды доктор Кук. Уже после окончания экспедиции сам Пири, выступая в Академии естественных наук в Филадельфии, заявил:

Отчет будет неполным без признания моей благодарности доктору Куку, терпеливому и искусному хирургу, неутомимому работнику, серьезному исследователю своеобразных людей, среди которых мы жили; я полагаю, что он получил данные о племени, не имеющие равных в этнологических анналах.

---

¹⁹ 5,6 квадратного метра.

Портреты инуитов

Кук выучил язык этих детей арктической природы, составил словарь эскимосских слов, записывал местные легенды, научился понимать инуитов: «Эти люди, живущие на Крайнем Севере, похожи на животных по образу жизни, но их отношение друг к другу и к окружающим говорит о том, что они человеческие существа. Они имеют глубокое чувство чести, уважают права собратьев и обладают дружелюбным характером. Случаи воровства почти неизвестны, обман и предательство встречаются крайне редко. Споры, хотя и происходят часто, быстро прекращаются благодаря хорошо развитой привычке сдерживать свои эмоции. В моральном отношении, если опираться на наши стандарты, они превосходят белых завоевателей их страны. Физическое и умственное развитие не на высоте, но оно достаточно для того, чтобы удовлетворять существующие потребности. Один из наиболее интересных аспектов изучения жизни эскимосов – определение мотивов, которые ведут людей к той или иной цели...

Что вынуждает человека идти сквозь бурю и снег по льду, лезть в ледяную воду, попадая в гибельный мир холода? Поверхностный наблюдатель ответит, что это потребность в питании, одежде и укрытии. Более серьезное погружение в жизнь эскимосов подтвердит, что при достижении цели жизни все это второстепенно. Основной же целью всех усилий является уважение товарищей, а с этим неразрывно связана и любовь женского сердца. Не это ли вдохновение всего мира?»

Инуиты, в свою очередь, прониклись к Куку, знахарю, к тому же говорящему на их родном языке, особым уважением. Доктор мог войти в родильное иглу, где до момента появления

на свет ребенка разрешалось находиться только матери²⁰. После возвращения в Нью-Йорк на лекции доктор Кук рассказывал: «Когда женщина готовится стать матерью, ее помещают в дом и дают мороженое мясо в количестве достаточном, чтобы продержаться 2 недели, и немного жира. Если она переживет испытание и будет слышно, как плачет ребенок, то другие войдут и помогут ей, но если крики ребенка не слышны, то в этот дом больше никто никогда не войдет».

Кук измерял отдельные части тела инуитов и фотографировал «своих “хаски”²¹». Было описано и сфотографировано 75 мужчин, женщин и детей.

Кук обратил внимание, насколько хорошо тела инуитов приспособлены к холоду: уши, нос, руки и ноги небольших размеров, а жир и ареолярная соединительная ткань сглаживают мускулы. По его мнению, последним они похожи на некоторых арктических животных.

Доктор живо интересовался питанием местных жителей. Он полагал, что свежее мясо в рационе инуитов надежно предохраняет их от цинги – страшной болезни «пришлых» экспедиций. Кук и Пири спорили на эту тему.

«Кук: Белые люди страдают цингой, а эскимосы нет. Не должны ли мы учиться чему-то у этих нецивилизованных дикарей?»

Пири: Возможно, но не в вопросах питания. Они едят одно мясо, и в основном сырое, что для нас неприемлемо. У нас должна быть цивилизованная пища.

Кук: Может быть, но цинга затаилась на линии между консервированной пищей и сырым мясом. В процессе кулинарной обработки что-то важное для нашей жизни разрушается. Наши обрюзгшие, слабые и бледные тела свидетельствуют об этом... Что разрушается?

Пири: Откуда же я знаю!.. Понятия не имею!

Кук: Но я слежу за вашим здоровьем. За своим, за здоровьем других. Воздействие на нас, неприспособленных белых людей, налицо, тогда как эскимосы полны жизненных сил. Ответ – сырое мясо...

Пири: Если я должен есть сырое мясо, то тогда я отказываюсь от посещения этой части света».

Всем шестерым членам команды надо было научиться новой жизни, и особенно трудно пришлось миссис Пири – привыкнуть к местным жителям она не могла. По ее словам, они были «самыми странными и грязными личностями, которых я когда-либо видела». «Одетые в меха, они напоминали скорее обезьян, нежели человеческие существа».

«Мне в высшей степени не нравится находиться вместе с дикарями в моей комнате, потому что они очень грязные, и особенно потому, что на них живут паразиты, приводящие меня просто в ужас, что очень веселит нашу команду... После того как они заканчивают работу, я беру свой веник... и тщательно выметаю комнату... Веник прекрасно справляется с работой... После тщательной уборки я сбрызгиваю комнату раствором сулемы²², который мне дал доктор, и это позволяет полностью избавиться от насекомых. И я, и мистер Пири каждый вечер перед сном обтираемся спиртом в качестве дополнительной защиты против этих ужасных “кумакши”²³, и наши старания вполне оправдывают себя».

На следующий год, покидая на «Кайте» Гренландию, миссис Пири рассуждала сама с собой: «Вспоминая этих бедных невежественных людей... я все думаю о том, действительно ли они получили пользу от общения с нами или мы просто открыли им глаза на их убогую жизнь?»

Доктор Кук задавался противоположным вопросом: «Мы многому научились у мудрых дикарей, интересно, было ли наше общение в свою очередь полезно для них».

---

²⁰ Это по словам биографа Кука Эндрю Фримена. Брайс же замечает, что даже Куку не было позволено присутствовать при родах.

²¹ Так американцы называли местных.

²² Раствор хлористой ртути.

²³ Коомакшуйеу.

К зиме руководитель составил мудрые правила. Судите сами. С 8 утра до 7 вечера никто не мог расположиться на своей койке. Нельзя было отойти от дома более чем на 500 ярдов без разрешения начальства. Вахта длилась 4 часа, и люди дежурили посменно. Дежурный поддерживал огонь и следил за лункой во льду, чтобы в случае пожара всегда существовал доступ к воде. В число дежурных вошли Кук, Аструп, Джибсон и Вергоев. Что касается Хенсона, то ему были поручены домашнее хозяйство и «черная» работа, в том числе он подавал чай инуитам, которые трудились на благо экспедиции.

Миссис Пири раздает домашнюю утварь. Подпись из книги Р. Пири

Вергоев, борец за справедливость, опротестовал правила. По его мнению, в график следовало включить Пири и Хенсона. В результате слуга Пири был приобщен к дежурству.

Главная проблема любой зимовки – сосуществование очень разных людей в ограниченном жизненном пространстве. Кук дипломатично, но вполне точно описал особенности своих товарищей, обойдя, правда, руководителя и его супругу: «У каждого из нас были странности, которые мы старались не показывать. Эти особенности характера я записал в виде медицинских карточек или рабочих записей врача. Некоторые из заметок носят настолько конфиденциальный характер, что их нельзя напечатать.

Джибсон был, пожалуй, самой динамичной личностью. Ростом выше шести футов, с фигурой атлета, с отличной физической подготовкой. Он был завзятым, умелым охотником, хорошо управлял лодкой... Лэнгдон знал толк в искусстве, и в особенности в женщинах, но в Арктике у него не было шанса блеснуть этими способностями... Джибсон... всегда был верен руководителю и соблюдал интересы каждого члена команды.

Вергоев жил в своем сером мире. Он был выпускником Йельского университета с хорошим общим образованием. Его увлечением были проблемы погоды и наблюдения за прили-

вами, и он выполнял эту работу с чрезвычайной тщательностью и усердием. Но во всем остальном его теоретические знания, оторванные от жизни, давали ему ничтожное преимущество перед остальными. Он любил спорить по любому поводу, но с трудом адаптировался к жизни в лагере и к работе в Арктике в целом. Так же, как и большинство остальных участников, он считал, что планы экспедиции и снаряжение были неправильными. “Но давайте все-таки объединимся и заставим Пири проявить здравый смысл хоть в чем-нибудь” – было его ежедневным предложением. Он также сильно невзлюбил миссис Пири и Мэтта Хенсона... Вергоев оставался добросердечным человеком; ни разу не сказал дурного слова об остальных, но каждый раз, когда он видел Пири, в его глазах вспыхивал огонь.

Аstrup – обычный мальчик с красивым мужественным телосложением... Масштабность американских методов вызывала у него восторг. Astrup был поэтом в душе и артистом по натуре... Он был тактичен в суждениях, верен цели и точен в деталях во время работы.

Хенсон – смесь цветных и бледнолицых. Среднего роста, худощав. Занимал должность повара лагеря, а также прислуживал Пири и его жене, поэтому на сторонние дела у него не оставалось времени. Хенсон был импульсивен и резковат в своих высказываниях. Общаясь с участниками экспедиции, он рассказывал разные сплетни о сокровенном из жизни других людей. Мы подозревали, что когда-нибудь он и про нас что-нибудь расскажет. В каждой тюрьме и в каждой экспедиции всегда имеется тайный осведомитель. Мы считали, что Хенсон и был этим тайным проводником информации. Такие подозрения его обижали.

Имея описания характеров участников и воспринимая их в еще большей степени подосознательно, я мог предвидеть реакцию каждого на все текущие и будущие события. Во всяком случае, я думал, что мог, и это в конечном счете означало одно и то же. Молодой доктор всегда очень уверен в своих способностях, пока не поймет, что ему еще учиться и учиться».

Миссис Пири тоже составила свое откровенное досье, лишённое и тени дипломатии. Важную для нас характеристику она дает и главному герою книги, своему мужу: «Я ненавижу людей, окружающих меня, с каждым днем все больше и больше. Все их действия свидетельствуют о грубости и неотесанности. Боюсь, я слишком аристократична, чтобы привыкнуть когда-нибудь к таким людям. Для меня совершенно очевидно, что Б[ерт] не разделяет эти мои чувства и даже возмущен ими... Он воспитан так, чтобы, говоря или действуя, всегда соответствовать тому, что другие люди думают или высказывают. Я же, напротив, привыкла к независимости: говорю что думаю и делаю что хочу, не беспокоясь о мнении других. Самое лучшее, что я могу сделать, – это избегать любых разговоров с парнями, и тогда своими речами я не буду по крайней мере раздражать Б[ерта]...»

Члены партии, как они мне представляются: доктор Ф. Кук – чрезвычайно грубый человек, не имеющий никакого представления о поведении джентльмена. Бывший молочник, изучавший за счет своих сбережений медицину, не в состоянии написать и одной страницы без орфографических ошибок. Какой он врач, я, конечно, не знаю, но он был сама доброта во время несчастного случая с Бертом, и даже женщина не смогла бы быть более нежной. Я высоко ценю это и никогда не забуду, но его неотесанные манеры и неучтивый разговор постоянно раздражают меня. Представьте себе врача... который говорит за столом об “отрыжке из желудка²⁴ как признаке брожения в кишечнике”. Закончив есть, он откидывается назад на своем стуле и потирает живот, часто приходит к столу в грязных нижней рубашке и штанах, хвастается, что причесывается только по воскресеньям, и его волосы, которые он не стриг с момента отбытия из Нью-Йорка, свисают прядями над ушами и шеей. На днях, когда он что-то показывал на скатерти, по его руке проползла вошь. В целом он грязнущий представитель мужского населения, но хороший работник и человек с очень добрым сердцем.

---

²⁴ В оригинале *stommick* – искаженное написание *stomack* («желудок»). Видимо, так Кук произносил это слово.

Следующим, пожалуй, будет Дж. Вергоев, он странный и жутко неказистый карлик. В нем нет ничего от джентльмена. Очевидно, что он не получил никакого домашнего воспитания. У него есть какие-то деньги, и он обучался в научной школе. Он крайне эксцентричен и воображает о себе, что он – эталон любезности и настоящий денди. Без сомнения, у него не все в порядке с головой. Ему ничего не стоит плюнуть на пол, и он рассказывает о своих родственниках: один из них – полисмен, другой содержит богадельню и т. д. Он ограничивается двумя приемами пищи в день и во время еды просто набивает свой желудок, перемешивая все блюда на одной тарелке, что отнюдь не способствует аппетиту других участников экспедиции. Но мужчины говорят, что у него очень доброе сердце. Он не может одновременно заниматься больше чем одним делом, но это дело он выполняет тщательно, и на него можно положиться.

Дальше следует Лэнгдон Джибсон. В его внешности нет ничего отталкивающего, такого, как у двух вышеназванных людей. Раньше он был посыльным, затем – служащим на Уолл-стрит, и очевидно, что он воспитывался среди людей из более высокого общества. Его внешность, как, к сожалению, я должна отметить, единственная его положительная характеристика. Он ленивый, инертный, подхалимистый, законченный лжец и, кроме того, трус. Хотя он заявляет, что он – орнитолог, он знает о птицах немногим больше, чем заурядный охотник-любитель. У него нет никакого общего образования... и он на каждом шагу демонстрирует свое невежество.

Эйвин Аструп – иностранец, и поэтому не всегда может изъясниться на английском языке. Когда мне случается быть в комнате вместе с ним, он кажется молчаливым и застенчивым, не могу сказать о нем много. Он был бы привлекательным юношей, блестящим молодым человеком, если бы содержал себя в чистоте. Остальные научили его ругаться, и, кажется, он считал первоочередной задачей сквернословить как можно больше. Первое, чему он учит туземцев, когда они появляются, это go to h-²⁵. Он еще молод, и, я думаю, он прирожденный джентльмен, так что я питаю надежду на его исправление. Эти люди вместе с чернокожим юношей составляют культурное общество, с которым мне приходится иметь дело каждый день. По мнению Берта, я должна относиться к ним как к равным и видеть только их хорошие стороны. Он обижается, что я так не делаю; но он понятия не имеет, чего мне стоит даже просто вежливо общаться с ними. Я бы предпочла просто игнорировать их».

А вот рассчитанные на публику и поэтому куда менее интересные оценки самого Пири. Эти записи завершают его отчет о Северо-Гренландской экспедиции:

Все без исключения члены экспедиции трудились ради достижения ее целей, и мы не добились бы таких блестящих результатов без личного вклада каждого из моих товарищей.

Заботы доктора Кука позволили нам избежать болезней, даже незначительных. Лично я многим обязан его профессионализму, терпению и хладнокровию. Кроме своих специальных этнографических исследований, принесших большое количество в высшей степени ценного материала, доктор во всем и всегда был полезным и неутомимым работником.

Вергоев, пожертвовавший щедрые суммы на организацию экспедиции, посвятил себя наблюдениям за приливами, погодой и т. д. и получил серию блестящих результатов.

Джибсон, прирожденный охотник и стрелок, кроме своей орнитологической работы, более чем кто-либо содействовал снабжению экспедиции свежей дичью.

Аструп, молодой норвежец, еще юный с точки зрения формального возраста, но мужественный по характеру, на длительный период времени

---

²⁵ Вероятно, go to hell – «идите к черту» (англ.).

стал моим единственным спутником в продолжительном и нелегком санном путешествии.

Хенсон, мой верный чернокожий помощник, хороший работник, способный ко всякому делу, был и поваром, и охотником, и погонщиком собак, и экономкой, и телохранителем; по выносливости и способности сопротивляться холоду он ни в чем не уступал другим членам экспедиции.

Признание заслуг моих товарищей будет неполным, если я не упомяну о миссис Пири. Ее успокаивающее присутствие утешало в то время, когда в начале предприятия, в котором физическая форма и сила в чистом виде являются неизменным условием, я превратился в беспомощного калеку. И, помимо того, я совершенно беспристрастно могу заявить, что ее постоянному женскому присутствию и ее ценной помощи и советам, особенно в отношении нашей одежды, экспедиция многим обязана...

Такие люди, заинтересованные в деле и успехах экспедиции, могут мириться с бездеятельностью данного момента, имея в виду работу в будущем. Ресурсы, помогающие противостоять угнетающему и деморализующему влиянию длинной зимней ночи, заключены в них самих. Их азарт и увлеченность более чем уравновешивают их неопытность или недостаток выносливости.

Последние утверждения Пири совершенно справедливы. Например, Кук и Аструп как никто другой нашли себя в Северной Гренландии. Осознание, что там обретается новый жизненный опыт, было для них лучшим средством от психологических конфликтов. Им нравилось там независимо от того, пойдут они с Пири в поход или нет. Оба к тому же были спокойными, интеллигентными, добрыми людьми и изо всех сил старались хорошо выполнять свои обязанности. Именно Аструпа Пири пригласил в поход через ледники к неизвестному восточному побережью, и – удивительно – только одни сани из многих выдержали путь через Гренландию и обратно – сани, сконструированные и сработанные лично самым молодым участником экспедиции.

О Куке можно говорить и говорить. Он решил спать в своем спальном мешке из оленьего меха на улице. Автор книги, без труда мысленно ставя себя на место Кука, сделал бы так же. Небо в ясную погоду словно притягивает, чувство единения с природой наполняет покоем.

Кук изучал природу человека в самом широком смысле слова. Вот превосходные рассуждения доктора: «У нас был большой запас великолепных журналов нашего времени. Это были ежемесячные издания, и хотя прошел год с даты их выпуска, для нас они были самыми свежими новостями. Я уже давно заметил, что по мере того, как мы становились все дальше и дальше от источника информации, разнообразие тем наших разговоров постепенно сужалось... Теперь, когда все внешние источники интеллектуального насыщения отсутствовали, часто повторяемые истории, шутки и сентенции стали раздражать, и желание общаться практически свелось к нулю. Отвлеченные идеи, содержащиеся в журналах, послужили мне инструментом исследования на тему, что же может быть источником мыслей... По сути, посредством пересказывания мыслей из журналов, к всеобщему удовлетворению, было показано, что разум всего лишь перерабатывает впечатления, поступающие извне... Каждый, кто имеет широкие познания в психологии, пройдя через полярную ночь, станет твердым сторонником бихевиоризма с его идеей об основополагающем влиянии на мышление внешних впечатлений».

В отличие от Аструпа и Кука, Джибсон тяготился тяжелой арктической работой, условиями зимовки, да и компанией. В экспедицию его пригласили на должность заместителя начальника, но Пири быстро разочаровался в атлете. Претензии начальника к Джибсону – самые неприятные из тех, которые могут быть адресованы члену полярного отряда:

...легкомысленность и очевидное отсутствие самого понятия ответственности.

...либо лень, либо трусость отвращает его от путешествия на ледник...

Джибсон чувствовал отношение Пири и, конечно, не соглашался с его оценками. Брайс пишет: «В своем дневнике Джибсон стал называть Пири не иначе как “инвалид”, а миссис Пири, которая не переставала всем рассказывать о достоинствах мужа, – “обузой”. “Все мои думы сейчас занимает одна мысль – это неуместность женщин в арктических регионах. Неважно, кто они и что собой представляют”».

У Джибсона росла неприязнь и к доктору: «...идеи Кука самые нелепые. И другие зачем-то тратят время на споры с ним... Некоторые из его утверждений, хотя не так изящны, как аргументы сэра Исаака Ньютона, весьма оригинальны. Он очень болезненно воспринимает любое неприятие его идей или улыбки касательно его утверждений».

«Мне приходится прилагать определенные усилия, чтобы оставаться любезным с бывшим молочником, ныне – немецким доктором, который облакачивается на мое плечо и поглаживает меня ладонью, пока я улыбаюсь ему и выкладываю шутки, хотя на самом деле готов взорваться. Я могу продолжить и рассказать что-то подобное и о других, но я не буду. Это некрасиво, да и какой смысл».

Все объяснимо и типично. Но полярная зимовка трудна и опасна не только психологической несовместимостью людей. Случается и так, что внешние негативные факторы, непредсказуемо соединяясь, ставят людей буквально на грань катастрофы. Вот три истории из жизни Пири и его спутников.

Первая – достаточно комичная, но за действиями всех участников сценки, которую описывает лейтенант, угадывается панический страх перед огнем, грозящим пожаром, который для любого полярного зимовья может мгновенно стать трагедией.

Роберт Пири:

13 января – день происшествия: едва не начался пожар. Аструп уронил с полки ящик со спичками, и они рассыпались на печку и вокруг нее. Спички моментально вспыхнули. Доктор Кук, дежуривший на ночной вахте и спавший на ближайшей к печке скамье, прыгнул прямо в спальном мешке на пол и упал как раз «вовремя» – я с размаху выплеснул полное ведро воды, которая по большей части попала доктору прямо в лицо. Второе полное ведро, моментально последовавшее за первым, убедило доктора Кука в слаженности и четкости действий «пожарного отделения» и заставило его в замешательстве отступить. Третьим ведром огонь был потушен.

Второй случай Пири называет

самым серьезным событием экспедиции 1891–1892 годов во время работы на ледяном покрове.

13 февраля Джибсон и Вергоев были посланы на расстояние 7–8 километров от дома с заданием построить снежный дом – иглу – для наблюдения за первым после полярной ночи восходом солнца. Они вернулись, «сообщив, что стены иглу окончены, но им не удалось, хотя они и принимались за дело несколько раз, построить кровлю». Высоту места они определили в 2050 футов.

Как строится иглу? Снежные блоки, которые вырезаются или выпиливаются из достаточно твердого снега, укладываются по окружности, и это служит фундаментом. Сверху мастерится второй ряд, меньшего диаметра. И так далее. Идея состоит в том, чтобы возвести купол, поэтому снежные заготовки – это не ровные кирпичи-параллелепипеды, а несколько скошенные,

и скошенные именно в той части, которая смотрит внутрь дома. Как быстро должно происходить сужение дома? Хороший вопрос. Наверное, между диаметром пола и высотой иглу существует некоторое наилучшее соотношение, однако искусственный строитель полагается, конечно, не на математику, а на свой опыт и интуицию. Ведь значение имеют и ширина блоков, и их высота, и то, насколько крепко спрессован снег. Изобрели иглу инуиты. Научиться возводить эти удобные дома несложно. Самое трудное, как догадывается читатель, положить последний блок – замкнуть крышу. Вход в иглу вырубается в стене с подветренной стороны, собственно, это не вход, а лаз.

По словам Пири, Джигсон и Вергоев возвели стены высотой 4,5 фута, длиной 9 футов и шириной 6 футов. Пири упоминает об углах, а это значит, что снежные блоки в основании дома образовывали прямоугольник. То есть построена была четырехстенная избушка, которую Пири называет иглу. Снег – великолепный строительный материал, но дом с углами не будет ветроустойчивым.

На следующий день к недострою прибыли Пири, Кук и Аструп. Из лыж и снегоступов они соорудили настил, на который «положили снежные глыбы»: так образовалась крыша.

Путешественники заползли внутрь, на спиртовке приготовили ужин и, оставив на себе только нижнее белье, уютно устроились в спальнях мешках. меховые штаны были положены под головы, меховые куртки использовались как подстилки. Порывы ветра усилились, но в доме было тепло, в 21 час температура равнялась +22°²⁶.

Пири рассказывает:

Я проснулся от покалывания мелкого снега, летевшего мне в лицо. Я зажег свечу и увидел, что было 4 часа утра. Вход в иглу уже был полностью занесен снегом, а ветер проделал небольшое отверстие в стене. Через эту дыру и влетал снег, покрывший уже на несколько дюймов нижнюю часть моего спального мешка и плечи и голову доктора, лежавшего в противоположном направлении. Доктор поспешно вскочил, заткнул дыру снегом, перевернул свой спальный мешок и лег в одном направлении со мной и Аструпом.

Я заснул, с тем чтобы снова проснуться от шума бури и от снега, летящего мне в лицо. Посмотрев в ноги, я увидел при слабом свете дня, что ветер снес угол иглу, совершенно занес снегом часть нашего жилища и быстро засыпал нас. На моих глазах кровля и стена исчезали, словно мелкий песок, когда на него плеснули водой. Я с трудом выбрался из засыпанного нас сугроба... и разбудил доктора Кука. Он также успел вылезти, но Аструп, лежавший с другой стороны иглу, не мог выбраться из сугроба.

Кук приоткрыл отверстие спальника, чтобы Аструп не задохнулся, Пири же принялся его откапывать. Лишенные крыши над головой Пири и его спутники расположились полусидя, спиной к натиску бури. Кука и Аструпа снова занесло снегом, потребовались новые раскопки, которые, к большой радости неудачников, принесли побочные результаты: попало съестное – пеммикан и галеты. Им удалось перекусить, а тем временем наступила вторая ночь.

Мы лежали на ледяном покрове без меховой одежды, на высоте 2000 футов над уровнем моря, на вершине сугроба, под которым была погребена наша снежная хижина. Снег пролетал над нами с таким ревом, что я был вынужден кричать изо всех сил, чтобы меня услышал Аструп, лежавший буквально рядом. Прошло около часа, давившая на меня тяжесть тела

---

²⁶ По шкале Фаренгейта. Соотношение температурных шкал Фаренгейта и Цельсия см. в приложении.

Аструпа и снега стали просто невыносимыми. Я выбрался из снега, отполз немного в сторону по направлению ветра и лег в углубление сбоку громадного сугроба, наметенного на дом. Здесь я провел ночь, сидя спиной к ветру и боком к сугробу. Прижимая подбородок к груди, я сметал снег с лица, а поднимая голову, я скорее чувствовал, чем видел 2 темных распростертых предмета, в сторону которых я кричал, спрашивая, тепло ли им.

Несколько раз я начинал дремать, но большую часть времени размышлял о том, как выбраться из сложившейся ситуации, особенно если буря продолжится еще несколько дней. Больше всего меня беспокоило то, что наша верхняя одежда и обувь остались глубоко под снегом; мне удалось спасти только мои собачьи штаны. Их и лопату я держал около себя...

Я снова задремал, но внезапно проснулся, услышав шум, как будто падал град, и, выставив руку из мешка, почувствовал крупные капли дождя, замерзавшие прямо на ленту. Подвигавшись в мешке, я почувствовал, что он сильно задубел, но, к счастью, еще не примерз. Посоветовав моим спутникам раскачиваться из стороны в сторону вместе с мешками, чтобы не примерзнуть к снегу, я с беспокойством ожидал развития событий...

К моему безграничному облегчению, дождь длился не более часа, а затем снова начал падать снег. Ветер также вскоре прекратил свои постоянные и однообразные завывания и налетал перемежающимися порывами... Я снова заснул. Проснувшись, я увидел, что отверстие моего капюшона затянуто льдом, но ветер был много слабее, и промежутки между его порывами продолжительнее. Выставив руку и счистив наледь, я с удовлетворением отметил, что внутренний лед был залит лунным светом; луна только что выглянула из-за черных туч...

Я немедленно сообщил приятную новость своим спутникам и узнал от доктора, что ему было холодно. Я пополз к нему, не вылезая из мешка, и лег у изголовья, с наветренной стороны. Но так как ему не стало теплее, а температура быстро понижалась, я вернулся назад, взял лопату и вырыл яму в снегу. Затем я распустил завязки мешка доктора, снял с рукавов наледь, поправил капюшон и помог ему доползти до ямы, в которой он и устроился. Для защиты от снега я положил ему на голову свои штаны, а сам лег у наветренного края ямы над ним. Я с радостью отметил, что полная защита от ветра вкупе с движением восстановили его температуру и ему стало совсем тепло.

Мы лежали таким образом в течение нескольких часов; ветер постепенно утихал, день становился светлее. Я попросил Аструпа, одетого теплее всех, попытаться откопать нашу одежду. Но прежде мне нужно было помочь ему: развязать мешок, очистить наледь с отверстия капюшона и помочь ему сесть. К несчастью, один из рукавов его мешка оторвался, и его рука замерзла до такой степени, что он не мог больше работать, поэтому я велел ему лечь, а сам взял лопату... С большим трудом, из-за очень твердого снега, замерзших рук и неудобства работы в спальном мешке, я откопал меховую куртку, пару штанов и пару козаг. Аструп переделался в них и, быстро пробежавшись, чтобы размяться, взял лопату и продолжил отбрасывать снег. Температура была +3°...

Как только Аструп откопал вторую куртку, пару штанов и пару козаг, я отправил его помочь доктору Куку надеть их. Доктор снова совершенно околел и хотел вылезти из мешка, чтобы подвигаться и согреться.

Пока они занимались всем этим, я отрыл в своем углу иглу спиртовку, чай, сахар и молоко и вскипятил воду. Было 11:45 утра.

До появления солнца (местный полдень) оставалось 15 минут. Приближался прекрасный момент – победители невзгод должны были увидеть долгожданное божественное светило. И золотой диск выплыл. Пири с восторгом пищет:

Ни богатство, ни слава никогда не затмят в моей памяти воспоминания о том торжественном моменте, когда я, ликуя вместе со сверкающими волнами великого белого моря, радовался возвращению солнца на ледяном покрове...

Пири, Кук и Аструп провели двое суток в борьбе со смертью. Они уцелели, помогая друг другу, придерживаясь некой коллективной стратегии. Пири, наделенный большой физической силой и выносливостью, ощутил, я думаю, огромное счастье от того, что сумел помочь своим спутникам. Именно после таких испытаний люди сближаются и начинают верить друг другу.

Несмотря на два дня удивительного сближения со своими товарищами, Пири не может написать: «Мы, ликуя... радовались...» Даже теперь слово «мы» не дается лейтенанту.

И третья история. Через три дня после благополучного возвращения Кук и Аструп в сопровождении собаки по кличке Джек направились к вершине утеса в 3–4 километрах от дома, чтобы воздвигнуть там пирамиду из камней для топографических наблюдений. По крутой и скользкой поверхности, выбивая ступени задником снегоступа, Кук и Аструп карабкались вверх. Стало темнеть, и разумно было бы повернуть назад, но, как часто бывает, спуск казался более опасным, чем движение вверх. Джек, пока мог, верно сопровождал людей, но в какой-то момент его собачьей сноровки стало не хватать, и он остался один. Идти вниз пес боялся, и с этого момента над округой в воздухе повис его жалобный вой.

Вечером знакомый нам Иква, вернувшийся в Дом Красной Скалы с той стороны, куда ушли Кук и Аструп, рассказал, что обратил внимание на шум сошедшей лавины. Другие инуиты сообщили, что в том же районе слышали крик доктора Кука и лай собаки. Лейтенант встретился и тотчас отправился с Джибсоном на поиски.

Пири:

...мы нашли следы наших товарищей, которые вели прямо по отвесному снежному склону... Идя по следам, насколько это было возможно во мраке, мы нашли 2 или 3 места, где путники оступались и скользили, затем, в момент особенно жалобного завывания Джекка, я увидел на снегу лыжу доктора Кука, упавшую сюда сверху. Немного выше нее в нескольких местах в снегу были выбоины, оставленные, по-видимому, падающими обломками лавины...

Командир предположил, что Кук и Аструп сбиты снежной лавиной и что Кук, будучи еще в сознании, сумел окликнуть проходящих мимо инуитов.

Джек, со своим собачьим инстинктом несчастья, выл рядом с двумя своими друзьями, бывшими, вероятно, без чувств. Я гнал от себя мысль, что ситуация могла быть еще хуже.

Пройдя несколько шагов вперед, я убедился в совершенной бесполезности попытки взойти наверх в темноте, без веревок или топоров...

Лучше всего было поспешить домой и вернуться назад с тремя туземцами, Верговым, санями, спальными мешками, фонарями и всем необходимым для немедленного спасения несчастных, как только мы доберемся до них. Я бегом вернулся домой и по дороге уже решил, что именно каждый должен делать, чтобы мы могли отправиться назад менее чем через

10 минут. Я толкнул дверь, с моих губ уже было готово сорваться первое приказание, но представшая перед моими глазами картина заставила меня замолчать.

За столом сидели наши два путника и с аппетитом поглощали ужин. Часы в столовой показывали 11:45 вечера. Только те, кому довелось побывать в подобной ситуации, поймут охватившее меня чувство облегчения.

Разгадка была чрезвычайно проста. Добравшись до вершины утеса, Кук и Аструп нашли плато, которое вывело их к легкому спуску.

Пири:

Этот случай может показаться смешным. Возможно, что мрак большой ночи сделал меня слишком чувствительным, однако ко мне, словно кошмарный сон, возвращается воспоминание о том моменте, когда из темноты беззвездной ночи до меня донесся жалобный вой Джека и я, представив своих товарищей, лежащих мертвыми или искалеченными, размышлял о вероятности катастрофы. И мои страхи были небезосновательными. Шесть месяцев спустя другой член моей партии, молодой Вергоев, исчез бесследно при полном свете длинного летнего дня; это несчастье произошло в ситуации, которая казалась гораздо менее опасной, чем только что описанная.

Дошла очередь до спасения Джека. Назавтра отряд из супругов Пири и Аструпа попытался вызволить пса, но безуспешно. На следующий день к рискованной операции приступили Пири и Кук. Лейтенант рассказывает:

Бурные снежные шквалы ослепляли, не давали дышать и почти срывали нас, когда мы, прижимаясь к скале, цеплялись за узкие ступени, которые мы вырубали топорами в снегу и во льду. С чувством облегчения я, прижимая к себе воющее и дрожащее животное, наконец достиг подножия утесов: мое лицо было исколото снегом почти до крови, ноги и руки болели от постоянного напряжения при спуске.

В эту историю встраивается размовка Пири с Вергоевым, о которой стоит упомянуть.

После очередных метеорологических наблюдений Вергоев отправился к скалам, до которых было 2 мили, чтобы увидеть солнце. Услышав лай Джека, Джон вскарабкался к псу и готов был сойти вниз вместе с собакой, но у подножия скал появилась группа спасения во главе с Пири. Взволнованный всем случившимся начальник запретил Вергоеву спускаться, что, видимо, было в самом деле не просто, и парню ничего не оставалось, как, оставив собаку на старом месте, продолжить подъем и окружным путем через 3,5 часа вернуться к дому.

Из дневниковой записи Вергоева мы узнаем о разборе происшествия: «Он сказал мне при всех, что я совершил безрассудную глупость, нарушив приказ не отходить более чем на 500 ярдов от дома; он говорил об этом около 5 минут, что было излишне. Заканчивая, мистер Пири немного сменил тон и любезно спросил меня о том, когда я вернулся. Я ответил ему, и он сказал, что я очень быстро преодолел расстояние. Вероятно, мистер Пири решил, что его выговор эффективно подействует на меня и можно прекращать, поэтому, не желая расстраивать меня, он сменил тему. Так или иначе, не было необходимости устраивать мне выволочку при всех, тем более что у меня не было злого умысла. Тем не менее я считаю, что правило о 500 ярдах призвано лишь нагонять страх».

Очевидно, Вергоев неправ. Пири трудно сдержаться, и, кроме того, у него появился отличный повод донести до ушей всех участников экспедиции постулаты безопасности. В дневнике лейтенант пометил:

Шальная выходка Вергоева, лекция, прочитанная ему мной.

Однако публичный выговор, уязвивший Вергоева, имел пагубные последствия. Брайс пишет: «Однажды вечером Вергоев признался Куку, что не хочет возвращаться назад с остальными членами экспедиции. Вергоева угнетало и раздражало отношение к нему четы Пири. Молодой человек считал, что, судя по публичному выговору, лейтенант не верит в него. Он [Вергоев] сказал, что вполне мог бы жить как эскимосы, и намекнул также, что ему по силам совершить путешествие к самой северной, недостигнутой точке Гренландии или даже попробовать достичь Северного полюса».

Пири, пытаясь загладить свою вину, подарил молодому человеку пару штанов из медвежьей шкуры и рукавицы. 30 марта Вергоев в дневнике словно пожаловался: «Я совсем не хотел [брать рукавицы], так как он [Пири] мне был неприятен, [но] я едва ли мог отказаться и взял их».

30 апреля должен был начаться поход через Гренландию, ради которого люди приплыли сюда и вынесли столько мучений.

Дневник Вергоева, 26 апреля: «Вечером, когда я один вышел на улицу, чтобы принести лед, ко мне подошел Пири и сказал, что, ввиду того что я проявил большой интерес к метеорологическим и приливному наблюдениям, он решил не отправлять меня в долгое путешествие на ледник, а дать мне возможность спокойно вести эти наблюдения. Миссис Пири и я останемся в доме вдвоем, пока через неделю или 10 дней не вернется отряд поддержки. Я поговорил с ним откровенно. Я спросил его, будут ли ограничения по дальности прогулок, он сказал, что нет. Также мы упомянули о выговоре, который я получил 20 февраля. Он извинился и сказал, что если обидел меня, то очень сожалеет и все в таком роде, что сломанная нога сделала его раздражительным. Он сказал, что результаты моих наблюдений должны быть одними из важнейших материалов путешествия».

Уимс считает, что «это, вероятно, было чем-то вроде дипломатического триумфа для Пири: ненадежный, непредсказуемый Вергоев был устранен от какой-либо роли в экспедиции, но сам он не осознавал этого и не возмущался».

Не совсем так. Согласен, Пири сделал то, что мог: одарил, приободрил, извинился. Но, сняв ограничение на дальность маршрутов, в своей деланой лояльности он зашел слишком далеко. Для Вергоева именно это разрешение Пири стало моральной компенсацией, потому он и успокоился. Полярная ночь сменилась полярным днем, но путешествия в одиночку по ледникам и при дневном свете крайне опасны. Вергоев, прося разрешение, не осознавал риска. Пири опасность, скорее всего, оценивал правильно, но отказать не решился, боясь усугубить и без того непростую ситуацию.

Наконец долгожданное путешествие началось. Кук, Джибсон, Аструп и пять инуитов подняли снаряжение по скалам на ледяное плато. Выше местные идти отказались – по их убеждению, ледяной купол был населен душами умерших.

Когда 3 мая Пири и Хенсон присоединились к передовому отряду, стряслись три беды: Кук на собачьей упряжке проехал по лыжам Пири, сломав их, из нескольких бутылей вылилось горячее, а Хенсон отморозил пятку. Пири в дневнике отметил:

Я был рад, что он сказал нам о своей проблеме сейчас, а не позже, ни в коем случае я не жалел, что ему приходится вернуться. Это будет лучше для Джо.

Джибсон проводил Хенсона до дома и 10 мая вновь присоединился к отряду, доставив новые лыжи и спирт. Движение возобновилось, но налетела невероятная буря, разметавшая лагерь и унесшая часть снаряжения вниз по склону. Вырвавшиеся собаки уничтожили изряд-

ную долю продуктов, но самое ужасное – псы заболели пиблокто²⁷, что поставило все предприятие на грань срыва. Четыре собаки умерли. Ловя разбежавшихся животных, люди буквально сражались с ними. Одна из собак сильно покусала Пири.

Снаряжение для похода по леднику

---

²⁷ Piblockto на местном языке – бешенство.

Инуит-каюр и собаки

14 мая буря утихла, и потянулись монотонные дни.

На расстоянии 130 миль от бухты Мак-Кормик Пири обратился к спутникам с сакраментальным вопросом, кто готов идти с ним в белую неизвестность:

...Я напомнил им о том, что говорил ранней весной: ...я выберу из них спутника, с которым продолжу путешествие. Они пробыли довольно долго на ледяном покрове и понимают, что это предприятие – не детская игра, что для вызвавшегося нет пути назад. Я добавил также, что многим покажется опасным, даже безумным, что два человека отправляются в эти неизвестные области, не имея другой надежды на безопасное возвращение, кроме как на свои ресурсы и здоровье. Лично я не считал это предприятие опасным, но каждый должен решить за себя. Доктор первым вызвался идти, за ним Джибсон и Аструп. В итоге я принял решение: Аструп пойдет со мной... доктор Кук по прибытии к Красной скале примет на себя обязанности начальника до моего возвращения...

В Доме Красной Скалы от руководителя зависели безопасность миссис Пири и остальных членов команды, сохранность имущества и результатов научных исследований. К тому же Пири мог и не вернуться из своего рискованного путешествия. В этом случае попытка организовать спасательные работы и возвращение экспедиции домой полностью ложилась на плечи нового командира.

Если бы Хенсон не отморозил пятку, то, возможно, он был бы включен в маршрутную группу, но ясно, что ни он, ни Аструп на роль заместителя Пири во время его отсутствия не годились. Эндрю Фримен рассказывает, что накануне разговора о том, кто станет спутником Пири в санном маршруте, лейтенант конфиденциально сообщил Куку, что именно он будет главным в Доме Красной Скалы, в поход же Пири пригласит либо Джибсона, либо Аструпа. Назначение Кука, несомненно, правильное решение. На следующий день отряд разделился: Пири и Аструп с 14 собаками и двумя санями, нагруженными до предела, пошли дальше, Кук и Джибсон с двумя псами и рационами на 10 дней повернули назад.

Тем временем отношения Вергоева и миссис Пири накалились до предела. Причиной могло быть нервное истощение Джозефины, которую изводили суеверные разговоры инуитов о том, что ее муж не вернется с купола. Во время полярной ночи вся компания разделилась: семья Пири плюс Хенсон – с одной стороны, остальные – с другой. Но если Кук, Аструп и

Джибсон договорились не падать духом и извлекать для себя пользу из арктической жизни, то у Вергоева неприязнь к семье Пири росла и в какой-то момент, по-видимому, затмила все остальные чувства. Попытки компаньонов отвлечь его от обид не помогли. Чтобы ослабить напряжение, по возвращении Кук и Джибсон позвали Вергоева в недельное плавание по заливу Инглфилд и бухте Боуден. Молодой человек радовался путешествию, но в верхней части бухты удивил спутников, объявив, что с этого места пойдет к Дому Красной Скалы по суше. Кук отговаривал Вергоева, ссылаясь на опасные ледниковые трещины на пути и строгое правило: длительные маршруты в одиночку запрещены. Вергоев настоял на своем и через отведенное время появился дома.

В санном походе все сложилось благополучно, можно сказать – стандартно. На ровном леднике скорость возросла до 20 миль в день. Путники страдали от нестерпимого солнца, поэтому сменили режим работы и отдыха: ночью, когда солнце било в спину, шли, а днем стояли лагерем. Они не строили иглу, ограничиваясь стенкой из снежных блоков, предохранявшей от ветра. Спальные мешки не распаковывали – меховой одежды для сна было вполне достаточно. Опасные трещины встречались, но были локализованы. Уже на восточном берегу Пири и Аструп убили несколько овцебыков – свежее мясо отлично восстановило силы людей и собак.

Оба мечтали о севере, но возникающая перед ними земля заставляла их уходить вправо, идти на восток и даже отклоняться к югу. Пири:

30 июня 1892 г. Еще меньше расположен писать, чем в предыдущие 3 или 4 дня. Не покидает чувство, что моя многолетняя мечта оборвалась... Я еще не был на 82-м меридиане. Но я сделаю все, что может сделать человек.

Аструп: «Во время нашего движения по материковому льду мы перекинулись всего несколькими словами. Обычно мы довольствовались тем, что думали, и, признаюсь, перед тем как в эти дни ложиться спать, я давал волю своим мыслям. Они летели к северу за ближайшую широту, пока не достигали 85-й параллели, где в своем воображении я представлял себе самую северную точку Гренландии. Еще неделя, и мы, похоже, будем там. “Мы должны быть там. Если только не подведет материковый лед... не остановит... Но тогда почему мы с такой скоростью устремились сегодня вниз? Не потому ли, что ‘царственная тропа’, как мистер Пири называет ее, приближается к концу?.. Действительно ли смысл нашей жизни состоит в том, чтобы проникнуть как можно дальше на север, чего никогда не делал ни один смертный?.. Приблизиться к самому Северному полюсу?.. И с таким нехитрым снаряжением... У нас хватает сил и энтузиазма... Если только проклятый ледник не сыграет с нами злую шутку!..”

Звезды и полосы на скале Флота. 4 июля 1892 года (вверху). Скала Флота. Подписи из книги Р. Пири

Но жизнь полна горьких разочарований. В тот вечер, едва мы отправились, как уже в третий раз в поле зрения появилась земля, которая преградила нам путь».

4 июля они забрались на гигантский утес, с которого осмотрели окрестности. Пири называет это место скалой Флота²⁸.

---

²⁸ Navy Cliff.

Канал Пири

Дневник Пири:

...мое скромное открытие – лишь фьорд Гренландии, вместо моей цели многих лет – Северного мыса.

Дневник Аструпа: «У нас... был превосходный вид на обширный фьорд, который начинался на восточном побережье, врезааясь в толщу земли и переходя в гигантский ледник на восточной стороне, на котором мы стояли, а слева от нас (на севере. – Д. Ш.) тянулись высокие и крутые горные склоны, уходящие на запад насколько хватало взгляда. Однако с нашего поста наблюдения мы не могли разглядеть ложе фьорда дальше, на севере и северо-востоке, так что сложно что-либо сказать о его протяженности... Но одно мы знали точно: континентальный лед Гренландии не распространяется дальше 82-й параллели на север. Пири назвал наше открытие Индепенденс-фьорд (но пока осталась неопределенность, назовет ли он его фьордом или заливом) – в память о том дне, когда на этот фьорд впервые смотрел человек»²⁹.

Под парусом

Первые дни обратного пути были простыми. Но затем все мыслимые трудности обрушились на усталых людей и обессиленных собак. Запись в дневнике Пири за 14 июля:

Сегодняшний день для меня тягостный, и у меня случился тяжелый приступ хандры, так что мне пришлось отправить Аструпа вперед и самому управлять собаками, чтобы отвлечься от своих мыслей.

Налетали бури, опускался многодневный туман, путешественники угодили в рыхлый снег, где движение с нартами из-за трения стало мучением. Используя опыт экспедиции 1886 года, на нарты поставили парус. Последние 7 дней отряд летел под горку со средней скоростью 32 мили в день. Всего в пути они провели 72 дня.

²⁹ Independence – независимость (англ.). 4 июля – День независимости Соединенных Штатов.

Превосходная экспедиция. Второе в истории – северное!.. – пересечение Гренландии. Впервые люди прошли путь туда и обратно: от западного берега к восточному и от восточного к западному. Успешная зимовка! Сама жизнь шести колонистов, включая женщину, – ценнейший вклад в мировую культуру. Научные результаты! И метеорологические записи, и геологические коллекции, описания флоры и фауны, наблюдения Вергоева за приливами, исследование доктором Кука почти неизвестных миру полярных жителей Гренландии. Всем этим лейтенант Пири мог гордиться, и, бесспорно, это была ступень к признанию его заслуг во всем мире.

Но Пири торопился. Он был тенью своей безудержной самооценки. Его не устраивал скромный фьорд на восточном побережье Гренландии, ему требовалось сенсационное открытие: Гренландия – остров. Но как доказать это, если северного края Гренландии наши герои не видели? Пири предположил, что существует канал, идущий от скалы Флота на запад-северо-запад и соединяющий Индепенденс-фьорд на восточном побережье Гренландии и фьорд Норденшёльда на западном. Этот воображаемый водный раздел якобы образует северную границу Гренландии; дальше, севернее, лежит другая земля – остров или острова, – названная лейтенантом Землей Пири. Восточнее Индепенденс-фьорда появилось Восточно-Гренландское море. Три объекта, придуманные Пири, – канал, фьорд и море – исчезли с карт уже в начале XX века. Земля Пири – полуостров – осталась, она и есть самая северная часть Гренландии.

В 1909 году, обвиняя доктора Кука во лжи, Пири использовал американский фразеологизм *gold brick* – «обман», буквальный перевод на русский язык – «золотой кирпич». Слова означали, что вместо слитка золота – открытия Северного полюса – доктор Кук преподнес миру кирпич, завернутый в золотую фольгу, то бишь ложь об открытии Северного полюса. Сообщая о канале Пири в 1892 году, лейтенант, если использовать его жаргон, подарил обществу именно «золотой кирпич» – не то, что он увидел, а то, что он хотел увидеть.

Автор вспоминает, что еще в молодости с восторгом прочел книгу Пири «По большому льду», так же как и книгу Нансена «Пересечение Гренландии». В 2000 году автор сам стал организатором не менее эпохальной лыжной экспедиции через Гренландию, от восточного берега до западного. Скажу о ней несколько слов.

Один из трех новых «пересекателей», использующий в обычной жизни для передвижения инвалидную коляску, в Гренландии сидел в специальном кресле, поставленном на лыжи, и шел вперед, отталкиваясь от снега и льда лыжными палками, – силой рук. Автономная команда из России прошла 640 километров, поднялась на высоту 2046 метров и была в пути 46 дней. Так вот, восхищаясь Пири, автор никогда не размышлял о том, что же именно он открыл, что он увидел, находясь возле своего утеса, что он сказал и нарисовал в этом историческом месте. Какая разница? Я думал так, потому что главным для меня были переход Пири по ледниковому щиту Гренландии и его зимовка. Тогда я полагал, что Пири – великий первопроходец. Собственно, таковым мое мнение и осталось. Но кое-что добавилось. Еще раз шлю поздравления Роберту Брайсу, американскому архивисту и писателю, автору объемной книги «Кук и Пири. Контroversия завершена». Главы 3–5 в значительной степени посвящены Северо-Гренландской экспедиции Пири – в них собран великолепный материал. И в том числе строка из дневника Пири: «Мое скромное открытие – лишь фьорд Гренландии». Пири знал правду. Но этой правды, по его мнению (автор абсолютно уверен: по его ошибочному мнению), было недостаточно для настоящей славы.

В 1891–1892 годах в Северной Гренландии лейтенант Пири приобрел громадный опыт. И кроме прочего, он провел неприметное исследование – примут американцы его выдумку или нет? Первую, потому что за первой последуют другие. Публикой «канал Пири» был принят охотно.

Роберт Брайс пишет: «В Европе, однако, возникли определенные сомнения... Эйвин Аструп, составляя свой собственный доклад для Норвежского географического общества, отметил, что невозможно сделать однозначный вывод из того, что они видели со скалы Флота. В Германии и Франции критики назвали выводы Пири “опрометчивыми” или того хуже. “Норвежцы, как правило, точные наблюдатели, и, если не доказано иное, их докладам следует доверять” – сказано в одном из комментариев».

Журнал Американского географического общества привел мнение французского географа Шарля Рабо, сравнивавшего опубликованные записи Аструпа с отчетом Пири: «Эти два документа и приложенные карты показывают противоречия, которые в значительной степени уменьшают значение путешествия. Карта [Пири] в *Geographical Journal* доказывает островное положение Гренландии... Карта Аструпа совершенно иная... Более того, отчет Аструпа формально опровергает отчет мистера Пири. “Мы признали, – пишет первый, – что, возможно, Гренландия простирается на север”. Где и когда мистер Аструп получил право вложить эти слова в уста Пири?»

Джон Уимс, защищая Пири, предположил: «С того места, где он стоял, казалось, что Индепенденс-фьорд простирается далеко вниз на северо-запад, без сомнения, до западного побережья, словно канал; огромная расщелина отделяла вершины ближайшего плато от вершин за ним. Пири подумал, что это доказывает островное положение Гренландии. Однако он ошибался, расщелина не была каналом, и окончание земли Гренландии лежало в сотне миль от этого места. Позднее враги Пири использовали эту ошибку с целью поставить его в неловкое положение и превратили расщелину “канал Пири” в ярлык. Но некоторые исследователи, последовавшие за Пири к скале Флота, объяснили, как могла произойти ошибка».

В самом деле, некоторые датские ученые деликатно пришли на помощь Роберту Пири. Однако, возможно, они не стали бы напрягать фантазию, если бы прочли горькие слова Пири в его дневнике: «Мое скромное открытие – лишь фьорд Гренландии».

Пири «забыл» об этой записи, преданный Уимс ее тоже не упоминает.

Удалил с карты канал Пири Людвиг Мюлиус-Эриксен, датский писатель и опытный исследователь, возглавивший в 1906–1908 годах экспедицию в Северную Гренландию. Эриксен обнаружил, что там, где должны были быть вода и лед, лежала труднодоступная пересеченная местность. Эриксен и два его спутника, Нильс Петер Хоег-Хаген и Йорген Бронлунд, умерли от голода, и широко распространено мнение, что причиной их смерти была как раз ошибочная карта, которую преподнес миру искатель славы лейтенант Пири.

Тело Бронлунда было найдено сразу, тела двух других обнаружила датская правительственная экспедиция Эйнара Миккельсена (1909–1912). Документы Мюлиуса-Эриксена были доставлены в Данию. Из них следует, что канал Пири не существует. Честь того, что это открытие стало известно миру, принадлежит Миккельсену.

Еще один датчанин, знаменитый Кнуд Расмуссен, нанес рельеф «канала Пири» на карту. Подойдя к скале Флота через 20 лет и 10 дней после Пири и Аструпа, Расмуссен обнаружил их гурий³⁰. В нем лежали записка лейтенанта и американские газеты со статьями о нем. Вот документ Пири, очень полезный для нашего повествования:

В этот день с одним компаньоном Эйвином Аструпом и 8 собаками достигли этой точки, пройдя по внутриматериковому льду от бухты Мак-

³⁰ Гурий – пирамида, сложенная из камней.

Кормик Китового залива более 500 миль. Как мы, так и собаки находимся в хорошей физической форме.

Я назвал этот фьорд Индепенденс в честь Дня 4 июля – дорогого для всех американцев. В этот день внизу мы увидели его [фьорд].

Убили 5 мускусных быков в верхней долине и видели несколько других.

Завтра я отправляюсь обратно к Китовому заливу.

Р. Э. Пири, ВМС США

Никаких намеков на канал Пири.

Вернемся к двум первопроходцам. 4 августа захватывающий дух поход завершился. Чуть раньше в бухте Мак-Кормик появился «Кайт», готовый забрать участников экспедиции. Полярная эпопея близилась к концу, и, казалось, все складывалось превосходно. Но несчастье, которое настойчиво стучалось в дверь, все-таки произошло.

Вергоев

Вот что известно о смерти Вергоева. 9 августа Пири отправился в боте в залив Инглфилд, чтобы

изучить неизвестные и потому такие влекущие к себе берега.

Лейтенант перечисляет тех, кто пошел в это плавание, названное им «пикником, простой прогулкой»:

Пять моих верных эскимосов... были гребцами, а на Мэтта были возложены обязанности повара. На корме рядом со мной сидела миссис Пири.

Говорится о восьмерых, хотя в лодке был и девятый – Вергоев. Через два дня бот находился в куте бухты Боуден. Пири пишет:

Отсюда ушел Вергоев, чтобы пройти по леднику, а затем к Красной скале. Здесь я в последний раз видел его.

По-видимому, Вергоев успешно повторил один из своих предыдущих маршрутов. Дальнейшие события описывает Эндрю Фримен, пользовавшийся независимыми источниками. Вергоев сказал Куку, который был старшим в отсутствие Пири, что идет в верхнюю часть бухты Мак-Кормик собирать минералы и вернется через четыре дня. Он взял винтовку и несколько банок мясных консервов. Когда время вышло, Кук начал поиски³¹. После прихода бота с начальником экспедиции поиски были усилены, и о них подробно рассказывает сам Пири.

Следы бедного юноши были обнаружены на краю одного из глетчеров. Но, как пишет Пири:

Нигде на всей поверхности большого ледникового потока не было найдено следов человека, сходящего с ледника. Вывод был неизбежен: Вергоев, переходя ледник, вероятно, в туманную погоду, поскользнулся и упал в одну из бесчисленных зияющих расщелин. Подобного рода несчастья ежегодно случаются в ледниках Альп. Большой ледниковый поток, где безвременно погиб наш товарищ, носит теперь имя Вергоева.

В сноске к основному тексту книги Пири добавляет:

Поиски Вергоева в течение 6 суток вели все члены моей партии и экспедиции профессора Гейльпринга, экипаж «Кайта» и девять эскимосов. Последним было обещано, что первый увидевший Вергоева получит ружье и ящик патронов. Поиски были прекращены после того, как стало ясно, что никакой надежды найти его нет.

На одном из наиболее заметных мысов лейтенант оставил запас продуктов, которых «одному человеку должно хватить больше чем на год».

...Я просил туземцев предпринять все возможные усилия, чтобы найти Вергоева. Если же он придет когда-нибудь в их поселения, они должны позаботиться о нем, как обо мне самом, а я, вернувшись сюда следующим летом, вознагражу их так щедро, что они даже представить себе не могут.

В Доме Красной Скалы 23 августа Пири оставил письмо:

---

³¹ По-другому описывает последние скитания Вергоева Р. Брайс («Кук и Пири...», с. 81), ссылаясь на дневниковые записи Джибсона 12–18 августа 1892 года.

Джону Вергоеву

Минералогу Северо-Гренландской экспедиции 1891–1892 годов

Уважаемый сэръ,

Мы сделали все, чтобы найти Вас в течение прошлой недели силами всего отряда, но безуспешно. Цепляясь за мизерную надежду, что у Вас еще может быть все в порядке, я оставил для Вас [запасы]...

Все эскимосы будут заботиться о Вашем комфорте в меру своей способности и проведут Вас на мыс Йорк весной следующего года, где вельбот остановится для Вас. Рекомендую Вам добраться до мыса Йорк не позднее 1 июня.

С уважением,

Роберт Пири, командир Северо-Гренландской экспедиции 1891–1892 годов

Вергоев сделал последнюю запись в своем дневнике двумя неделями раньше. Грустные слова: «Вторник, 9 августа 1892 года. Температура в 7 утра – 36,5°, мистер Джибсон обратил мое внимание на снегопад; я увидел несколько снежных хлопьев. Вместе с тем это самое теплое время года, и снег кажется странным».

Фредерик Кук прокомментировал смерть Джона Вергоева по-своему: «Он был энтузиастом, который не пожалел ни времени, ни денег, ни самой жизни ради Пири. С ним обращались, словно с эскимосской собакой. Когда я видел его в последний раз в лагере, он, весь в слезах, рассказывал о несправедливости Пири. Миссис Пири (я упоминаю ее весьма неохотно) тоже сделала многое, чтобы отравить ему жизнь, и об этом Вергоев только и говорил. В конце беседы он произнес: “Я не хочу ехать домой на одном корабле с этим человеком и этой женщиной”. Это последние слова, которые я от него услышал. Он так и не поехал домой на корабле Пири, а пошел через ледники, где остался навеки, провалившись в синюю пасть трещины».

Эти слова написаны в книге «Мое обретение полюса» в пору резкой и скандальной полемики между Куком и Пири. Думаю, доктор Кук субъективен, но и Пири не откровенен. Отчитываясь самым подробным образом о поисках Вергоева и прочувствованно сообщая о скорби, он нигде не упоминает о своем явном или неявном, но существовавшем конфликте с Вергоевым. С точки зрения политеса все верно. Лейтенант вовсе не заинтересован в каких-либо упреках в свой адрес.

А фраза «Я не хочу ехать домой на одном корабле с этим человеком и этой женщиной» все-таки представляется достоверной. И вот почему. В 1892 году вышла книга Роберта Кили «Путешествие на “Кайте” с экспедицией Пири». Кили приводит письмо, которое он получил от дяди Джона Вергоева А. Кейгвина. Из текста выясняются следующие факты: «Вергоев держал при себе (вероятно, пряча около Дома Красной Скалы) все записные книжки, все исходные записи наблюдений и температур, приливов и т. д., все свои инструменты, которые находились в хорошем состоянии; и он оставил только те, которые были сломаны или повреждены.

В своей комнате в Доме Красной Скалы он оставил только одежду, которая была абсолютно никчемной, а несколько хороших костюмов вместе со всем своим нижним бельем спрятал».

То, что юноша скрыл данные своих бесценных наблюдений, можно объяснить неприязнью к Пири, но прятать инструменты и одежду, включая нижнее белье, имело смысл только в том случае, если он хотел остаться в Гренландии. Далее Кейгвин пишет: «Вергоев не был “авантюрным” или “безрассудно храбрым”. Он тщательно анализировал ситуацию даже в тех случаях, когда другие вели себя опрометчиво. У него был очень большой запас осторожности, и он не знал неудач, так как прекрасно осознавал, что он может совершить, а от чего ему следует отказаться...»

Он никогда не обманывал, даже в самом раннем детстве. Он был очень добросовестным. Он был порядочным во всех своих делах. У него были две странности (единственные две, о которых я знаю): он никогда не принимал одолжений и не гостил ни у кого, так как всегда хотел жить по собственным средствам и платить за все, что получал.

... Кажется, он никогда не думал, что кто-то особенно интересуется тем, где он находится. Он обычно пропадал и приходил, не информируя никого о своих передвижениях. Близко зная его, мы объясняли это его скромностью и недооценкой своих возможностей, что было присуще его характеру. Он никогда не хвастался своими достижениями и никогда не волновался, когда кто-то его хвалил или ругал. Он редко говорил о себе».

Дядя Джона Вергоева справедливо говорит, что только один факт подтверждает смерть племянника – то, что его не нашли. И приводит аргументы в пользу того, что он не погиб, а остался жив, скрывшись. И главный довод, конечно, – спрятанная одежда и приборы...

«Будут, конечно, разные мнения относительно того, можно ли оправдать его поведение, – пишет Кейгвин, – но нужно иметь в виду одну вещь. Он выполнял свою работу хорошо и честно до того дня, когда экспедиция завершила свои исследования. Его определенно можно извинить, если он отказался участвовать в триумфальной процессии в честь возвращения экспедиции. Он не заключал никакого контракта о возвращении обратно вместе с отрядом. Это только предположение, что *все хотели* вернуться. Он *не хотел* и, как свободный человек, имел право остаться. Четыре члена отряда высказали свое мнение, что руководитель *заставит* всех участников вернуться вместе с ним. Вергоев оспорил свое право поступить таким образом и предпринял единственный способ, чтобы предотвратить акт произвола, – спрятался. Я думаю, что каждый разумный и великодушный американец оправдает его поступок».

Это логичное рассуждение. Наверное, задержаться в Гренландии было правом Вергоева. Похожий случай, когда член команды Пири вопреки его желаниям и приказу остался в Гренландии, а не вернулся домой в Соединенные Штаты, произошел в 1902 году – ослушником стал доктор Дедрик. Мы поговорим об этом в главе 7. О Вергоеве же придется сказать одно – если бы он остался жив, через какое-то время об этом узнало бы цивилизованное общество...

Заканчивая историю о первой, очень успешной, экспедиции Пири, автор хочет заверить читателей, что на небосклоне полярного исследователя, кроме славы и денег, могут гореть и другие звезды. Изнуренный, голодный, сплошь и рядом разочарованный неудачами, ты возвращаешься из полярных районов домой, говоря себе: хватит; хорошо, что все завершилось; не самым лучшим образом, но терпимо, и пусть этот мой поход в высокие широты будет последним. Однако время идет, и ты понимаешь, что вовсе не устал, сил более чем достаточно, и тебе необходимо снова попасть туда – в мир, где вокруг лед, хотя бы потому, что этот мир прекрасен, а ты чувствуешь и знаешь это.

Глава 4. Вторая экспедиция в Гренландию. 1893–1895 годы

Пири рвался на Север и продолжал мечтать. В декабре 1892 года он написал маме:

Следующей весной и летом я должен завершить исследование северной земли, которую я обнаружил прошлым летом... вернусь в сентябре на корабле, который придет за мной. После моего возвращения мне нужен еще год отпуска, во время которого я планирую читать лекции и писать книгу. Мое пребывание на Севере по времени будет не дольше, чем это было раньше, и я не нацелен завоевывать Северный полюс, да и не планируется никакая работа, которая не была бы достаточно обычной, безопасной и простой...

...Я верю, милая мама, что все же совсем скоро твой сын станет известнее Стэнли и ничто не омрачит поставленный мной рекорд.

Но прежде предстояло кое-что сделать: получить отпуск, найти деньги, собрать команду и подготовить снаряжение.

В ответ на прошение об отпуске пришел отказ. В резолюции министра Трейси говорилось, что инженер-строитель Пири направлен на верфь в Норфолк. Успехи путешественника вызывали очевидную ревность у военных коллег; общее мнение состояло в том, что негоже быть лейтенантом на флоте, носить военную форму и не прослужить на корабле и одного дня. Неприязнь со стороны морских офицеров будет сопровождать Пири долгие годы, до тех пор пока он не уйдет на пенсию в чине контр-адмирала.

Президент Американского географического общества генерал Вистар поверил во все географические открытия Пири и, как пишет Брайс, «впечатленный планами и решимостью Пири... связался с министром Трейси, убеждая его отменить все приказы и предоставить Пири отпуск».

Ходатайство подействовало – Пири отпустили, и он не забыл услугу – в 1895 году вершину к северу от скалы Флота он назовет горой Вистар.

Чтобы добыть деньги, Пири взялся за лекции. Он прочел 165 лекций за 106 дней!

Мэтт Хенсон, одетый в полярные меха, и пять ездовых псов украшали лекционные залы. Когда выступление затягивалось, собаки начинали выть, вынуждая Пири закончить рассказ. Сбор денег продолжался даже перед отходом судна «Фэлкон»³², на котором разместились члены экспедиции. Экскурсия на корабль, заваленный снаряжением, стоила 25 центов – желающих были тысячи.

В состав новой партии Пири позвал в первую очередь тех, кого уже проверил в Гренландии: Кука, Аструпа, Хенсона. Кук ответил: «...я решил, что пойду с вами в следующее путешествие...»

Пири не скрывал радости:

Надо ли говорить, как я счастлив услышать, что Вы готовы снова испытать опасности Арктики.

На следующий день после Вашего письма пришло письмо от Аструпа: длинное, страстное и полное энтузиазма. Он безумно хотел бы отправиться в путь еще раз, и я был более чем рад сказать ему «да».

Мэтт также полон желания поехать снова, так что большая часть моей старой команды будет со мной.

³² Falcon – сокол (англ.).

Но между Куком и Пири возникли разногласия. Друзья Кука, узнав, что он изучал гренландских аборигенов, попросили его выступить с докладом в Королевском медицинском обществе в Бруклине. После лекции многие слушатели настоятельно советовали Куку написать книгу о его медицинских и антропологических работах. Главный аргумент звучал убедительно: уникальные наблюдения, измерения и фотографии, сделанные в Северной Гренландии, приобретут ценность для ученого мира только в том случае, если сам автор, основательно проанализировав их, сделает выводы. Согласившись с коллегами, Кук попросил у Пири разрешение на публикацию.

Казалось бы, исследования доктора Кука, оформленные в виде научного произведения, могут быть только плюсом для Пири – организатора и руководителя экспедиции. Но он отказал Куку.

В контракте были прописаны права Пири, и Кук подчинился, однако считал отказ несправедливым. Правда Кука состояла не только в законопослушности, но и в его собственных представлениях о честности и порядочности, и он известил Пири: «После второго и более внимательного рассмотрения вопроса об Арктике я определенно решил не участвовать в следующей экспедиции.

Я сожалею, что так поздно сообщаю Вам об этом, но надеюсь, что это не причинит Вам серьезного неудобства.

Если, однако, я могу быть чем-то полезен Вам при подготовке к будущей экспедиции, в частности, в то время, когда Вы находитесь в Европе, я буду очень рад помочь Вам».

Пири ответил:

Стоит ли говорить, что я крайне расстроился, узнав о Вашем решении. Оно не причинит мне серьезного неудобства, скорее это личное разочарование. Я получил письма от пары десятков врачей, которые хотят пойти со мной. Я планирую быть в Нью-Йорке в пятницу и субботу на этой неделе и надеюсь встретиться с Вами.

Пришло еще одно письмо:

Я сожалею, что Вы не поедете, но полагаю, что у меня нет возможности убедить Вас отказаться от Вашего взвешенного решения.

Миссис Пири была на четвертом месяце беременности и вновь сопровождала мужа. Хороший врач был необходим Пири, но Кук проявил твердость и не изменил решение. Тем не менее они остались друзьями, и по просьбе Пири перед отплытием «Фэлкона» Кук проверил здоровье каждого члена отряда.

На зимовку шли 14 человек: чета Пири и няня, врач Эдвин Винсент, Аструп и Хенсон, Самюэль Энтрикин – первый помощник, Ивлин Бриггс Болдуин – метеоролог, Хью Ли, Джордж Кларк, Джордж Карр, Джеймс Дэвидсон, Уолтер Свейн и Фрэнк Стоукс – художник, оплативший свое участие в экспедиции.

Слишком много! Предыдущая экспедиция Пири, если забыть о смерти молодого Вергоева, прошла на ура. Ее кажущаяся легкость и захватывающие результаты оказали лейтенанту медвежью услугу. Он увлекся. Куда делась его славная теория о том, что больших результатов следует добиваться малой группой? Добавлю: малой группой, в которую входит сам Пири! Ведь он – движущая сила, он – сгусток энергии, его воле подчиняются все и вся. Среди спутников нет второго Пири, да и не может быть.

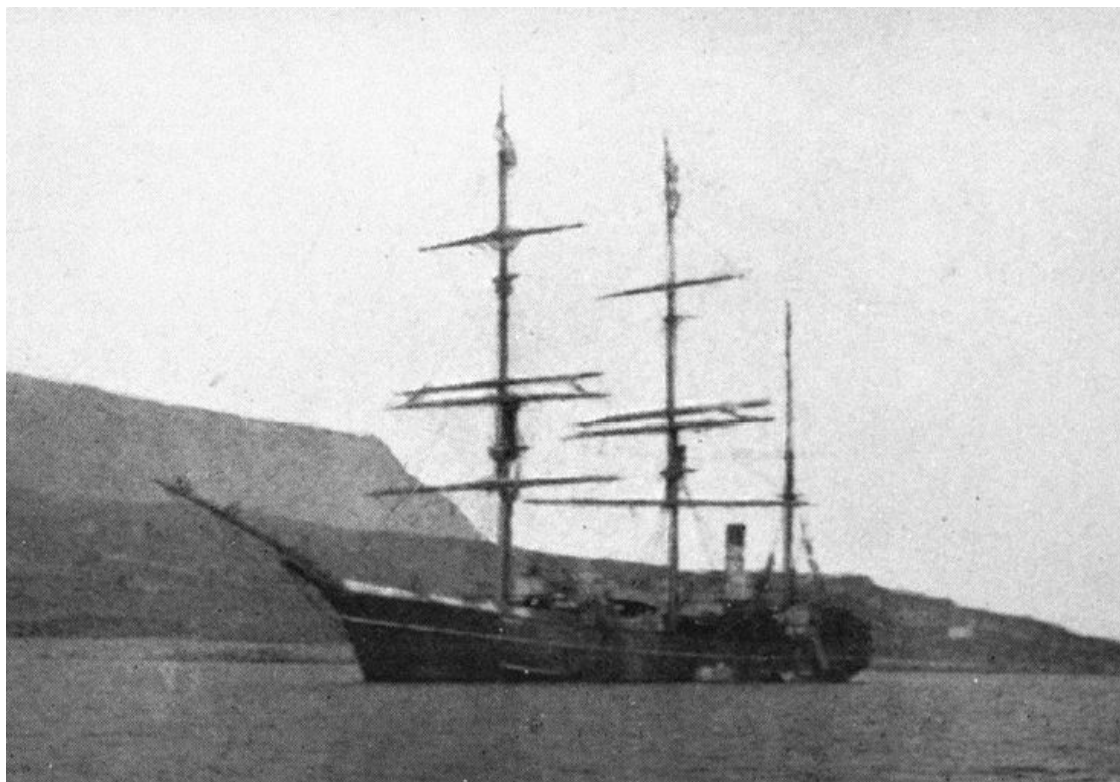
План лейтенанта состоял в следующем. Весной отряд из восьми человек пересечет Гренландию. От скалы Флота три человека пойдут вдоль побережья на север и, может быть, посетят Северный полюс. Трое других будут держать курс на юг, нанося на карту неизвестное северо-восточное побережье Гренландии. Вторично преодолев белую пустыню уже новым путем, они

возвратятся на зимовочную базу. Двое последних – охотники. Они заготовят мясо овцебыков на обратную дорогу для северного отряда и для самих себя.

План впечатляющий, но донельзя легкомысленный. Никакой связи между отрядами нет, на помощь друг другу путешественники прийти не могут. Люди, между тем, почти все новые и непроверенные. Вероятность беды при таких условиях чрезмерно велика.

В Гренландию Пири взял восемь осликов, почтовых голубей, стеклянную крышу для дома, против которой, кстати, возражал Кук. Но самым рискованным экспериментом, по мнению автора, были роды в Арктике. И я имею в виду не только здоровье матери и ребенка, но и тот дискомфорт и напряжение, которые должна была испытывать мужская часть колонии – десять человек (не считая врача и начальника). В первой Северо-Гренландской экспедиции никто из четырех членов команды не был в восторге от соседства с семьей Пири. Теперь семья пополнилась младенцем и няней, а мужское население увеличивалось в 2,5 раза. Странный и крайне экстравагантный эксперимент над своими коллегами поставил лейтенант.

3 августа «Фэлкон» подошел к берегу в заливе Инглфилд. Через неделю закончилось строительство дома, названного Энниверсари-лодж³³, и 20 августа судно ушло. 12 сентября Джозефина родила девочку весом 9 фунтов, получившую имя Мэри Анигито³⁴. На протяжении всей зимы в Энниверсари-лодж из близких и далеких поселков приезжали люди, чтобы поглядеть на белую малютку и убедиться, что она состоит из плоти, а не из снега, как были уверены все местные. И тем не менее за Мэри закрепилось еще одно имя – Snow baby (Снежный ребенок). Джо приняла меры на случай своей смерти – с первых дней приучила кроху к бутылочке, подкармливая ее стуженным молоком.

«Фэлкон»

---

³³ Anniversary Lodge. Anniversary – годовщина и lodge – домик (англ.). Очевидно, название появилось в связи с пятой годовщиной свадьбы Джозефины и Роберта Пири.

³⁴ Marie Ahnighito. Имя дано в честь няни-инуитки.

К сожалению, рождение Мэри было единственным счастливым событием, за ним последовала череда неприятностей.

31 октября огромный айсберг откололся от ледника Боуден, подняв циклопический вал воды, обрушившийся на лед залива и берег. Новый катер и две лодки поселенцев были уничтожены. С берега волна унесла почти все запасы горючего. Во время несчастья Пири в лагере не было, и Ли поспешил сообщить начальнику ужасную весть. По словам Ли, лейтенант задумался, а затем с бессознательной театральностью воскликнул:

Судьба и сама преисподняя против меня, но я все же выйду победителем!

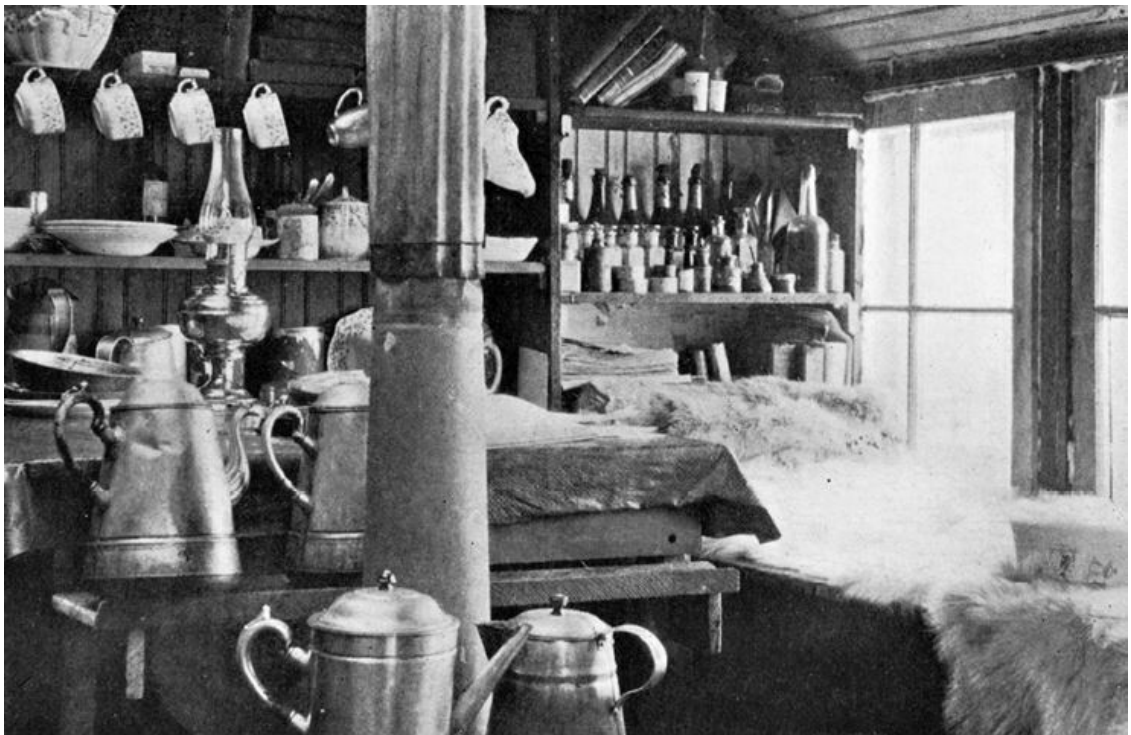
Кажется, что когда Роберт Пири пишет, то одновременно с восторгом читает себя, а когда говорит, то с тем же восторгом слушает себя. Это и есть неконтролируемая театральность, обращенная к главному зрителю – самому себе.

Энниверсари-лодж

Караван из осликов

Комната семьи Пири

«Она потянулась к золотой полоске». Подпись из книги Р. Пири

Топливо исчезло и привезенный генератор, предназначенный для освещения дома, стал не нужен. Быстро выяснилось, что ослики неэффективны, нескольких из них загрызли собаки.

Голуби погибли от холода. Стеклянная крыша пропускала тепло, и ее следовало постоянно чистить от снега, который своей тяжестью мог проломить ее.

6 марта начался переход. Восемь участников экспедиции, пять инуитов, 12 саней и 90 собак составили караван. 10 марта одна из собак заболела бешенством. Через четыре дня Аструп свалился с сильнейшим расстройством желудка, а Ли отморозил палец на ноге. Пострадавших проводили в дом, и 22 марта движение возобновилось. Погода, однако, не благоприятствовала.

Книга Пири:

...свирепый встречный ветер и жгущий снег в лицо при температуре -35° заставили нас остановиться, когда было пройдено всего 3 мили. Собаки совершенно отказывались идти. Мы разбили лагерь. Я, Энтрикин и Болдуин со спиртовой плиткой заняли маленькую многофункциональную палатку, тогда как остальные трое разместились в шелковой палатке. Собаки были привязаны как обычно... и после ужина мы легли спать. Около пяти часов утра я был разбужен стремительным порывом ветра, который теперь дул с такой силой, что если бы наша палатка не была цельной, соединенной с полом, на котором мы лежали, то можно было ожидать, что ее в любой момент унесет ветром.

Ветер, сопровождавший эту бурю, фактически не поддается описанию, и если бы члены отряда были одеты чуть хуже, то наружу выйти было бы невозможно. Впрочем, Болдуин проводил свои систематические наблюдения у саней, примерно в 100 футах от палатки, и поочередно с ним я приносил горячий чай и гороховый суп тем троим, кто находился в другой палатке, на расстоянии примерно 50 футов. На протяжении всего дня и всю следующую ночь сила ветра неуклонно возрастала до тех пор, пока наши голоса перестали быть слышны во второй палатке, даже когда мы кричали изо всех сил.

В четверг после полудня ветер ворвался в шелковую палатку, и, чтобы не задохнуться, ее жильцы вынуждены были любыми способами выбраться наружу и перейти в большую палатку. Во время этого перехода Дэвидсон отморозил себе пятку, а Кларк – палец на ноге и три пальца на руках. Как только они оказались в безопасности в нашей палатке, Энтрикин уступил свой мешок Кларку. Я отдал свои спальные брюки из оленьей шкуры Дэвидсону, а доктор свернулся калачиком у большого мешка. Осталось немного места между шестом и входом в палатку, где могли стоять мы с Энтрикином. Это место постоянно уменьшалось в размерах, потому что снег, несмотря на наши максимальные усилия, продолжал просачиваться через полог после того, как вошли парни. Какое-то время спустя места осталось только для одного из нас, и мы по очереди стояли, держась за шест, и периодически опускались на снежный занос, чтобы вздремнуть пару минут. За ночь мы несколько раз готовили чай, чтобы согреть и взбодрить ребят. Хлопанье палатки, оглушительный рев ветра и дьявольский свист пурги, а также визг и вой бедных собак создавали картину сущего ада, которую невозможно забыть.

Утешало лишь то, что благодаря качеству и покрою нашей меховой одежды никто из отряда серьезно не пострадал от холода, покуда мы были в палатке. Хотя сам я во время всей этой бури был без спального мешка или какого-либо иного покрывала, а только в походной одежде из оленьего меха, мне было тепло и уютно.

Рано утром в пятницу, 23 марта, ветер начал стихать, а в 7 часов я вышел, и увиденное зрелище повергло меня в уныние. Половина собак крепко вмерзла в снег – некоторые лапами, некоторые хвостами, а некоторые и тем, и тем. Две были мертвы, а все остальные находились в самом плачевном состоянии. В результате безжалостного ветра в их шерсть набилось множество льда и снега. Несколько собак смогли отвязаться и разорвали двойной спальный мешок и большую часть упряжи... Анемометр Болдуина, его барограф и термограф, которые в результате его изобретательности и настойчивости продолжали запись на протяжении всей бури, показали, что в течение 34 часов средняя скорость ветра составляла свыше 48 миль в час, средняя температура была около -50° , а минимальная – ниже -60° ... С учетом того, что мы находились на высоте около 5000 футов над уровнем моря... можно считать, что эта буря побила рекорд как самый суровый шторм, когда-либо встававший на пути арктических экспедиций³⁵ (выделено мной. – Д. Ш.).

Еще двое покинули ледяной щит: Дэвидсон и доктор Винсент. Последнему вменялось довести Дэвидсона до базы и остаться там, чтобы лечить больных. План Пири потерпел крах.

Энтрикин отморозил ступни и потянул спину. Сани ломались, собаки слабели и умирали. Шторм остановил путников на три дня. Повествование Пири:

...еще две собаки заболели пиблокто... Одна из них... – сильный, большой и похожий на волка зверь... преподнес нам перед тем, как его убили, самое свирепое и кровопролитное зрелище, которое я когда-либо видел. Он в ярости набрасывался на всех собак в упряжке и, полуслепой от пены и крови, был нещадно изорван собаками, на которых нападал. Когда на него наставили ружье, он стоял совершенно обессиленный. Его голова и шея опухли и увеличились в размерах вдвое, уши были порваны в клочья, глаза налиты кровью. Из пасти капала кровавая пена, которой также было покрыто все его тело. Шерсть была всклокочена. Хотя собака настолько ослабла, что едва стояла, она все же готовилась наброситься на ближайшего к ней пса, но пуля пронзила ее мозг, и она рухнула, дергая лапами, на забрызганный кровью снег.

10 апреля в 128 милях от базы Пири остановил движение. Он спрятал запасы, обозначив депо шестом высотой 14,5 фута, и измученные люди повернули к дому. Брайс пересказывает дневник художника Стоукса, встретившего несчастных: «Он [Пири] выглядел оторопелым, растерянным, взгляд его был совершенно диким. На лице, красном и обмороженном, с выцветшими бородой и бровями, слепящая метель и встречный ветер оставили отпечаток в виде морщин. В каждой из них читались разочарование и крушение надежд. Оставшаяся часть группы вскоре вернулась назад в Энниверсари-лодж. Все либо имели серьезные обморожения, либо страдали от снежной слепоты и были покрыты вшами».

Они прибыли 20 апреля и долгое время приходили в себя. 16 мая Пири и Ли отправились на юг, к мысу Йорк, чтобы увидеть Железную гору³⁶, состоящую, судя по рассказам инуитов, из трех метеоритов, получивших названия «женщина», «собака» и «палатка». Охотник, сопровождавший Пири и Ли, в нужном месте раскопал снег. Пири пишет:

³⁵ Эндрю Фримен заметил, что Пири без ложной скромности всегда искал возможность назвать себя «первым», приписать себе новые рекорды. В этом, собственно, нет ничего плохого. В тексте выделены те достижения Пири, которые он посчитал рекордами.

³⁶ Iron Mountain.

...когда яма достигла около трех футов в глубину и пяти футов в диаметре, точно в 5:30 утра в воскресенье, 27 мая 1894 года, бурая глыба, бесцеремонно разбуженная во время своего зимнего сна, впервые за долгий период своего существования встретила устремленный на нее взгляд белого человека.

Пафос, я думаю, к месту. С точки зрения карьеры лейтенанта день 27 мая 1894 года не менее важен, чем 4 июля 1892 года, когда Пири стоял возле скалы Флота. Новый подарок, предназначенный Соединенным Штатам Америки, был, в отличие от канала Пири, настоящим и, как выяснится, во всех смыслах весомым: «женщина» весила 4 тонны, «собака» около 400 килограммов, «палатка» – 31 тонну. Лейтенант Пири (но тут, конечно, уместнее сказать: инженер-строитель Пири) разработает уникальную операцию по вывозу «палатки», и через три сезона все метеориты станут экспонатами Американского музея естественной истории. Президент музея Моррис Джесуп возглавит Арктический клуб Пири, станет главным меценатом, а Пири в 1901 году назовет северную точку Гренландии мысом Моррис-Джесуп. Об этом разговор впереди.

Пири нацарапал на железном камне букву «П» (как выяснилось, прикоснулся он к «женщине») – и в 112 ярдах оставил записку.

Между тем в Энниверсари-лодж «в команде назревало недовольство». Уимс отмечает: «...много раз хирург доктор Винсент в обращении с Пири был демонстративно груб».

Спутники Пири страдали от бюрократии и автократии, от плохого и раздельного питания. Готовя пищу для семьи Пири, помощница Джозефины «травила байки о том, какими изысканными нездешними деликатесами наслаждались Пири, в то время как остальные довольствовались тюленьями и моржами».

Кто-то назвал жизнь отряда «кромешным адом».

Позже в газете Philadelphia Press были опубликованы слова Свейна: «...Ни один из участников экспедиции не был приглашен на обед к ним [семье Пири]. В течение последних двух месяцев... меню для общего стола членов команды было таким:

Завтрак. Кукурузная каша, которую Пири скудно посыпал сахаром, бекон, полностью лишенный жира, иногда – столовая ложка консервированной тушеной фасоли, кофе.

Обед. Вареное мясо тюленя, по вкусу напоминающее залежалую баранину, приправленную керосином, кукурузный хлеб, кофе.

Ужин. Мясо оленя, если мы могли добыть его, или мясо тюленя, если не могли добыть оленину. Иногда бобы, половина ломтика белого хлеба, кофе.

В воскресенье утром в качестве особого угощения мы получали на десерт банку консервированных томатов на всю группу».

Одной из причин общего недовольства было присутствие миссис Пири. Та же газета дипломатично сообщила: «Члены отряда... единогласны во мнении, что присутствие женщины – это большая помеха в арктических исследованиях и никогда ничем иным не будет. Миссис Пири проявила смелость и самоотверженность, но участники последней экспедиции ее мужа, видимо, думают, что команда добилась бы большего успеха без нее».

Так или иначе, Джо с дочкой готовилась к отъезду, а лейтенант твердо решил проработать в Гренландии еще один год. Уимс интригует: «...наступил момент, когда Пири мог узнать, сколько же людей вызовутся остаться с ним».

Командир словно ответил на этот вопрос:

Дэвидсон и Карр были нетрудоспособны – первый отморозил пятку, второй повредил спину; другие члены моего отряда обнаружили, что работа в Арктике – это вовсе не пикник, как они предполагали, и, мудро рассудив, что осмотрительность – лучшая составляющая доблести, решили вернуться

домой; только Ли и Хенсону хватило достаточной твердости характера и преданности, чтобы остаться.

Аструп

Фактически лейтенант обвинил своих спутников в дезертирстве, в число «предателей» попал и Аструп. Тот самый юноша, что сопровождал Пири в его великолепном походе через Гренландию в 1892 году, знавший лучше любого другого, насколько трудна работа на куполе. Аструп ни в чем не подвел шефа, и лишним доказательством того, что Пири был доволен своим юным спутником, служило приглашение Эйвина в новую экспедицию. Чем же молодой ученый прогневал начальника?

Спустившись с купола в лагерь и придя в себя после жесточайшего отравления испорченными консервами, норвежец по собственной инициативе в сопровождении инуита отправился в 25-дневное путешествие, чтобы изучить берега залива Мелвилл. Пири и Ли искали железное богатство инуитов, Аструп занимался исследовательской работой. Самоотверженность юноши не подлежит сомнению. Именно Пири Аструп вручил свои результаты – подробное описание всей крайне сложной береговой черты залива.

Норвежский полярный исследователь Эйвин Аструп

По-видимому, несправедливое и обидное обвинение в адрес Эйвина было спровоцировано не его отъездом, а именно его успешной работой.

Аструп в отличие от мудрого Кука не стал спрашивать разрешения Пири и опубликовал свои исследования. Упомянутый в главе 3 французский географ Рабо высоко оценил работу норвежца: «В течение этого времени господин Аструп... обошел на санях северо-западное

побережье Гренландии... и исследовал 300 километров ранее неизвестного побережья. Эти топографические изыскания являются главным географическим результатом экспедиции...»

Американцы обиделись: «...неправильно говорить, что этот документ [доклад Аструпа] – единственный или даже самый важный результат экспедиции, напротив, он несомненно уступает очень тщательной и точной работе лейтенанта Пири в заливе Инглфилд, полную карту которого он сделал первым...» В адрес норвежца последовали упреки: «Мистер Пири – человек, имеющий прекрасную репутацию, опыт и возможности которого хорошо известны, был руководителем экспедиции и нес ответственность за ее результаты. На мистере Аструпе никакой ответственности не лежало. Он был волен, если его не останавливали моральные принципы, заявить о себе любым способом, сулящим надежду на временное признание столь молодому человеку. Он выбрал правильный момент, так как его отчет и карта появились в печати в то время, когда мистер Пири вновь был на ледяном Севере, вне досягаемости для каких-либо видов связи на неопределенный срок; человеку с критичным складом ума это должно дать повод для сомнений, если только не для подозрений».

Аструп, как и Вергоев, погиб. *New York Sun* напечатала сообщение из Христиании: «Отряд, вышедший на поиски Эйвина Аструпа, норвежца, который был с мистером Пири... сегодня обнаружил его мертвым... За несколько дней до Рождества Аструп отправился в лыжную экспедицию. Он отсутствовал около трех недель, его друзья начали беспокоиться и собрали отряд для поисков».

Фредерик Кук дал свое объяснение: «Берега залива Мелвилл были исследованы Эйвином Аструпом, когда тот был членом экспедиции Пири 1894–1895 годов. Аструп был также и в первой экспедиции Пири в 1891–1892 годах и служил бесплатно. Он зарекомендовал себя преданным делу человеком и верным помощником мистера Пири и помогал ему, когда тот в 1892 году совершил переход через ледники внутренней Гренландии. В 1895 году³⁷ Аструп серьезно отравился пеммиканом 20-летней давности. Это произошло оттого, что Пири совершенно беззаботно поставил ему негодное для употребления продовольствие... В невероятно сложных условиях он [Аструп] исследовал и нанес на карту контуры ледяных барьеров, ледники, горы и прибрежные острова в заливе Мелвилл. Это была серьезная работа, настоящее исследование. Вернувшись, он обработал собранные материалы и опубликовал их, принеся известность и славу экспедиции, которая в остальном окончилась неудачей.

Эта публикация вызвала зависть Пири, и он публично осудил Аструпа. Тот, совсем еще молодой человек с чувствительным сердцем, сильно страдал от такой несправедливости и едва не лишился рассудка... Днями и неделями Аструп отказывался говорить о чем-либо, кроме как о низости Пири по отношению к нему и его спутникам, которых Пири обвинил в позорном дезертирстве. Затем совершенно неожиданно Аструп покинул мой дом и вернулся в Норвегию. Тогда мы узнали о его самоубийстве. Так из-за узколюбости, несносной жестокости Пири была загублена человеческая жизнь. Это не прямое убийство, однако случившееся ужасно, так как жизнь молодого, благородного человека была погублена трусливым диктатом завистливого эгоиста»³⁸.

Как и в случае смерти Вергоева, комментарий Кука, возможно, слишком прямолинеен. Но его слова – свидетельство того, что Аструп и в самом деле чувствовал себя оскорбленным.

Роланд Хантфорд в книге «Скотт и Амундсен», изданной в России под заголовком «Покорение Южного полюса. Гонка лидеров», упоминает, что Амундсен очень тепло относился к Аструпу. Знаменитый норвежец признавался: «...он воодушевил меня». Амундсен тоже считал Пири виновным в смерти Аструпа.

---

³⁷ Правильно – в 1894 году.

³⁸ Здесь и далее при цитировании книги Кука «Мое обретение полюса» перевод в некоторых случаях уточнен по первоисточнику.

Эйвину было 24 года. Легко представить себе, в какое крайне болезненное состояние может прийти молодой человек, когда тот, кто долгое время был для него и близким товарищем, и начальником, и кумиром, уничтожил все то прекрасное, что сложилось в восторженной душе. Чувство обиды и подавленности подспудно притупляет механизм самозащиты, природная осторожность снижается. Возможно, несчастный во власти этих чувств и не ищет гибели, но беда сама будто преследует его. Все это, вероятно, относится и к трагедии Аструпа, и к трагедии Вергоева.

В свою двухтомную книгу, которая вышла уже после кончины норвежца, Пири включил исследование молодого ученого в Северной Гренландии с таким учительски-назидательным примечанием:

Содержание этой главы уже было опубликовано. Аструп огласил свои результаты сразу же по возвращении домой в 1894 году.

Однако, признавая, что это очевидное нарушение этики было лишь результатом юношеского стремления увидеть свою работу в печатном виде, я очень рад придать его труду тот вид, в котором, как я надеюсь, он обретет свою более долговременную форму и более широкое распространение, чем те, которые он, вероятно, получил бы, имея свой первоначальный вид.

«Я покончил с этим»

Дневник Пири от 28 августа 1894 года:

...Должно быть, тех, кто остался на корабле, впечатлило это зрелище: маленькая лодка, отошедшая от борта судна... Я не смотрел ни на что другое, кроме белого платка, которым Джэсо махала мне из иллюминатора своей каюты. Так с уходящим кораблем заканчивается злополучная первая часть моей экспедиции и начинается вторая.

Лодка удалялась от судна, и люди на борту спрашивали себя, сохранят ли свои жизни эти три смельчака, обреченные еще на один год заточения. По определению Пири, первая часть экспедиции закончилась, и ее финалом можно было считать эту безрадостную картину.

Поговорим о мотивах Ли, оставшегося на вторую зимовку, сулившую, казалось, только невзгоды.

Журнал Американского географического общества утверждал, что лейтенанту удалось «уговорить одного из мятежников остаться с ним и его чернокожим слугой Мэттом Хенсоном».

Брайс словно объясняет: «Он [Пири] убедил Ли остаться, пообещав ему по возвращении высокий пост в правительстве».

Кажется, оба источника не совсем верны. Почти за месяц до прихода «Фэлкона» Ли написал маме: «Мистера Пири действительно преследуют серьезные неудачи. Иногда мне кажется, что я почти готов расплакаться, но это, конечно, не поможет. Наши люди от него отвернулись, и я остался практически единственным верным ему человеком, я – слабосильный слюнтяй. Чем же я могу ему помочь, что я могу для него сделать? Почти ничего. Если дома есть какие-либо дела, требующие моего присутствия, то я буду в отчаянии, ведь я нужен ему здесь. Мне придется с большой неохотой оставить его. Мне будет трудно, поистине трудно это сделать. Ты не представляешь, какие чувства я испытываю к этому человеку! Чем больше наговаривают на него, тем больше он мне нравится... Все так злятся на него, и если одна из сторон неправа, а я думаю, что так и есть, то я точно знаю, что неправы именно они... Все участники знают, что я верен своему договору и мистеру Пири...»

Строчки вызывают теплые чувства и симпатию к автору письма. 3 августа Ли засвидетельствовал в дневнике: «[Пири] сказал мне, что спросил у каждого участника, останется ли он еще на год, и каждый из них отказался. Потом он сказал мне, что Мэтт остается, и спросил о моем решении. Я ответил, что остаюсь с ним. С радостью он дважды переспросил меня, так ли это на самом деле, и когда я заверил его в своих словах, то все, что он смог сказать в ответ, было: «По рукам!»

Эту запись приводит Уимс. У Брайса находим другое. Дневниковая запись Хью Ли от 7 августа 1895 года: «Мистер Пири заверил, что у меня будут большие шансы занять высокую должность в Штатах не только если здесь все пройдет успешно, но и в противном случае. И я действительно считаю, что это лучший вариант для меня».

Брайс сообщает, что позже Ли в самом деле был взят на важную государственную службу.

И все же не посулы Пири заставили Ли ответить согласием на сакраментальный вопрос. Откажись Ли, начальник во власти своей гордыни, возможно, обосновался бы в Энниверсари-лодж вдвоем с Хенсоном, и тогда зимовка стала бы для лейтенанта еще невыносимее, а со стороны «вторая часть» полярной кампании выглядела бы просто нелепой. По сути, Ли спасал Пири, и делал это, вероятно, не только из чувства долга, не только из соображений личной выгоды, но и следуя своему душевному порыву.

Хью Ли

Уимс говорит о Ли как об образованном, непреклонном, энергичном человеке, всегда соблюдающем субординацию. Пири искал подходящих людей, но получалось неважно. Ли, возможно, был счастливым исключением. Широко известно высказывание Пири после похода на Северный полюс в 1909 году:

Мой отряд можно было считать идеалом, воплощенным в действительность, – он был верен и послушен моей воле, как пять пальцев моей руки.

Пири имел в виду группу, которая, по его словам, 6 апреля 1909 года достигла Северного полюса, – он сам, Хенсон и четверо инуитов. На куполе Гренландии Ли и Хенсон составляли такую же идеальную команду, полностью послушную воле Пири, и, само собой, управляемость группы очень желательна, необходима, но для полярной победы далеко не достаточна. Иной просчет командира может убить все старания, все приготовления. Наглядный пример тому – события, случившиеся в Энниверсари-лодж осенью 1894 года. Надвигалась зима, весной предстояло новое путешествие, и пока полярная ночь не наступила, начальник спешил пополнить запасы мяса. Вместе с инуитами он успешно охотился на оленей, были убиты несколько моржей. Лишь два фатальных события, по мнению Пири, могли помешать весеннему походу к скале Флота: бешенство собак и смерть одного из членов команды. Кстати, в отчетной статье Пири откровенничает:

Последнюю возможность я намеренно ставлю на второе место, потому что без собак было бы безумством даже думать о попытке завоевания «большого льда», в то время как сокращение команды до двух человек обязательно означало бы то же самое. Однажды поход к Индепенденс-фьорду уже был совершен двумя путешественниками, и нет оснований сомневаться, что и на этот раз успех может быть достигнут двумя людьми.

Беда обрушилась совсем иная: Пири не нашел склад с провизией и горючим (спиртом), оставленный весной на куполе. Видимо, мысль о том, что депо, обозначенное высоким шестом, может быть утеряно, даже не приходила ему в голову. Для осмотра склада были посланы Ли и Хенсон с одним инуитом, но они запасов не обнаружили. Обеспокоенный командир сам лично с Хенсоном и инуитом Максингвой³⁹ отправился на поиски.

Из книги Пири:

На следующее утро мы встали задолго до рассвета и после... чая с галетами⁴⁰, подкрепившись замороженным мясом тюленя, вновь отправились в путь. Я знал, что для этого похода мы не можем посягнуть на мои ограниченные запасы... предназначенные для весеннего путешествия, поэтому наш рацион состоял, помимо чая и скромного количества галет, из мяса тюленя, замороженного до твердости камня. Не было видно никаких опознавательных знаков, но в 4 часа по измеренному шагами расстоянию я понял, что мы в окрестностях первого тайника, и пока я шел по снежному полю, мне показалось, что я обнаружил цель своих поисков, так как отчетливо и ясно на фоне западного небосклона, сейчас желтого от заходящего солнца, стоял шест, выступающий из снега примерно на фут и находящийся от нас на расстоянии нескольких сотен ярдов. Когда я направился к нему, то несколько сотен ярдов обернулись целой милей, а маленький шест превратился в 4 шеста, выступающих из снега на 9 футов и отмечающих тайник, который оставил Ли несколько дней назад.

Когда я вернулся к моим саням, холодная синяя тень ночи, спустившись с северо-востока и победив свет, вступила в полное владение всем ледяным

---

³⁹ Maksingwah.

⁴⁰ Biscuit – печенье, галеты (англ.).

полам, так что я распорядился привязать собак и поставить палатку... Был приготовлен чай... и вскоре [мы] уснули...

В 6 часов туман и тучи закрыли все. Ветер сменил направление... и та безжизненная серая мгла из мельчайших крошечных снежных частиц, с которой я был так хорошо знаком, окутала весь мир. Я развернул палатку тыльной стороной к ветру, рядом поставил сани, привязал собак у входа в палатку, а все вещи занес внутрь, – приготовления, которым меня научил не один неприятный случай. Закончив с этим, я вернулся в палатку, и Мэтт последовал за мной.

Погруженный в свои мысли, я какое-то время не обращал внимания на то, что Максингва не вошел в палатку вместе с нами и что я не слышу никаких его звуков снаружи. Тотчас мне в голову пришло подозрение, что он удрал, перепугавшись октябрьского шторма на устрашающем сермиксоак⁴¹ (ледниковом куполе). Выглянув наружу и не увидев его, я надел снегоступы и, следуя по колею от наших саней, нашел поверх нее следы, указывающие, что он направился обратно. Я не пошел за ним. Если нам предстояла затяжная буря, то он не мог бы принести нам ни малейшей пользы, в то время как его отсутствие существенно сэкономило бы наши запасы и позволило выдержать более продолжительную осаду. Бедолага, на путь до базы, как я узнал позднее, у него ушло 4 дня, и к концу этого срока он настолько ослаб от холода и голода, что едва передвигал ноги.

Ветер усилился до непрерывно свистящего урагана, воздух наполнился горизонтально летящим снегом, и наши арктические барометры – собаки – все как одна свернулись клубочком спиной к ветру, схоронив носы и лапы в свои пушистые хвосты... В конце следующего дня ветер несколько ослаб, что позволило выйти наружу, накормить и распутать собак и надеть намордники на некоторых подозрительных представителей стаи, от которых можно было ожидать, что во власти той дьявольской штуки в виде буйства и жажды разрушения, которая во время бури на «большом льду» охватывает эскимосских собак, они сгрызут свою упряжь и привязь. Затем безумство началось снова и продолжалось шесть тоскливых, мучительных дней и ночей, которые были самыми ненавистными из всех, которые я когда-либо проводил на ледниковом покрове.

Моя маленькая палатка, установленная на высоте в 5000 футов над уровнем моря, находилась на совершенно цельной и голой поверхности «большого льда». Неистовый ветер продувал снег сквозь стенки палатки постоянным душем мельчайшей белой пыли, которая оседала на нас и на всем, что было внутри. Тучи и метель практически полностью поглотили тот малый дневной свет, который оставался в это время года, и держали нас в нескончаемом мраке. Примерно дважды в сутки мы разжигали маленькую керосиновую плитку и готовили по чашке чая, съедали по галете и немного тюленьего мяса, после чего гасили плитку... и, отворачивая лица от снежной пыли, снова пытались заснуть.

Однако по истечении первых трех дней я уже не мог спать, а просто лежал и прислушивался к проклятому шуршанию снега на палатке, зная, что этот демонический белый поток уничтожил последнюю надежду найти мой тайник, уничтожил всю работу предыдущего года, на которую я

---

⁴¹ Sermiksoak.

так рассчитывал... Мои планы на будущее рушились. Меня уже ничто не интересовало. Мною овладели мысли о жене и голубоглазой дочери, о моей матери; перед глазами вставали картинки из моего детства; счастливые сцены и воспоминания всего, что было до этих чертовых арктических исследований, захватили меня, поднялись и выстроились против того драгоценного времени моей жизни, которое было растрачено напрасно, всех жертв, принесенных мною или ради меня и ни к чему не приведших. Все это продолжалось до тех пор, пока мне не стало казаться, что с этими мыслями и с непрекращающимся воем пурги я теряю рассудок...

Единственным результатом девяти потерянных дней и всех усилий была моя абсолютная уверенность в том, что все мои основные припасы для санного путешествия следующей весной, весом почти в полторы тонны, включая каждую унцию моего спирта и пеммикана, были безвозвратно и навсегда похоронены в ненасытной утробе «большого льда» и что вся работа последнего года была полностью уничтожена. Я был просто ошеломлен моей потерей; я чувствовал себя так, как человек, который после кораблекрушения выбрался на необитаемый остров, не имея ничего, кроме одежды.

Нельзя не посочувствовать лейтенанту Пири, но уверен, что его припасы пропали не во время жуткой пурги, а летом, когда под лучами солнца ледяной покров Гренландии самым причудливым образом меняет рельеф, затем сглаживаемый осенними метелями. Так или иначе, оставшись без качественного горячего и съестных припасов, наш герой размышлял: идти или не идти. Мы знаем, какое решение он примет. Одни его выбор назовут стойкостью, другие – неоправданным риском, третьи – глупостью. Сам себе Пири доказывал свою правоту «от противного» – если он останется в Энниверсари-лодж, то его экспедицию назовут провалом, что неприемлемо. Значит – идти. Не ради науки, не ради открытий, не ради того, чтобы расширить свою полярную практику, а ради только лишь одного – все обязаны знать, какой он непреклонный и твердый.

Для людей вместо пеммикана Пири взял замороженную оленину, для собак – вместо вяленого мяса оленя – мороженое мясо моржа. Спирт был заменен керосином, более тяжелым и менее эффективным. Общий вес возрос – просто немыслимо! – в четыре раза. Пири написал Джо письмо, которое походит на завещание:

Моя дорогая!

Накануне нашего выхода на «большой лед» я пишу тебе то, что позже вручу сам. Не знаю почему, но я не могу собраться с мыслями и написать то, что хочу. Эта зима была для меня кошмаром... Моя жена, моя дорогая! Я целую место, на котором покоилась твоя голова, целую носочки моей голубоглазой дочери, а возле сердца я ношу последнее письмо от тебя и твой маленький флажок. Они будут со мной до самого конца, независимо от того, каким он может быть.

Я начинаю путь с провизией и снаряжением, которые состоят практически из ничего. Как ты увидишь из моего журнала, который находится в большем из жестяных сундуков под полом нашей комнаты, чудовищный снегопад прошлого лета похоронил на ледниковом покрове все мои запасы: галеты, молоко, гороховый суп, клюквенный джем, пеммикан и – хуже всего – спирт. В качестве топлива я вынужден использовать керосин... такого низкого качества, что при температуре чуть ниже нуля он становится похожим на сгущенное молоко. По этой причине я соорудил плитку, на которой можно поддерживать малый огонь, который будет

гореть постоянно на протяжении всего пути к северу. Из мясного у меня есть оленина – частично приготовленная и частично сырая, а для собак – моржовое мясо. На себе мы сможем унести только рационы, которых нам хватит на дорогу к Индепенденс-фьорду и обратно, а также чай, молоко и галеты, рассчитанные на трехмесячный поход...

Свои сани, сделанные по гренландскому образцу, я назвал «Джозефина» – по имени женщины, которую люблю; маленькие прицепные сани в честь своей дочери я назвал «Чопси»⁴². Поход я начинаю с 35 собственными собаками и с 30 собаками, взятыми напрокат. Со мной идут четверо местных жителей... обещавшие сопровождать нас в течение 10 дней, за которые мы должны пройти путь больший, чем прошлой весной... Мне было очень непросто добыть собак, и я смог добиться этого только благодаря преданности норвежского участника экспедиции [Аструпа], который ранее сказал местным жителям, что вернется сюда через год или два, и если они поддержат для него этих собак, то за каждые две собаки они получают по ружью. Я сам должен по ружью членам судовой команды Ингерпадоу и Акпалисуалио⁴³... С другими я просто договорился... Из трех бивней нарвалов... – один для Эмиля⁴⁴, чью доброту я никогда не забуду, один для Бриджмена⁴⁵, который более чем заботлив, и... еще один – для тебя.

---

⁴² Chopsie.

⁴³ Ingerapadoo, Akpalisuahlio.

⁴⁴ Эмиль Дибич – брат Джозефины.

⁴⁵ Герберт Бриджмен – редактор бруклинской газеты, в будущем секретарь Арктического клуба Пири.

Миссис Пири. Подпись из книги Р. Пири

Бумаги и записи в большом сундуке и в двух... небольших ящиках. Ящики с амуницией спрятаны под полом в нашей комнате, а поверх них я уложил оставшуюся провизию. Из-за того, что эскимосы здесь постоянно, у меня не было возможности положить все это в каком-либо ином месте. После тщательного обдумывания я пришел к выводу, что лучше всего от воровства и пожара вещи можно сохранить именно здесь. Два ружья также под полом. Три за книгами, а твое ружье – в одном из шкафов. Одно ружье и один карабин взял у меня взаймы Нукта⁴⁶, который останется здесь до прихода корабля. Я пообещал ему дом Стоукса. Три других человека, которые нас сопровождают, проведут лето в Канрахе, и я пообещал им ту часть дома к востоку от перегородки, которая раньше была между прежними столовой, кухней и мужским туалетом. Если я не вернусь, то остальная часть дома должна быть перевезена на корабле. Если ее выставить, это обеспечит тебе финансовую независимость. Все ключи я положил за книгами на верхней полке.

До свидания, моя дорогая! Берт

1 апреля 1895 года Пири, Ли, Хенсон и пять инуитов начали путешествие. Сани были сильно перегружены.

---

⁴⁶ Nuktah. В книге Пири Northward over the 'Great Ice' имя дано по-другому: Nooktah.

Снова устали. Подпись из книги Р. Пири

Через 128 миль от того места, где Пири в прошлом году остановил движение, инуиты повернули назад. Лейтенант зафиксировал свой новый рекорд:

На протяжении шести ночевок и шести длительных и скоростных переходов они [инуиты] беспрекословно следовали за мной в самое сердце сермиксоака, где никто из их племени никогда не бывал и не отваживался даже подойти. Никогда раньше, даже во время самого долгого преследования белого медведя по замерзшей поверхности... они не упустили из поля зрения скал и гор своего дикого побережья (выделено мной. – Д. Ш.).

Ли заболел и три дня лежал в санях. Снова свирепствовала буря, и снова собаки умирали. Сани Ли пришли в полную негодность, а сам он, ко всему прочему, отморозил палец и, чтобы унять боль, принимал морфий. Продукты, взятые на дорогу «туда», к 5 мая закончились. На следующий день Пири увидел землю. Ли остался в палатке, а Пири и Хенсон долго искали овцебыков – от результатов охоты теперь в самом буквальном смысле слова зависела жизнь трех людей. К счастью, овцебыки нашлись. Почти отчаявшиеся путешественники и полуживые собаки, наевшись свежего мяса, восстановили силы.

Примерно в 75 милях к северу от скалы Флота лейтенант увидел новую вершину, которую назвал в честь своего благодетеля горой Вистар. Единственное открытие. Горемычному отряду с девятью собаками, отделенному от дома пятьюстами тревожными милями арктической пустыни, было совсем не до открытий – пересекателям следовало во весь дух мчаться назад. В пятый раз лейтенант вступал в схватку с безмолвным миром от края до края Гренландии, но никогда прежде он и его спутники не были в столь плачевном состоянии. Уильям

Хоббс назвал их возвращение в Энниверсари-лодж «гонкой со смертью». В пути Ли, страдая несколько дней жестоким расстройством желудка, полностью лишился сил.

Биограф Пири Хоббс приводит отрывки из неопубликованного дневника Ли:

«Я сказал Пири, чтобы они шли без меня...»

Пири возразил: «Мы больше не будем вести таких речей. Или мы вернемся домой все, или не вернется никто из нас...»

Мы поставили лагерь, и Пири выхаживал меня, как ребенка, весь этот день».

Они тащили сани вместе с оставшимися в живых животными, собачье мясо стало основной частью рациона. Дневник Ли:

«...Пири гордо вышагивал впереди, как будто не замечая их [трещины], и... создавалось впечатление, что он надеется покончить со всем, упав в одну из них, и таким образом избежать последствий поражения».

На 25-й день стойки с одной собакой вернулись в лагерь. Выжившей псине Пири посвятил сентиментальные строки:

Неровная дорога вниз по скалам была слишком большим испытанием для моей бедной собаки, которая обессилела и легла на землю на некотором расстоянии от убежища. Зная, что после передышки она снова, сражаясь, будет идти за нами, я оставил ее. Когда она пришла, то своими собственными руками, еще до того, как сам проглотил какой-либо кусочек, я накормил ее нежным, незамерзшим оленьим мясом... Бедное животное! Память о тех голодных днях на «большом льду» настолько живо сохранилась у собаки, что в течение недель после нашего возвращения, оставаясь слабой и больной, как и мы сами, в любое время, кроме сна, она прятала каждый кусок мяса или жира и каждую косточку, которые только могла найти.

Полярная ночь

Полярный писатель, историк Жаннетт Мирски отозвалась о походе, совершенном Пири, Ли и Хенсоном: «Эта экспедиция проходит красной нитью как один из самых безрассудных

вызовов замерзшему северу, который человек когда-либо бросал и вышел живым. Но несмотря на поразительное мужество, результаты были такими же бесплодными, как и в предыдущей неудачной попытке».

Похоже оценил экспедицию британский географ доктор Дж. Гордон Хейс, один из биографов Пири: «Было много путешествий, в которых люди страдали гораздо больше, но сопряжены с таким риском были немногие. Это была одна из худших экспедиций не только из-за опасностей и лишений, но и потому, что она не достигла ничего... Короткий путь Пири к славе в этот раз оказался провальным».

Под «коротким путем к славе» Хейс имеет в виду экспедицию Пири 1891–1892 годов.

Несчастные не знали, придет ли за ними судно. Пири предупредил Джо, что если корабль добыть не удастся, то на собаках они пройдут 700 миль к датским поселениям на юге Гренландии и уже оттуда пароходом выберутся в Европу.

Джозефина Пири снарядила спасательную экспедицию. Фотография размещена на фронтисписе книги Р. Пири

Но Джозефина, приложив огромные усилия, снарядила спасательную экспедицию. Для начала она попросила Министерство военно-морских сил отправить за мужем судно, но ей отказали. Затем она разослала письма, умоляя о пожертвованиях на спасение. Ее принял миллионер Моррис Джесуп, пообещав добавить недостающую сумму, если миссис Пири проявит настойчивость и соберет часть денег. Средства поступили от Американского географического общества, колледжа Боуден, Американского музея естественной истории, Общества естественной истории города Ньюпорта. Джозефина читала лекции. В критический момент Джесуп выполнил обещание, и за Пири был отправлен уже знакомый читателю «Кайт». Сама миссис

Пири плыть в Гренландию не захотела, однако на борту был ее брат Эмиль Дибич. Джо написала мужу горестное письмо:

«Когда в апреле прошлого года мы сидели на берегу озера Бэйб и ты рассказал мне о своих планах, я ощущала себя так, будто ты вонзил нож мне в сердце и оставил его там, чтобы время от времени проворачивать его.

Мой муж, я много размышляла о нашей семейной жизни и решила отказаться от места, которое ты отвел мне через час после нашей свадьбы. Это было второе место, и мне было очень больно, мне больно до сих пор, и эта боль никогда не пройдет. Год назад ты поставил меня на третье место, возведя свою славу на первое; то, что было на первом месте, стало вторым, а то, что на втором – стало третьим...

Мой Берт, жизнь моя, если удача изменила тебе, согласишься ли ты отодвинуть славу на задний план и пожить немного для меня, как это было когда-то?»

3 августа Эмиль Дибич вошел в комнату Пири. Лейтенант выглядел беспокойным и угрюмым – он тяжело переживал поражение в двухлетней кампании. В книге он вспоминал:

Я чувствовал, что... не могу подняться на борт и сказать, что потерпел неудачу. Было бы предпочтительнее остаться там, где я был. Временами я даже надеялся, что корабль не придет и я смогу сделать еще одну попытку следующей весной.

Несмотря на душевные муки, Пири в тот момент действовал вполне рационально. Он задержал отплытие, дождавшись максимально теплой погоды. Судно подошло к мысу Йорк, и метеориты «собака» и «женщина» с превеликим трудом и большой инженерной выдумкой были водружены на борт «Кайта»⁴⁷.

2 октября 1895 года газета New York Times процитировала профессора Льюиса Дайча, участника спасательной экспедиции: «Не думаю, что Пири еще раз попытается пойти в Арктику. Его последняя экспедиция стала катастрофической неудачей».

Доктор Кук, узнав о результатах эпопеи, написал Энтрикину: «Неудача Пири – это печальная новость, так как это бросит еще одну тень на полярное дело, но именно этого ожидали Вы и все мы, кто знал, насколько плохо его снаряжение. Он упорно боролся с колоссальными трудностями, чтобы достичь чего-то. Он заслуживает сочувствия».

Наиболее точный диагноз своему провалу поставил сам Пири:

Мне никогда не увидеть Северный полюс, если только кто-то не принесет его сюда. Я покончил с этим. По моему мнению, для этой работы требуется человек, который будет гораздо моложе меня. Руководитель подобной команды должен быть способен не только делать столько же, сколько остальные, но больше, чем любой другой. Скорее ему должно быть до тридцати лет, чем больше сорока. Я слишком стар, чтобы проходить на снегоступах 25–30 миль в день неделями и нести большую часть времени тяжелый груз. Для этого человек должен быть тренированным, настоящим спортсменом, а таковым не являюсь...

Я покончил с этим. Я не старик, если судить по возрасту, но я слишком стар для подобного занятия.

Фоном для бед Пири стали блестящие достижения его давнего соперника Фритьофа Нансена, который 9 апреля 1895 года установил рекорд продвижения к Северному полюсу – 86°14' северной широты.

(Два слова о том, как был достигнут этот красивый предел. В Норвегии по чертежам Нансена было построено судно «Фрам», подводная часть которого имела необычайные обводы –

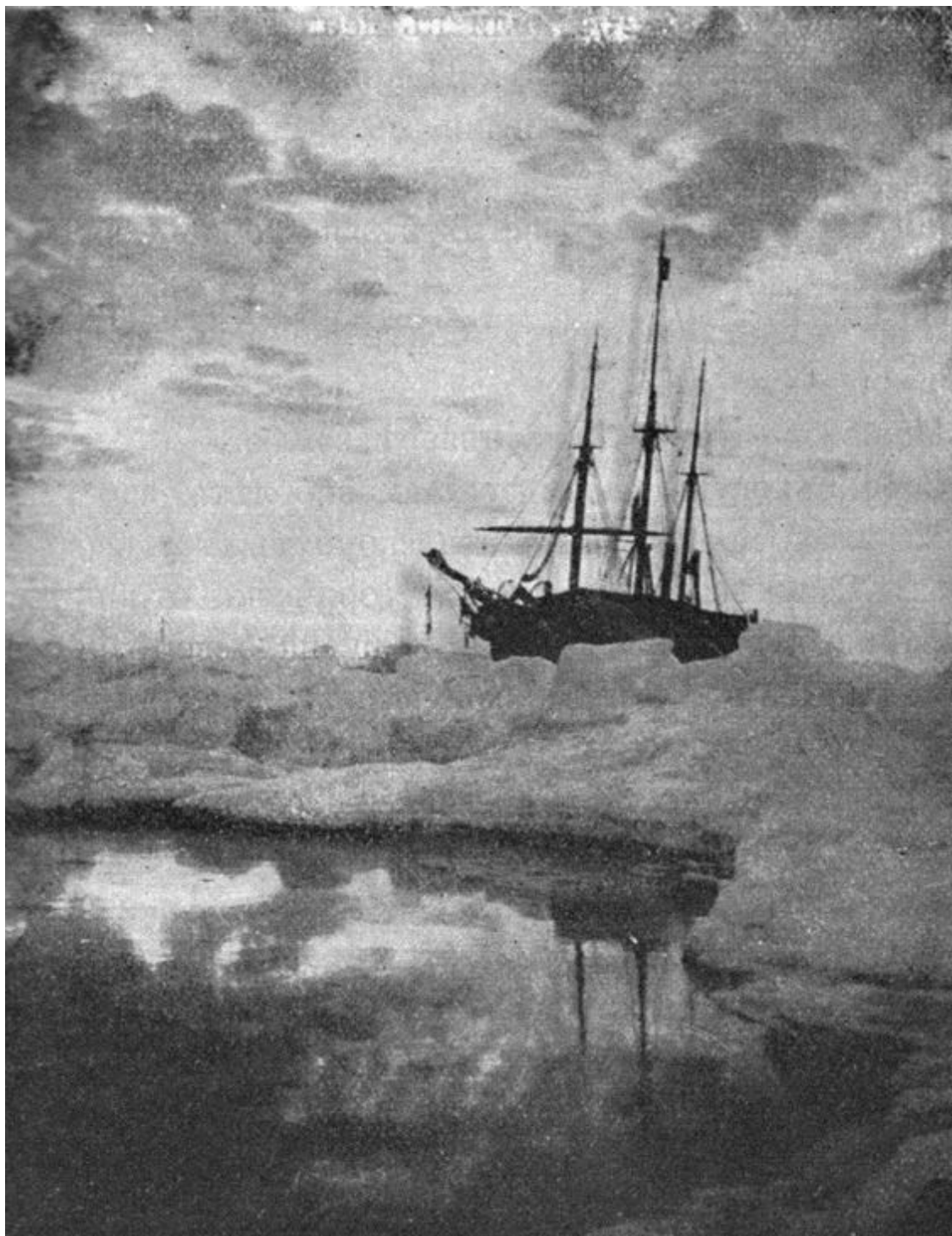
---

⁴⁷ См. следующую главу.

нечто в форме яйца. По замыслу автора этого необыкновенного проекта, «Фрам» должен был выскальзывать из сжимающих его ледяных тисков. Нансен намеревался вклинить судно в дрейфующие льды к северу от Новосибирских островов и доверить его океаническим течениям. Ученый был убежден, что генеральный дрейф пронесет плененный корабль через огромную неисследованную часть земного шара, окружающую Северный полюс, и выпустит на волю в Гренландское море.

В июле 1893 года «Фрам» покинул Норвегию, миновал северные моря России: Баренцево, Карское, Лаптевых – и вмерз в лед именно там, где рассчитывал Нансен. Судно дрейфовало и успешно сопротивлялось сжатиям. Минули две зимы. Теория Нансена подтвердилась – течение несло «Фрам» в пролив между Гренландией и Шпицбергенем, но... южнее Северного полюса. Вдвоем с Ялмаром Юхансенем на собаках Нансен направился к заветной точке. Было очевидно, что на «Фрам» этим смельчакам не вернуться. Да и вернуться ли они вообще?

Достигнув рекордной широты, покорители дрейфующих полей повернули на юг и, сумев выбраться на один из островов Земли Франца-Иосифа, построили хижину, в которой перезимовали. 19 мая 1896 года они продолжили путь к берегам родной Норвегии и случайно встретились с английской экспедицией. 13 августа корабль доставил героев домой. Через неделю в Норвегию прибыл «Фрам».)

«Фрам» в Северном Ледовитом океане

Брэдли Робинсон в книге о Мэттью Хенсоне «Черный компаньон» замечает: «Это была горькая пилюля, которую Пири должен был проглотить на самом пике собственного поражения. Он морщился от терзающей его зависти, хорошо помня о том, как Нансен похитил у него мечту стать первым, кто пересек Гренландию».

Глава 5. «Небесные камни»

Метеориты мыса Йорк Пири называл «небесными камнями»⁴⁸. Они были словно подарок с неба, причем и для инуитов, и для лейтенанта. Первым метеориты помогли перебраться из каменного века в железный, Пири же благодаря им выбрался из бездны поражения в мир почестей и наград. Вывоз из Северной Гренландии космических пришельцев он описал подробно и вдохновенно во втором томе книги «По большому льду к северу».

Коснемся истории. В 1818 году знаменитый мореплаватель из Великобритании Джон Росс увидел в руках гренландских охотников ножи с железными лезвиями и гарпуны с железными наконечниками. Выменяв эти удивительные вещицы, Росс передал их в лондонские музеи, причем уже тогда было ясно, что предметы сделаны не из скальной породы, содержащей металл, а из метеоритного железа.

В промежутке между Россом и Пири многие и многие пытались найти «Савиксу»⁴⁹ – и датчане, и англичане, и Норденшёльд в 1883 году, и китобои. В своем стиле Пири замечает:

К счастью, закрыть вопрос окончательно и определенно было предназначено мне. После того как я завоевал доверие целого маленького племени эскимосов пролива Смит, Телликотина⁵⁰, один из охотников, в мае 1894 года провел меня к «Железной горе», где я обнаружил не железнорудную жилу и не гору железа, а три больших глыбы из однородного металла, специфические и неоспоримые характеристики которого и особенно природная среда вокруг доказали, что это было, без всяких сомнений, настоящее метеоритное железо...

Данные из прошлого, которые можно получить от местных жителей относительно метеоритов, достаточно скудны. В соответствии с ними, Савиксу... находилось в том месте, где я нашел его, с незапамятных времен и первоначально представляло собой сидящую за рукоделием эскимосскую женщину, ее собаку и палатку, сброшенные с небес Торнарсуком⁵¹ (злым духом). В результате того, что в течение веков фрагменты от верхней части туловища «женщины» постепенно откалывались, она уменьшилась в размерах на одну треть или наполовину. Много лет тому назад ее голова отделилась, и отряд эскимосов из Петеравика или Эта (поселки к северу от Китового залива) попытался унести ее, желая, по-видимому, иметь запас заветного металла поближе, дабы избавить себя от продолжительных и тяжелых поездок на мыс Йорк... для возобновления своих запасов железа. Голова была помещена на сани, и отряд направился домой, но, когда они уже были далеко от берега, морской лед внезапно с грохотом проломился, и голова исчезла под водой, утащив за собой сани и собак. Сами эскимосы чудом спаслись, и с тех пор никаких новых попыток переместить [метеориты] сделано не было...

Современная наука определяет возраст «небесных камней» Пири в 4,5 миллиарда лет, столкновение же их с Землей датировано восьмым тысячелетием до нашей эры. Инуиты вполне утилитарно использовали небесные подарки. В музейной аннотации по поводу роскошных экс-

⁴⁸ Heaven stones.

⁴⁹ Saviksue – великое железо.

⁵⁰ Tellikotinah.

⁵¹ Tornarsuk.

понатов сказано, что в 1895 году, когда Пири вывез первые два метеорита, рядом с «женщиной» лежали многие тысячи каменных молотков из базальта, с помощью которых аборигены откалывали свою долю от общественного богатства.

Совершенно удивительно, что инструменты, сделанные из Савиксу мыса Йорк, были обнаружены на расстоянии 500 и даже 2200 километров от мыса, что говорит об экстенсивной торговле среди инуитов по всей Арктике.

Местоположение метеоритов тщательно скрывалось, и только благодаря хорошим отношениям с охотниками и подаркам Пири узнал тайну.

Комментарий доктора Кука, как и раньше, отличается жесткостью: «“Пири-тиг-липо-савигахуа”⁵² (“Пири украл железный камень”), – повторяют теперь с горечью эскимосы. В 1897 году Пири пришло на ум, что музеи могут заинтересоваться эскимосами и так называемым “Звездным камнем”⁵³, которым те владели. Эскимосы передавали этот камень из поколения в поколение как собственность племени... Без согласия эскимосов Пири забрал этот метеорит на свой корабль... В Нью-Йорке драгоценный метеорит был продан, однако барыши не были разделены с его законными владельцами».

В музейной экспозиции предусмотрительно сообщается, что к тому времени, когда Пири открыл метеориты, инуиты могли приобретать железо с помощью торговли. На эту тему высказывается и Пири:

На протяжении нескольких поколений... местные жители уже не использовали железо этих метеоритов, ножами их изредка снабжали китобои и экспедиционные суда...

---

⁵² “Peary-tiglipo-savigaxua”.

⁵³ Star Stone.

«Женщина» и «собака»

Книга Пири:

...в августе 1895 года на судне «Кайт», которое было послано миссис Пири, чтобы доставить меня и моих двух спутников домой, я обогнул мыс Йорк и увидел, что залив Мелвилл относительно свободен ото льда. И «Кайт» на предельной скорости помчался на восток к тому месту, где лежали метеориты...

...закрепив судно с помощью ледовых якорей, мы остановились в миле от берега...

Как только это было сделано... я перелез через борт «Кайта», пересек лед, достиг припая внутри залива и, пройдя маленькую долину, вновь оказался рядом с рожденной небом громадой...

Сейчас, когда весь снег на поверхности «женщины» и вокруг нее растаял, можно было оценить все трудности, связанные с транспортировкой машины на корабль. Я был рад, что метеорит оказался не больше моей первоначальной оценки... Сохранившееся значительное количество спрессованного снега и льда в маленькой долине между метеоритом и заливом стало для нас также благоприятствующим фактором. И все же участок в несколько сотен футов, сплошь покрытый огромными гнейсовидными валунами, между метеоритом и верхним краем этого скопления снега, а также широкая полоса открытой воды, разделяющая лед в заливе и берег долины, представляли для нас трудности, преодолеть которые можно было, лишь мобилизовав все наши силы.

Первоначальное положение метеорита «женщина»

На следующий день Дибич с командой корабля и эскимосами начал работу. С помощью домкратов «женщину» подняли с места, а для «собаки»

были сооружены грубые сани из еловых жердей. На второй день «женищина» была закреплена и готова к транспортировке, а «собаку» закатили на сани и общими силами корабельной команды и моих местных союзников стали тащить через валуны и потом вниз по сугробам к берегу; затем ее переправили через открытую воду на льдине и, наконец, тянули около мили по льду залива до корабля, где подняли на борт и уложили в трюме.

На третий день из тяжелых бревен была сооружена волокуша для «женищины», на которой она была размещена и закреплена, затем волокушу стали медленно транспортировать на железных валиках по настилу из досок, положенных на примитивное дорожное полотно, неровно вымощенное моими эскимосами множеством камней, найденных в окрестностях. Таким образом метеорит был доставлен к верхнему краю снежного участка. Затем, пополуночи, когда поверхность этой площадки крепко замерзла, метеорит спустили к берегу, куда специально вплотную была подогнана огромная льдина длиной 40 футов, шириной 20 футов и толщиной 7 футов. На этом своеобразном пароме он был переправлен через открытую воду на лед залива в специально вырубленный для этого док. По льду залива движение на валиках по настилу продолжилось, а в полумиле от корабля с него были сброшены все сплесненные⁵⁴ свободные канаты, и мы ускорились, перейдя на тягловую силу лебедки. Как только возжеланный трофей оказался рядом с кораблем, с максимальной скоростью мы попытались зацепить его корабельными таями и рычагами, но, прежде чем мы успели это сделать, лед под большим весом треснул... К счастью, лини и цепи, уже закрепленные на метеорите, были достаточно прочными, чтобы удержать его, хотя и неспособными поднять. Наконец, несмотря на то что «Кайт» из-за несбалансированности груза накренился и в результате этого метеорит почти полностью погрузился в воду, к нему были прикреплены дополнительные лини, и он медленно вполз на леера и водрузился на борт. Все с облегчением вздохнули, когда неповоротливый гигант был безопасно размещен в трюме.

⁵⁴ Соединенные без узлов.

Перетаскивание метеорита «собака» по скалам (вверху). Передвижение метеорита «женщина»

Вся работа по транспортировке и погрузке этих двух громад была инженерным проектом Дибича...

Ледяной паром

Пири навестил и самый большой «небесный камень» – «палатку», находившийся неподалеку на острове. Свободные от работы люди попытались докопать до нижнего уровня метеорита, но безуспешно. Во время отчаянных попыток пошевелить металлическую глыбу сломались два 10-тонных домкрата. Лейтенант решил, что для гиганта нужно иное оборудование, да и иной – больший – корабль. Между тем молодой лед уже покрыл залив, и «Кайту» следовало на всех парах уходить прочь, чтобы не застрять здесь на зиму.

Книга Пири:

С двумя надежно закрепленными метеоритами «Кайт» отправился к мысу Йорк и оттуда – к Сент-Джонсу, Ньюфаундленд... Необычное количество железа до такой степени влияло на наши компасы, что любая туманная или штормовая погода вынуждала нас часть времени полагаться только на навигационное исчисление, иначе удержать курс было невозможно.

«Палатка», 1896 год

В четвертый раз Пири отправился в Гренландию, и теперь только с одной целью – забрать исполинский метеорит. Фитцхью Грин пишет: «Именно за эту единственную идею Пири... цеплялся, как утопающий хватается за маленький обломок в вихре своей схватки со смертью. Пири не только находился в отчаянии, но и голые факты его положения были просто убийственными... Он миновал пик своей физической формы... Страшное напряжение борьбы на ледяном куполе растянуло некие незримые нити его тела за пределы их упругости».

Книга Пири:

Полный решимости завладеть этим гигантом, я зафрахтовал в июле 1896 года более крупное судно «Хоуп»⁵⁵ регистровой вместимостью 307 тонн, с более мощным оборудованием...

Еще до того, как мы подошли к природному причалу буквально рядом с метеоритом, его темно-бронзовый гребень был виден на вершине уступа, выглядывающего из развалин прошлогодних раскопок...

Вся моя армия эскимосов с лопатами и кирками сразу же приступила к работе, расчищая пространство около метеорита, и к ужасу бурый монстр выступил во всей своей необъятности в длину и ширину, хотя еще нельзя было определить его высоту. С этого времени работа возле метеорита кипела круглосуточно на протяжении 10 дней. Капитан с экипажем стояли на дневной вахте, а мы с Хенсоном, Ли и моими эскимосами несли вахту ночью.

Первое, что нужно было сделать, – это вынуть небесного гостя из его замерзшего векового ложа. Когда, повинувшись непреодолимой силе гидравлических домкратов, он начал медленно, дюйм за дюймом, подниматься, постепенно показывая свои массивные бока, он завладевал нами, как завладевает наблюдателем Ниагара. Мы все были под огромным впечатлением от невообразимых размеров этой горы металла. Эскимосы реагировали на Савиксу... тихо, но серьезно. И оно, и способное приподнять его с ложа другое «великое железо» – домкраты – внушали им поистине благоговейный страх.

«Палатку» от склона, по которому метеорит можно было просто скатить, отделяло расстояние всего в несколько ярдов. На этом участке Пири соорудил некое подобие железнодорожного полотна: на грунт положили шпалы – тяжелые бревна, затем стальные рельсы и поверх снова бревна, на которые и затащили адски тяжелую штуковину. Лейтенант делает примечание: при работе один 60-тонный домкрат сломался.

Книга Пири:

После того как метеорит оказался внизу склона, он снова был поднят на рельсы с бревнами и его медленно и с трудом потащили к причалу.

Никогда у меня не было такого ясного и наглядного представления о необыкновенном величии силы гравитации и значении понятий «импульс» и «инерция», как при транспортировке этой железной горы. Никакие механизмы или приспособления, которые мы могли бы применить к метеориту помимо домкратов, не производили на него ни малейшего впечатления. Когда его медленно, блокируя домкратами, опустили на тяжелые бревна, он, оседая, непреодолимо врезался в дерево и, казалось,

⁵⁵ Норе – надежда (англ.).

никогда не остановится. Древесина скрипела и стонала всеми фибрами, а непосредственно в месте давления ее структура была полностью разрушена и превратилась в беспорядочную массу волокон... Природное дьявольское коварство неодушевленных объектов никогда не было настолько поразительно проиллюстрировано, как в случае этого монстра. Если бы вопрос о его форме был предметом исследования небесного кузнеца на протяжении недель, то я сомневаюсь, что была бы изобретена более неудачная конфигурация для транспортировки любым способом, будь то качение, скольжение или перенос.

Захватить его также было крайне трудно. Плавность ноздреватых углублений на поверхности оставляла только несколько мест, где можно было поставить домкрат. Но даже когда удавалось захватить метеорит, плотность металла в сочетании с чрезмерным давлением и меняющимся по мере движения углом контакта головки домкрата и поверхности метеорита требовали, чтобы в непосредственной близости от машины в постоянной готовности находились клинья и блок. Такая страховка нужна была на случай, если бы у домкрата отлетела головка... чтобы метеорит не обрушился назад.

Еще два 30-тонных домкрата вышли из строя. Остался один 100-тонный, большой и громоздкий, и продвижение было крайне медленным. Погода испортилась.

...стало значительно холоднее, и начал образовываться молодой лед, толщина которого быстро росла. Падение температуры подействовало на флотилию айсбергов, стоящих в заливе Мелвилл, поразительным образом. На протяжении одной искрящейся ночи рев и грохот их конвульсий был практически непрерывным, и огромные волны, вызванные их оседанием, подбрасывали «Хоуп» и заставляли ее раскачиваться на швартовах... Ясная и холодная погода сменилась несколькими сутками тумана и снега, вслед за которыми начался юго-восточный ветер...

Ухудшение погоды, туман, шторм, укорачивающиеся осенние дни вынудили Пири прекратить работы. Он описывает последнюю ночь пребывания на острове:

Дикий шторм несся из глубин залива Мелвилл, завывая в такелаже корабля, и гнал снег в горизонтальном направлении. Белые склоны холма, по которым был спущен метеорит, в темноте казались грязно-серыми, огонь, вокруг которого виднелись силуэты эскимосов в мехах, распространял свой яркий, красный свет на небольшое расстояние; немного сбоку, сквозь кожаную стену отшельнической палатки, пробивался тусклый свет. Мой собственный маленький отряд трудился возле метеорита, и на переднем плане выступало главное действующее лицо, *raison d'être*⁵⁶ всего этого, Савиксу, «Железная гора», возвышаясь над человеческими фигурами, черная и непреклонная. В то время как все вокруг утопало в снегу, Савиксу оставалось нетронутым. Большие снежные хлопья исчезали, прикасаясь к нему, и это производило неизгладимое впечатление. Гигант словно говорил: «Я далек от всего этого, я рожден небесами и все еще несу в сердце тепло тех давних времен, когда я не был заброшен в эту замерзшую пустыню». Иллюзию, что метеорит до сих пор хранит отблески небесного огня и тех чувств, усиливали целые фонтаны мерцающих искр, которые зажигались во мраке, когда сани, с

⁵⁶ Смысл существования (фр.).

трудом направляемые в темноте... случайно ударили по нему, и глубокий звук, похожий на колокольный звон, полярный набат или на разъяренно-страдальческий крик погибшей души, был ответом на удар.

Все это время... мои эскимосские помощники честно и с довольным видом работали, отсытаясь между палубами, когда могли найти время для этого. Они всячески помогали и ни разу не высказывали ни малейшего возражения против того, что я забираю их небесного гостя. На самом деле они казались практически такими же расстроенными, как и я, когда лед, набивающийся в залив, вынудил меня отказаться от приза до следующего раза.

«Палатка», 1897 год

12 января 1897 года Американское географическое общество наградило Роберта Пири только что учрежденной медалью Каллома⁵⁷ – «За исследования, проведенные в Северной Гренландии». На заседании Пири огласил свой план достижения Северного полюса, считая его «не просто *самым* практичным, а *единственным*». В Северной Гренландии он создаст базу, и все дальнейшие операции займут 5 лет. Стоимость проекта – 150 000 долларов. Комитет, созданный для изучения плана Пири, рекомендовал Обществу выделить средства.

Но прежде всего лейтенанту нужно было добиться пятилетнего отпуска. Просьбы главного союзника Чарльза Дэйли, президента Американского географического общества, и других научных и деловых тузов о длительном отпуске не увенчались успехом. Полярный исследователь получил назначение на военно-морскую базу Мар-Айленд в Калифорнии, однако его выручил знаменитый кадровый республиканец округа Нью-Йорк Чарльз Мур, который обратился непосредственно к президенту Мак-Кинли. Книга Фитцхью Грина:

«Мистер Мур ничего не знал о полярном море, но что-то в Пири подкупило его боевую натуру. Он выслушал историю Пири и поинтересовался:

“На какое время вам нужен отпуск?”

“На пять лет”, – быстро ответил Пири.

“Хорошо. Я сделаю это для вас”, – прозвучал поразительный ответ.

Господин Мур лично отправился к военно-морскому министру. “Вы сделаете мне одолжение?” – спросил он. Министр был бесконечно рад возможности отблагодарить человека, который так много сделал для того, чтобы республиканцы пришли к власти. Но когда он услышал, что объект покровительства – Пири, лицо его вспыхнуло румянцем и он воскликнул: “Мур, все что угодно, но только не это!”

“Что ж, – невозмутимо возразил политик, – в таком случае я попрошу президента приказать вам сделать то, что я хочу”...

Господин Мур перешел улицу, и не прошло и часа, как он уединился с президентом... “Помнишь, мистер Мак-Кинли, как ты сказал мне, чтобы я пришел к тебе, если мне когда-нибудь что-нибудь понадобится?”

“Помню”, – смело подтвердил президент... Мур ни разу не требовал вознаграждений, и президент приготовился выслушать просьбу большой важности. “Я хочу, чтобы лейтенанту Пири из военно-морских сил был дан отпуск на 5 лет для того, чтобы он смог продолжить свое великое дело на Севере”.

Президент откинулся в кресле. Улыбка облегчения заиграла на его добром лице. “И это все, Мур? – тихо засмеялся он. – Конечно, я сделаю это”. Он послал за секретарем и продиктовал распоряжение в Министерство военно-морских сил...

Извещение об отпуске на 5 лет пришло к лейтенанту Пири спустя 48 часов”.

26 мая 1897 года Пири освободили от службы. Теперь он стал, можно сказать, государственным путешественником – партийный босс от республиканской партии и президент США направили его на Северный полюс.

⁵⁷ Генерал Джордж Каллом – вице-президент Американского географического общества с 1872-го по 1892 год.

«Хоуп» возле острова Метеоритный, 17 августа 1897 года

В этот год Пири доставил-таки в Соединенные Штаты третий необыкновенный метеорит, тот, что оставался на острове, получившем название «Метеоритный», фактически на берегу. Еще он привез в Нью-Йорк шесть инуитов: двух мужчин, женщину, двух мальчиков и девочку, о чем пойдет речь в следующей главе.

Книга Пири:

Прибыв на мыс Йорк 12 августа, мы увидели, что ледовая обстановка в заливе Мелвилл благоприятна для того, чтобы немедленно подойти к метеориту...

Мои десять дней работы с Савиксу в 1896 году позволили досконально познакомиться с его особенностями и своеобразием и дали полное представление о его весе, неуступчивой форме и о его почти непреодолимой инерции.

Однако с полной уверенностью я считал, что то оборудование, которое я привез с собой [в этот раз]: мощные гидравлические домкраты, внушительные дубовые бревна (лучшие из тех, что можно было купить), тяжелые стальные рельсы, болты, цепи и инструменты различных типов, все – самого лучшего качества, даст мне возможность доставить метеорит без происшествий на борт при условии, что враждебные арктические льды позволят мне подойти к нему близко...

[В этом году] было гораздо меньше открытой воды, айсбергов же в два раза больше, чем в прошлом, но, к моему большому облегчению, пробив путь через два или три ледяных барьера и после того, как корабль два раза сел на мель, из-за того что его толкали к берегу льды, «Хоуп» была принесена точно к естественному скальному причалу – туда, где я оставил метеорит год назад.

Несмотря на эту удачу, положение корабля и окружающая обстановка были такими, что могли бы вызвать беспокойство в душе даже у человека, который имел арктический опыт; что касается новичка – то они просто приводили в ужас... Полоса открытой воды, по которой мы ползли около

берега, по ширине была чуть больше длины корабля, и ее уже покрыл слой молодого льда, а за ее пределами простирался неописуемый лабиринт из айсбергов, через которые даже наметанный взгляд не мог найти никакого прохода. В добавление к этой мрачной картине и психологическому напряжению многих членов команды мы шли... в сильную метель, покрывшую спустя 12 часов наш мирок снегом высотой в фут и образовавшую на поверхности воды плотное покрывало из месива снега и льда, которое после 48 часов сильного холода превратилось в непробиваемые оковы для «Хоуп». Тот, кто здесь не был, не сможет представить себе дикость и враждебность этой сцены. Были все основания поверить, что арктическая зима уже наступила.

К счастью, естественный рельеф берега в том месте, где лежал метеорит, оказался уникально благоприятным, чтобы перенести его на борт корабля, и прошлым летом я оставил эту огромную глыбу близко к краю естественного скального причала при достаточной глубине воды около него – корабль мог подойти к берегу на расстояние в 18 футов.

Я предложил соорудить прочный мост от берега и через корабль. На него положить самые тяжелые стальные рельсы и после того, как мы поместим метеорит на массивную вагонетку, поставленную на рельсы, катить эту огромную глыбу по мосту до тех пор, пока она не окажется прямо над главным люком, затем разобрать мост и опустить метеорит с помощью моих гидравлических домкратов через люк в трюм.

Если одной из опор моста была земная твердь, то другой – борт судна, находящегося на плаву и потому зависящего от волнения на море, от приливной волны и, наконец, от того, в какой части моста будет находиться груз, ибо, приближаясь к судну, он будет утапливать его. Так что, как понимает автор, важной технической задачей Пири была подготовка судна, и тут участники операции сделали многое. Они перераспределили запасы угля, утяжелили нос и корму многотонными дубовыми бревнами; на палубе почти всюду из таких же бревен выложили пол, а все пространство в центре заполнили крупным и тяжелым балластом. Эти меры увеличивали устойчивость судна и нивелировали последствия удара в том случае, если метеорит упадет.

Несущей опорой моста стали два дубовых бревна длиной 60 футов, весом по 3 тонны. Люди были расставлены, каждый шаг спланирован, и тут чуть было не случилось несчастье.

Книга Пири:

...Огромный айсберг в лабиринте, в стороне от нас, разрушился на куски, послав ряд огромных волн на берег. На этих волнах «Хоуп» плясала и крутилась, как поплавок, норовисто дергаясь на швартовах и заставляя меня дико волноваться в течение нескольких минут, казавшихся часами. Я знал, что если один из линий порвется, то огромные бревна, одним концом все еще опирающиеся на вздымающуюся палубу, сработают как сильнейшие рычаги, которые вырвут блоки из-под метеорита и позволят ему рухнуть с края причала в воду. С огромным облегчением я увидел, как волны постепенно утихают, и все же это происшествие держало меня в страхе в течение следующих двух суток, пока метеорит не был надежно водружен на свою тележку и не навалился всем весом на конец моста, находившийся на берегу.

Массивная тележка, скрепленная, как и мост, тяжелыми нарезными болтами и защищенная снизу стальными пластинами, была поднята на рельсы и подогнана к метеориту. Железную гору водрузили на транспортное средство, а затем с помощью дубовых клиньев и цепей метеорит и тележка были неразлучно спаяны.

Теперь следовало расположить судно настолько точно, настолько филигранно, чтобы, как пишет руководитель, метеорит оказался в нужном месте «с точностью до дюйма».

За счет тщательного манипулирования тросами якорей, а также швартовками, которые крепко соединяли корму и нос корабля со скалами на берегу, положение «Хоуп» было скрипучежно выверено. Конец моста, находящийся на корабле, стропами прикрепили к рым-болтам на палубе и внизу на правом борту, затем тросы и швартовки все были туго натянуты и аккуратно закреплены.

На «земной» конец моста, позади тележки, был положен 15-тонный противовес. Самый тяжелый корабельный такелаж был привязан к тележке, и конец его прикреплен к барабану паровой лебедки. Гидравлические домкраты были пристроены за тележкой.

Сейчас оставалось только... смазать рельсы густой смесью из жира и мыла, дожидаться нужной фазы прилива, стронуть с места огромную глыбу домкратами и затащить ее на борт лебедками, если они смогут удержать ее, а если нет, то домкратить ее все расстояние...

Наконец пришло время прилива, и миссис Пири и капитан Бартлетт⁵⁸, будучи у рычагов домкратов, запустили подъем монстра, покрытого государственным флагом США, к кораблю, а в это время ребенок⁵⁹ разбил о метеорит маленькую бутылку вина и назвал его «Анигито». Затем домкраты, управляемые из машинного отделения, стали непрерывно толкать его к краю причала...

...Лебедка начала работать, установив нужное натяжение тяжелых талей, и огромный монстр рывками вполз на мост.

Водружение метеорита «Анигито» на борт

В этот момент все эскимосы сошли с корабля по кормовому трапу на берег. Со всей своей верой в меня и благоговением перед размерами и мощностью

⁵⁸ Джон Бартлетт – капитан «Хоуп».

⁵⁹ Четырехлетняя дочь Пири.

корабля, который, как они неоднократно видели, пробивал себе дорогу сквозь паковый лед и даже разбивал на куски айсберги, встающие на пути, они не могли побороть суеверный страх, что громадный вес «небесного камня» раздавит омиаксоа⁶⁰ (корабль), и они предпочли проститься с ним с берега.

Когда метеорит оказался на середине моста, мастер своего дела мог бы сыграть торжественный марш на туго натянутых нитях стальных тросов, как на струнах скрипки. Когда метеорит достиг леерного ограждения, «Хоуп» начала крениться, но не сильно, и люди, стоящие у швартовых, натягивали каждый дюйм троса, когда он ослабевал.

Через час после начала всей операции я остановил жестом работу лебедки – метеорит был точно над главным люком. Троекратное ура прокричали все, кто находился на корабле и берегу, и славный флаг США, а также корабельные флаги взлетели, развеваясь на мачте.

...«Хоуп» накренилась в сторону берега, и у моста образовался явно выраженный угол наклона. Теперь следовало убрать мост. Для этого все было уже подготовлено.

Пири заканчивает рассказ:

Сейчас 6 часов вечера, пятница, 20 августа. Мы занимались работой с метеоритом пять суток, трудясь целый день и большую часть ночи, и в течение всего этого времени начиная с момента, как «Хоуп» подошла к метеориту во время ослепляющего шторма, туман и метель непрерывно чередовались. Это не только серьезно замедлило работу, но и угнетающе действовало на людей, особенно на суеверных матросов; некоторые были со мной в прошлом году и называли это нормальной метеоритной погодой. Они утверждали, что бурый монстр приносит несчастья, что я никогда не смогу доставить его на борт, а если и сумею, то никогда не довезу до дома, так как он определенно потянет корабль на дно. Эти же люди имели привычку ежедневно смотреть через леера на лабиринт из айсбергов вокруг нас и на постоянно образующийся молодой лед и предсказывали, что если даже метеорит не раздавит корабль при подъеме на борт, то мы определенно замерзнем в лед и останемся здесь зимовать.

Без сомнения, в этих условиях я мог почти простить им ассоциации сверхъестественных явлений с метеоритом, ведь странный, но действительный и непреувеличенный факт состоял в том, что пока огромная масса медленно ползла по мосту и через корабельные леера, лоскуты голубого неба появились у нас над головой, а когда наконец метеорит был надежно закреплен над главным люком и когда последняя связь с берегом была разорвана, горизонтальные лучи низкого полуночного солнца вырвались из-за утесов... упали на метеорит, изменив его цвет на расплавленную бронзу, осветили бесчисленные айсберги к востоку от нас и залили зазубренные черные пики и плавные ледниковые купола... неописуемыми розовыми и желтыми красками.

Автору хорошо знакомы такие чувства. Человек, сделав что-то, по его мнению, важное, правильное, достойное, богоугодное, ищет подтверждения своим ощущениям и прежде всего находит их в окружающем мире: шел дождь – он прекратился, ревела буря – стихия утихла. В

---

⁶⁰ Oomiaksoah.

этом нескончаемом ряду противопоставлений проблески синего неба и появление солнца на хмуром небе – самые верные товарищи твоей правоты.

Лет 20 назад на севере Якутии, в устье реки Оленёк, автор руководил полярной археологической экспедицией. Целью исследований была могила-легенда лейтенанта Василия Прончищева, командира Ленско-Енисейского отряда Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, и жены Василия – Татьяны Прончищевой, первой русской арктической путешественницы. Могилу вскрыли, останки первопроходцев исследовали. Ученые определили причину смерти лейтенанта Прончищева, с черепов были сняты слепки, чтобы восстановить портреты этих русских героев первой половины XVIII века. Епископ Ленский и Якутский Герман прочел молитву, и первые горстки земли были брошены на плащаницу, покрывавшую останки Василия и Татьяны. И тут небо, все время темное и пасмурное, просветлело на западе, возникли синие полосы, прогалины, и в одной из них блеснуло солнце, которое казалось небольшим, но было ярким и лучистым. Все обратили на это внимание.

«Хоуп», словно ледокол, пробивала барьер из айсбергов. Все тревожились, не сместится ли «Анигито» в результате сокрушительных лобовых ударов корабля, ломающего лед, но все обошлось. Пири пишет:

Мои эскимосские чернорабочие. Подпись из книги Р. Пири

...на мысе Йорк... я отправил своих верных эскимосов на берег в сопровождении нескольких бочонков с галетами и груза из ружей, ножей, патронов и других многочисленных предметов, которые я привез, чтобы вознаградить их за преданную службу.

Слова «несколько бочонков с галетами» мгновенно вызывают у автора большую ассоциацию. Вот живописная картина не расставания Пири с его «верными эскимосами», а, наоборот, встречи с ними, описанная в книге всемирно известного французского этнолога и писателя Жана Малори «Последние короли Туле»⁶¹: «Даже несмотря на то, что Пири был уже мертв, он внушал эскимосам почти такой же страх, как в былые времена. Однажды вечером, в августе 1967 года, в Сиорапалуке старый эскимос пришел поговорить со мной о Пири. Он до сих пор настолько боялся этого американца – эскимос обычно называл его “великим мучителем”, – что

⁶¹ Malaurie J. Les derniers rois de Thulé. Paris, 1965. В 1973 году книга вышла в Москве на русском языке с сокращениями. Эпизода, приведенного ниже, в ней нет.

перед тем, как приступить к своим воспоминаниям, он вышел из хижины, чтобы убедиться, что никого нет вокруг. Кто знает? Может быть, дух Пири бродит где-то рядом. Я никогда не видел, чтобы этот человек был настолько взволнован. “Пиулиссуак⁶²?.. Люди боялись его... действительно боялись... как я сегодня вечером... Его большой корабль... – он произвел большое впечатление на нас. Он был настоящим командиром. Ты всегда чувствовал, что, если ты не сделаешь того, что он хочет, он осудит тебя на смерть. ...Я был очень молод, но никогда не забуду, как он обращался с инуитами. Это было в Уманаке [Туле] в июле 1908 года... Его большой корабль вошел в залив. Пири был едва заметен с берега, но он кричал: ‘Кисса Тикери-Унга!’⁶³ – ‘Я добьюсь своего непременно!’ – Инуиты поднялись на борт. У Пири был бочонок с галетами, который принесли на палубу. Два или три охотника, которые подошли к кораблю на каяках, склонились над бочонком и стали есть двумя руками. Позднее бочонок снесли на сушу, и содержимое было высыпано на берег. Мужчины, женщины, дети набросились на галеты, как собаки, что очень позабавило Пири. Мое сердце до сих пор холодеет, когда я вспоминаю об этом. Этот эпизод очень хорошо говорит о том, как он относился к этому народу – моему народу, – который, несмотря на все это, был предан ему”. Пири считал инуитов “первобытными”».

Лейтенант посетил историческое место – мыс Сабин, где, как он рассказывает:

Стал первым, кто вошел в дом Грили после спасения в 1883 году оставшихся в живых членов этой злополучной экспедиции... (выделено мной. – Д. Ш.).

(Имя генерала Адольфа Грили, выдающегося американца и великого героя всемирной арктической летописи, как мы увидим, было постоянным и чрезвычайным раздражителем для Роберта Пири. О Грили поговорим позже.)

Пири пишет:

В субботу, 2 октября 1897 года, 100-тонный плавучий кран верфи Нью-Йорка... поднял гиганта с «Хоуп» и поместил его на причальную стенку⁶⁴... Три года упорных усилий победили. Великий Звездный Камень Севера... был благополучно вывезен сквозь лед, штормы и мглу арктических морей.

Пири благодарит капитана Джона Бартлетта, Эмиля Дибича, коллег, команду, местных друзей:

Которые, вручную управляясь с тяжелыми рельсами и бревнами, работая киркой, лопатой и ломом и качая домкраты, сделали все возможное, чтобы передать мне во владение «Железную гору» своих предков.

---

⁶² Piulissuaq.

⁶³ “Kissa Tikeri-Unga”.

⁶⁴ Метеорит оставался на Бруклинской военной верфи до 1906 года, когда с большой помпой на 28 лошадях был привезен в музей.

Перемещение метеорита на причальную стенку верфи Нью-Йорка

Автору книги эта метеоритная история, имеющая, конечно, планетарное значение, кажется очень интересной. И вот еще несколько, так сказать, научных подробностей и любопытных размышлений лейтенанта.

Книга Пири:

Поверхность всех метеоритов темно-коричневая, с зеленоватыми вкраплениями, и напоминает бронзу. На первый взгляд металл кажется одинаковым – плотным, прочным, волокнистым мягким железом... с серебристым блеском и звучным, как колокол. Однородность металла поразительна. Вероятно, во всей массе каждого метеорита едва ли найдется хотя бы одна посторонняя частица. Металл можно разрезать ножом, и если его поскоблить напильником, виден яркий серебристый блеск... Анализ показывает типичный метеоритный никелево-стальной сплав, приблизительный состав которого 92 % железа и 8 % никеля. Несмотря на то

что три метеорита внешне похожи, я убежден, что есть ярко выраженное различие: «женщина» имеет самый мягкий металл. Мнение туземцев на этот счет неизменно, и их слова подкрепляются огромным количеством сломанных базальтовых камней, окружающих «женщину», в то время как около «собаки» разбросано не более двух десятков таких обломков, и их совсем не обнаружено возле «Анигито»...

...анализы установили то, в чем я лично был убежден с самого начала, – что эти три глыбы были фрагментами одного первичного образования. Различие в прочности, на котором настаивают эскимосы, – это, вероятно, результат... вызванный различием показателей массы и, как следствие, разницей температур, когда в конце падения метеориты погрузились в снег и лед...

Тот факт, что «женщина» и «собака» не были погружены в землю и что не было следов разбитых скальных пород под ними и абразии или вдавления нижней поверхности самих метеоритов, что должно было бы сопровождать их падение непосредственно на землю, дает основание предположить, что поначалу они обрушились на поверхность огромного ледяного щита и, по мере его отступания, постепенно оказались в том положении, в котором были найдены.

С другой стороны, один из мощных снежных наносов, которые образуются на этом побережье даже в самые обычные зимы, мог принять метеориты и смягчить силу удара при их падении, а высокая температура масс вызвала их постепенное опускание и окончательное расположение на подстилающей скальной породе.

Само существование у эскимосов легенды относительно этих метеоритов заставляет верить, что их пришествие произошло уже после того, как здесь поселились люди, иначе как бы у этих невежественных дикарей могла возникнуть мысль о небесном происхождении метеоритов? Почему эти бурые глыбы не были для них просто виаксу⁶⁵ (скалами)?..

И потом, то, что мне кажется самым удивительным, – как могли эти убогие аборигены открыть свойства материала, составляющего эти глыбы, и то, как можно его использовать?..

...Я склоняюсь к мысли, что эти маленькие темные кудесники севера некогда в течение прошлых столетий изучили в лаборатории здравого смысла и практического опыта каждый камень... и придумали, как эти свойства можно использовать в повседневной жизни.

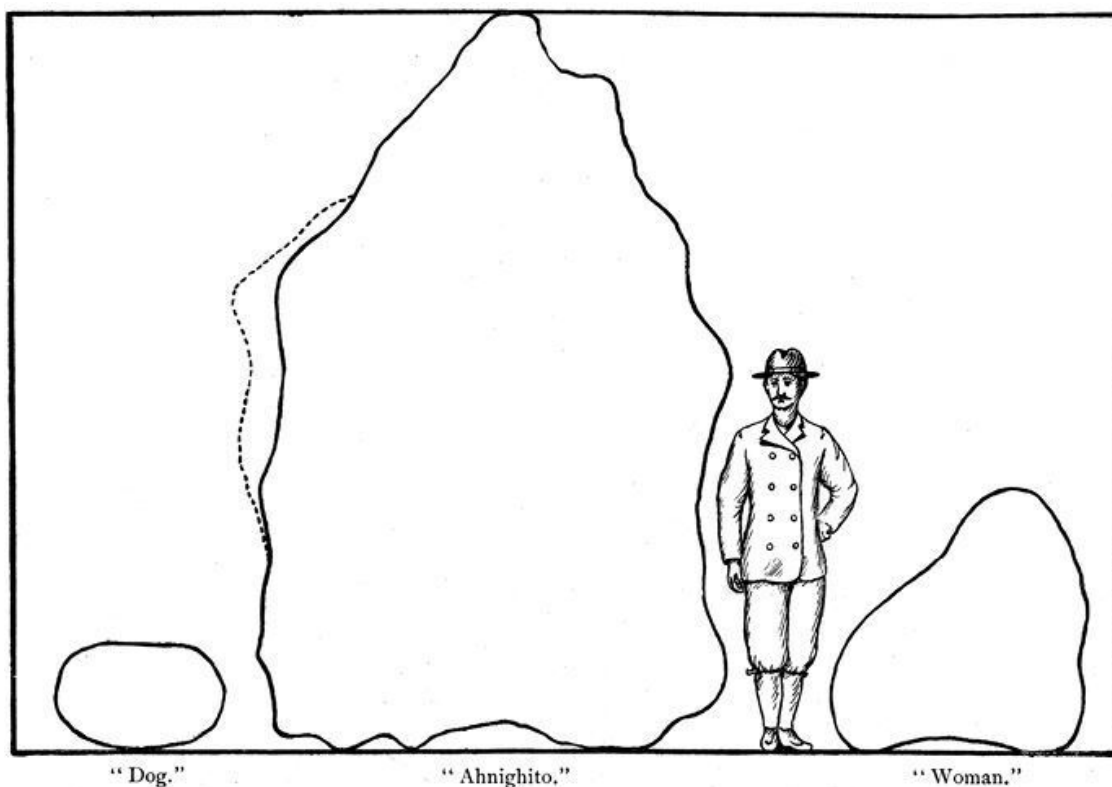
Вся эта сцена с маленькими детьми ледяных полей, одетыми в меха и использующими в течение столетий сплав, изобретенный на небесах (никелевая сталь), который имеет практически такой же состав, как и броневые листы из никелевой стали, защищающие сегодня наши линкоры, является для меня одной из самых поразительных в анналах арктических исследований.

Метеориты как свою собственность Пири подарил жене, и она уже демонстрировала их в музее Джесупа. «Женщину» и «Анигито» разместить в выставочном зале было непросто – пришлось изготовить специальные опоры, проходящие через пол и вбитые в скальную породу под зданием.

---

⁶⁵ Weeaksue.

Переговоры о покупке «небесных камней» шли с 1897 года, но в январе 1908 года Джесуп умер. Британский путешественник Уолли Херберт в книге «Петля из лавра. Роберт Пири и гонка к Северному полюсу» приводит письмо Джозефины Пири новому президенту музея Генри Осборну: «Я думаю, справедливости ради следует констатировать, что метеориты – моя собственность, и деньги, полученные за них, не будут израсходованы на исследования в Арктике. Это все, чем я располагаю, чтобы дать образование моим детям, если что-нибудь случится с моим мужем. Мистер Джесуп знал об этом, и он полностью одобрял мой план хранить вырученную сумму как средства, отложенные на черный день».

Рисунок, показывающий размеры «Савиксу» в сравнении с мужчиной ростом 6 футов. Подпись из книги Р. Пири

Наконец выплата состоялась. Газета New York Times 4 февраля 1910 года сообщила, что вдова Морриса Джесупа купила у миссис Пири метеориты и пожертвовала их музею.

Интересно проследить более чем вековую историю «небесных камней» уже в стенах Американского музея естественной истории. Подобная хроника дана в статье Патриции Хантингтон «Роберт Пири и метеориты мыса Йорк», напечатанной в 2002 году в журнале Polar Geography. В заключительных абзацах автор подытоживает: «Кажется, что теперь, когда стали расти сомнения относительно заявления Пири о достижении Северного полюса, Американский музей естественной истории стремится дистанцироваться от Пири... При посещении... музея в наши дни можно заглянуть на выставку Линкольна Элсуорта⁶⁶ и увидеть чашку с «Фрама» Нансена, фотографию Амундсена и сани Элсуорта. Но единственное упоминание о Пири в этом музее в наши дни можно найти на подписях под метеоритами – говорится о его выдающейся инженерной изобретательности при их перевозке из Северной Гренландии. Ука-

⁶⁶ Американский бизнесмен и полярный исследователь. В 1926 году вместе с Амундсеном совершил перелет на дирижабле Norge от Шпицбергена через Северный полюс до Аляски.

зана также сумма, выплаченная за них, – 40 000 долларов⁶⁷. “Палатка” остается самым большим метеоритом, который “находится в неволе”⁶⁸...

Возможно, что, исключив... тему связи Пири с эскимосами, Американский музей естественной истории и общественность смогут посмотреть на инуитов в новом свете – не как на детей или дикарей, а как на людей, которые выживали в очень суровых условиях и делились своими знаниями с теми исследователями, которые были готовы уважать их мудрость».

---

⁶⁷ Более 1 млн долл. на сегодняшний день.

⁶⁸ Первый по величине из известных метеоритов найден в Намибии, Юго-Западная Африка. Сохраняется на месте падения.

Глава 6. «Они вернулись домой»

Антрополог Американского музея естественной истории Франц Боас просил Пири: «... если вы сможете привезти эскимоса средних лет, с тем чтобы он остался здесь [в Нью-Йорке] на зиму, это позволит нам без спешки получить определенную информацию, имеющую величайшее научное значение».

Лейтенант выполнил просьбу и вместе с вселенским метеоритом доставил в Америку не одного, а шестерых инуитов: мальчика Миника, шести или семи лет, его отца Кессу, молодого человека Уисаакассака и семью – Нукту, его жену Атангану и их дочь, 12-летнюю Авиак⁶⁹. На борту «Хоуп», когда она пришла в Нью-Йорк, была устроена плавучая выставка: за 25 центов каждый желающий, а их за два дня набралось 30 000, мог поглядеть и на могучий метеорит, и на полярных жителей.

Затем северных гостей разместили в подвале музея, где они в самом скором времени заболели. Доверенное лицо Морриса Джесупа – Уильям Уоллес, старший смотритель строений музея, был назначен попечителем несчастных. С октября по февраль инуиты жили то в его доме, то в музее, то лежали в госпитале. В феврале 1898 года Кессу скончался, и Миник остался сиротой.

В марте умерла Атангана, в мае – Нукта, вскоре ушла из жизни и девочка Авиак. Уисаакассак летом был отправлен в Гренландию. Что касается Миника, то жена Морриса Джесупа предложила провести социальный эксперимент – посмотреть, как образование преобразит маленького дикаря, и его оставили в США. Уильям Уоллес и его жена Ретта, имея собственного одиннадцатилетнего сына Вилли, усыновили мальчика. Все любили его, а Джесуп, искренне желая ему добра, настоял на том, чтобы нового американца назвали Миник Пири Уоллес.

О судьбе новоиспеченного американца написана великолепная книга «Отдайте мне тело моего отца – Жизнь Миника, нью-йоркского эскимоса». Автор – Кенн Харпер, проживший многие годы в Арктике. «В 1986 году [книга]... получила враждебный отклик со стороны Музея естественной истории, настроенного хранить эти печальные события в тайне». В течение многих лет книгу было непросто купить – заказы на нее принимали лишь несколько магазинов в Канаде, но в 2000 году она была переиздана и стала доступной. Кроме того, существует статья Харпера «Дело Миника – роль Американского музея естественной истории» в журнале *Polar Geography* за январь – март 2002 года. Кстати, в том же номере размещено исследование Патриции Хантингтон о метеоритах мыса Йорк, цитируемое нами в предыдущей главе. Обе работы охватывают более века, и тональность их схожа: и Харперу, и Хантингтон удалось показать те изменения, которые происходят в культуре. Восторгов от деятельности Пири давно не слышно. Но если Хантингтон говорит об этом сдержанно, то Харпер обрушивает на Пири жестокую критику. Одна из глав его статьи называется «Мошеничество». Вот несколько строк из нее.

«Роберт Пири вел прибыльный бизнес, связанный с арктическими мехами и бивнями нарвалов и моржей, которые он получал в торговле с инуитами. Он нанял агента по продажам в США, но прикрытием для ввоза в страну большей части товаров служили Арктический клуб Пири и Американский музей естественной истории. Моррис Джесуп был президентом этих двух организаций.

Пири изрядно усердствовал, чтобы упрочить свою репутацию благодетеля музея. Большая часть его усилий была направлена на то, чтобы скрыть разработанный обходной путь,

---

⁶⁹ Minik, Kessuh, Uisaakassak, Nooktah, Atangana, Aviaq. Имена инуитов в разных источниках звучат по-разному. В данном случае имена Кессу и Нукта даны по книге Р. Пири *Northward over the 'Great Ice'*, остальные четыре – по книге К. Харпера, о которой пойдет речь в этой главе.

доставляя товар под видом подарков для музея, хотя в то же самое время подальше от глаз общественности... ему щедро платили за его “подарки”».

Харпер приводит не одно доказательство своих обвинений, в частности, рассказывает: «Торговому агенту удавалось оставаться анонимным, хотя он и был высокопоставленным лицом и состоял в родстве по супружеской линии с контр-адмиралом Колби Честером... руководившим в 1909 году якобы беспристрастным подкомитетом из трех человек, который был назначен Национальным географическим обществом, чтобы установить, дошел ли Пири до Северного полюса»⁷⁰.

Харпер продолжает: «...Пири извлек выгоду из продажи не только образцов животных, но и людей. В 1896 году он достал из могил черепа и тела инуитов, умерших во время эпидемии предыдущей зимой, и привез их останки в Нью-Йорк. Записи музея показывают, что Пири не пожертвовал эти образцы... музей купил у него 3 скелета (мужчины, женщины и ребенка), 3 черепа и 1 свод черепа»⁷¹.

Приличный доход приносил торговцам обмен с аборигенами не только Северной Гренландии, но и Арктической Канады, Аляски, Русского Заполярья. Этот не совсем честный бизнес вряд ли стоит называть мошенничеством. Но Харпер возмущается не самим фактом торговли, а ее скрытыми путями. К тому же взаимовыгодный обмен с местным населением – дело все-таки не полярных исследователей. Трудно представить себе, что норвежцы Нансен или Амундсен, швед Норденшюльд, итальянец герцог Абрुццкий, русские – адмирал Фердинанд Врангель или барон Эдуард Толль – занялись бы подобным обогащением.

Наверное, правильнее в этой главе сказать о другом – о неприкрытом, неприличном лицемерии Пири и его уродливой бесчеловечности. Уродливой, ибо она постоянно сопровождалась все тем же лицемерием и к тому же сентиментальностью. Привезя шесть инуитов в Штаты, он, как пишет Харпер, умыл руки. Люди, словно рабы, были проданы и бывшего хозяина больше не интересовали. Но продавец делает вид, что переживает:

Когда я работаю над этой рукописью, у меня перед глазами предстают мои эскимосы... Из памяти всплывает много знакомых лиц.

Пири перечисляет человек пятнадцать, и среди них:

Нукта – мой верный охотник и погонщик собак... Кессу, он же Насмешник, – охотник на моржей...

Это их счастье, что они, не имея никакой собственности, не возбуждают жадность европейца; там, где они обитают, никто, кроме них, не сможет обеспечить себя средствами к существованию; и их, вероятно, оставляют в покое в том краю, который был назначен им Творцом, не смущая понятиями белых о Боге, праве и нравственности, и не заражая пороками и болезнями...

Монолог звучит кощунственно, ибо по милости Пири Нукта вместе с женой и дочерью давно умерли в застенках музея, и Кессу, оставив Миника сиротой, тоже покинул бранный мир. Для Пири инуиты – расходный материал. Вот его низкие откровения:

Меня часто спрашивали – какую пользу эскимосы приносят миру? Они слишком далеко, чтобы представлять какую-то ценность для коммерческих предприятий, более того, у них отсутствуют амбиции. У них нет литературы, нет, строго говоря, никакого искусства. Они ценят жизнь так же, как лиса или медведь, – исключительно на основании инстинкта. Но

---

⁷⁰ Подробнее об адмирале Честере см. в главе 20.

⁷¹ Верхняя часть черепа.

давайте не будем забывать, что эти люди, надежные и выносливые, еще докажут свою ценность для человечества. С их помощью мир откроет полюс.

Миник

В то время, когда другие инуиты умерли, Миник был тяжело болен, но благодаря заботе Уоллесов поправился.

Он посещал школу, любил спорт, особенно футбол; Уоллес купил ему велосипед, мальчик катался на коньках, верхом на пони. Он занял третье место на соревнованиях по плаванию, обожал ловить змей. Миник очень привязался к «тете Ретте» – так он называл свою приемную мать.

В 1898 году Миника привели на похороны отца, устроенные приемными родителями и сотрудниками музея. Но, как выяснилось через несколько лет, обряд был постановочным, фальшивым.

Уоллес в 1909 году рассказал, что произошло: «Этим вечером по приказу некоторые из нас собрались в саду музея... принесли старую колоду, имеющую длину человеческого тела. Ее обернули одеждой, с одной стороны прикрепили маску, и все было готово.

Для фиктивных похорон были выбраны сумерки, поскольку существовало некоторое опасение привлечь слишком много внимания, что могло бы навлечь гибельное расследование. Да и мальчику было гораздо труднее раскрыть хитрость. Участники похоронной процессии знали, что действовать нужно быстро и тихо, так что, когда начали вспыхивать фонари, Мене⁷² привели в сад. Имитацию тела положили на землю, а сверху по эскимосскому обычаю сложили могильный холм из камней...

---

⁷² Мене – вариант имени Миник.

Миник вскоре после прибытия в Нью-Йорк

В то время как Мене стоял, рыдая, люди из музея слонялись вокруг, наблюдая за происходящим. Все сработало правильно. Мальчик ничего не заподозрил...»

Скелеты четырех инуитов стали выставочными экспонатами музея, спорить с этим было бесполезно, что касается имитации похорон, это была, как считал Уоллес, «святая ложь» – во имя спокойствия души Миника.

В 1901 году Уоллеса уличили в преступлениях. То ли он брал взятки со строителей-подрядчиков, чтобы разрешить им работать для музея, то ли присылал строителей на свою ферму, а оплату проводил по счетам музея. Реакция последовала жестокая – Уоллеса уволили, он лишился хорошо налаженного бизнеса, потерял ферму, а затем и престижный дом в Нью-Йорке. Джесуп хотел забрать Миника из семьи Уоллесов и отправить в частную школу...

Книга Харпера: «Разоблачение финансовых дел Уильяма Уоллеса стало страшным шоком для Ретты Уоллес, которая понятия не имела, что ее муж вовлечен в такие аферы, но она поддержала его, и семья не распалась. Что касается Миника, то она считала его частью семьи и не хотела ничего слышать о том, чтобы мальчика забрали. Моррис Джесуп отказался от малейших выплат на содержание мальчика... Уоллес затребовал компенсацию за свое предыдущее попечительство над Минином... но не получил ничего...

...Уоллес настаивал: «Вы предложили мне заботиться о мальчике, так как миссис Джесуп хотела увидеть результаты эксперимента – что цивилизация могла бы сделать для такого ребенка»».

Босс не хотел слышать об этом. Как и Пири, он снял с себя всякую ответственность. К сожалению, «тетя Ретта» в 1904 году тяжело заболела.

«...Он [Миник] отказался ходить в школу и редко покидал свое место у кровати больной. Уильям Уоллес заметил, что этот “бедный мальчуган... обреченный на жизнь, полную слез”, обратился с Реттой Уоллес так же, как Кисук⁷³ обращался с ним самим во время его болезни...

Когда конец стал близок, она “подозвала свою семью и прошептала свои последние слова каждому из них. Затем она повернула голову к Минику и, слабо улыбаясь, сказала: ‘Последний поцелуй тети Ретты – для ее маленького Миника’»».

Впереди было новое потрясение – в 1906 году мальчик узнал, что скелет отца экспонируется в музее. По словам Уоллеса: «Однажды снежным днем, после полудня, он [Миник] вернулся из школы вместе с моим сыном Вилли и вдруг начал плакать: “Мой папа не в могиле, – сказал он, – его кости находятся в музее”».

Мы расспросили его и выяснили, как он узнал правду. Но после этого он уже никогда не был прежним мальчиком. Он стал болезненно впечатлительным и беспокойным. Часто мы видели его плачущим, и иногда он не разговаривал по несколько дней.

Мы старались утешить его, но это было бесполезно. Его сердце было разбито. Он потерял веру в новых людей, среди которых оказался».

Миник пытался объяснить с музеем. Он настаивал на том, чтобы кости отца убрали из демонстрационного зала и похоронили как полагается, но тщетно.

6 января 1907 года газета The World опубликовала статью «Отдайте мне тело моего отца!». Художник изобразил Миника, стоящего на коленях с простертыми в мольбе руками. Подпись гласила: «Душераздирающая история Мене⁷⁴, эскимосского мальчика, который растет в Нью-Йорке и собирается когда-нибудь найти Северный полюс, а сейчас больше всего хочет забрать кости своего отца из Музея естественной истории».

Уолли Херберт пишет: «Дело Миника бросило гротескную тень на безупречную репутацию [М. Джесупа] как человека, исповедавшего принципы заботы и любви к ближнему и уважения человеческого достоинства»⁷⁵.

Из статьи в газете The World: «Миник, эскимосский мальчик, желает получить только один подарок на Рождество, но этот подарок он не получит. Он просит вернуть ему кости отца, чтобы поместить их в укромную могилу, где они упокоятся с миром навечно».

---

⁷³ Qisuk – вариант имени Кессу.

⁷⁴ В оригинале еще один вариант имени Миник – Menie.

⁷⁵ М. Джесуп – один из учредителей Христианской ассоциации молодежи, основал и субсидировал Общество по борьбе с безнравственностью им. Св. Антония.

Будучи настоящим стойком, Миник плакал совсем немного, когда узнал, что это невозможно...

...Миник живет здесь, в Нью-Йорке... отчаявшись когда-либо увидеть своих соплеменников вновь. Он единственный выживший из шести эскимосов, которых лейтенант Роберт Пири привез сюда... Четверо умерло, включая Кессу⁷⁶, отца Миника, а один снова вернулся домой на холодный север, счастливый, потому что спасся от смерти и болезней Нью-Йорка.

Ученые, которые с восторгом неспешно исследовали эскимосов в Нью-Йорке, давным-давно забыли этих простых людей из суровой Арктики. Правда, четверо из них умерло здесь, все – от туберкулеза, но не раньше, чем эти мудрецы узнали все, что хотели.

А потом, разве их тела не были переданы докторам для очень интересного анатомирования, которое значительно пополнило наши знания в области этнологии? Но самое-самое лучшее – это то, что полные скелеты были переданы Американскому музею естественной истории на Манхэттене, где ученые, желающие изучать анатомию эскимосов, могут это делать вполне комфортно.

---

⁷⁶ В оригинале еще один вариант имени Кессу – Kesshoo.

“...Я вовек не буду счастлив, пока не похороню своего отца в могиле [сказал Миник]. Я плачу каждый раз, когда думаю о его несчастных костях там, наверху, в этом музее, в витрине, где каждый может смотреть на них. Почему только из-за того, что я – бедный эскимосский юноша, я не могу похоронить своего отца по тому обычаю, по которому он хотел бы быть похороненным?..

Наши бедные люди воспитаны так, чтобы любить своих родителей и предков. Даже беднейший из них там, в Гренландии, может похоронить своего отца и свою мать в могиле, обложенной камнями, а я не могу. И когда человек умирает, его ружье, нож и каяк всегда переходят его сыну. Почему я не могу получить вещи моего отца?”»

Миник продолжал безуспешно отстаивать свои права на тело отца. В конце концов он решил вернуться в Гренландию. В июне 1908 года, когда Пири в очередной раз собирался в Арктику, Уоллес попросил его отвезти юношу домой, на север. Исследователь отказал: по его словам, корабль был перегружен. Брайс высказывает предположение: полярный герой боялся, что Миник расскажет соплеменникам, как гнусно с ним обошлись в Америке, вызвав тем самым у них враждебное отношение к Пири, а в конечном итоге отказ помогать ему.

Еще через год в приложении к журналу *Sun Francisco Examiner* появился материал под тревожным заголовком: «Почему эскимосский мальчик, брошенный на произвол судьбы арктическим исследователем Пири, хочет застрелить его?» Снова был нарисован Миник, в ужасе смотрящий на скелет отца в стеклянной витрине Музея естественной истории; рядом были помещены фотографии как юноши, так и дочери Пири, одетых в полярные меха. Цитировался Миник: «Я никогда не смогу простить Пири. И я надеюсь увидеть его, чтобы явить ему ту катастрофу, которую он вызвал». В заключительных словах угроза: «И если он встретит Пири, что тогда может случиться?»

Пири был в Арктике, но его супруга, прочитав статью, пришла в ужас, и с помощью Бриджмена – главного организатора всех дел лейтенанта – Миник был отправлен на родину на судне «Джини»⁷⁷.

Накануне отплытия газета *Evening Mail* опубликовала гневную тираду молодого инуита: «Вы – раса ученых-преступников. Я знаю, что никогда не смогу забрать кости моего отца из Американского музея естественной истории. Я весьма рад убраться отсюда, пока мои мозги не сцапали и не засунули в банку!

Вы, американцы, никогда не откроете Северный полюс... Только эскимос может жить там продолжительное время.

---

⁷⁷ Судно, снаряженное Бриджменом, шло в Гренландию с двумя целями, объявленными публично. Одна – фальшивая, для внешнего пользования – искать доктора Кука, который отправился в Арктику летом 1907 года и о судьбе которого более года ничего не было известно; вторая, напротив, реальная, актуальная – вывезти из США ненавистного Миника. Плавание «Джини», по мнению Бриджмена, укрепляло репутацию Пири как великодушного человека.

Самая сенсационная из всех статей о Минике, появившихся в американских газетах. Публикация от 9 мая 1909 года. Подпись из книги К. Харпера

По возвращении домой, в Эта на севере Гренландии, я собираюсь организовать свою собственную экспедицию и сам пойду на поиски полюса».

Бриджмен гордился договором, который он вынудил подписать опекуна Миника: место высадки – выбирает Пири, что именно молодой человек сможет взять с собой из корабельных запасов – решает Пири, и, главное, никаких исков к владельцу «Джини» предъявлено быть не может. Довольный собой Бриджмен докладывал Джозефине: «У Мене Уоллеса по-прежнему нет контракта или какого-либо другого документа, подписанного мной. Они все подписали меморандум, копию которого высылаю Вам».

Бриджмен заверил супругу полярного исследователя, что у молодого инуита не будет в руках огнестрельного оружия, когда он окажется в родной стране.

Миссис Пири, видимо, всем довольная, напутствовала мужа в письме, отправленным с «Джини»: «Я надеюсь, что ты перекинешь Мене через колено и будешь лупить его до тех пор, пока он не запросит пощады. Ни при каких условиях не разрешай ему вернуться в страну [Америку]».

Когда юноша сошел с корабля на гренландский берег, в руках у него, вопреки рассказам лагеря Пири, не было *ничего*. Вот доказательство этого поразительного факта – запись в дневнике миссионера Густава Олсена: «В этот день прибыл еще один корабль, под названием “Джини”... На корабле... был... уроженец Гренландии по имени Миник, который возвращался домой. Еще ребенком он оказался среди тех, кого забрал с собой Пири. Он полностью забыл свой язык... Они дали ему немного пищи, а из одежды он имел только то, что было на нем»⁷⁸.

Миник не знал никого вокруг, и его тоже никто не знал, но родственник Соккак⁷⁹, шаман и опытный охотник, пригласил молодого человека к себе. Миник заново выучил родной язык, адаптировался к новой жизни и проявил себя как способный охотник.

⁷⁸ Перевод с гренландского на английский О. Й. Хаммекена.

⁷⁹ Soqqaq.

В сентябре 1910 года Миник получил возможность послать письма нескольким друзьям в Соединенные Штаты. Вот одно из них – Честеру Бикрофту – трогательное и горькое (Харпер, который частично приводит это письмо, сетует, что английский Миника «стал немного запущенным»).

Миник с ружьем и биноклем в Эта

«Дорогой Доб, я все еще жив, не пойму – каким образом и почему... Пири сказал им высадить меня в заливе Норт-Стар далеко к югу от моего дома...

...Так как они нарушили и обещания, и в целом человеческие нормы... я не был удивлен, когда они оставили меня по приказу Пири в незнакомой части Гренландии без мехов, ружья, ездовых собак или снаряжения, которые позволили бы бороться за существование в пустынных льдах.

...Я не могу передать тебе, через какие битвы, мучения и трудности мне пришлось пройти, чтобы вернуться в Эта... В конце концов я добрался до дома, и в следующем письме я расскажу тебе потрясающе интересную историю о встрече с родственниками моего отца, которого американцы убили во имя науки; как они живут, как я подействовал на них и как новая-прошлая жизнь подействовала на меня...⁸⁰

Почему я больше не пригоден к жизни там, где родился? Не пригоден к жизни там, куда меня вывезли похищенного? Почему я являюсь экспериментом там и здесь – и меня мучают с

---

⁸⁰ Следующий абзац письма, касающийся конфликта между Пири и Куком, приведен в главе 26, с. 641.

тех пор, как великий белокожий Пират вмешался в природу... и оставил меня беспомощным сиротой – малыша, брошенного на расстоянии 10 000 миль от дома?..

У меня нет друзей здесь, нет нигде. Я очень-очень одинок. Приезжай сюда, и я покажу тебе, как найти полюс. Я сделаю тебя королем. Затем, если ты захочешь, я уеду с тобой обратно в Нью-Йорк, или останусь здесь, или отправлюсь в ад для тебя, мой друг, если только ад не здесь...

До свидания. Твой маленький друг Мене.

...Доб, я жду снежное Рождество...

P. S. Доб, не представится ли какая-нибудь возможность прислать мне ружье?..»

Харпер подводит печальный итог: «Внешне Миник стал инуитом... Но что-то было неладно. В сущности, у Миника не было дома. Когда он был подростком в Нью-Йорке, его влекло в Гренландию. Теперь, вернувшись в Гренландию, он рвался в Америку. Ни то ни се – он чувствовал, что нигде не будет “своим”».

В сентябре 1916 года Миник вернулся в Нью-Йорк, навестил Уильяма Уоллеса и его сына Вилли, через год в Питтсбурге нашел работу и обрел верных друзей. Казалось, все идет хорошо, но осенью 1918 года, во время эпидемии испанского гриппа, он заразился и умер. Друзья похоронили его в окрестностях Питтсбурга...

Через 7 лет после выхода книги Харпера произошло неизбежное. Американский музей естественной истории исправил свою ошибку или, если угодно, исправил положение дел, и в июне 1993 года военный транспорт США доставил кости четырех инуитов на военную базу в Туле, Гренландия, а затем вертолет перенес их в селение Каанаак⁸¹.

Из статьи Харпера: «... Тела, каждое в своем небольшом гробу, были помещены в общую могилу в освященную землю на склоне холма с великолепным видом на море в сторону запада. На могильный холм, по эскимосскому обычаю, сложили камни. На краю могилы справили краткую службу. Музей подготовил мемориальную пластину, которую установили на месте погребения. Надпись на гренландском гласит: “Nunamingnut Uteqihut”, что значит “Они вернулись домой”».

---

⁸¹ Qaanaaq.

Кладбище в Гренландии. Могила инуитов, вывезенных Пири из Гренландии и умерших в Нью-Йорке. Фотографии Гали Моррелл

Глава 7. Завоевание форта Конгер. 1898–1899 годы

Биограф Пири Уимс истории о метеоритах посвятил всего несколько строчек, а драму Миника вообще проигнорировал. Возможно, он прав. Главное – это предстоящая борьба за Северный полюс. К тому же – читатель помнит – Пири стал, так сказать, государственным путешественником; сам президент США приказал предоставить ему отпуск на 5 лет: с мая 1897 года по май 1902 года.

Первый летний сезон ушел на вывоз «Анигито». В декабре 1897 года в Англии лейтенанту вручили награду Королевского географического общества – медаль Патрона. Здесь же, в Лондоне, Пири получил щедрый подарок – судно «Виндворд»⁸², в придачу были обещаны два мотора. Казалось, все идет ладно, однако сумятицу в жизнь внесли норвежцы, которые, по мнению Пири, снова пытались перейти ему дорогу.

Еще осенью 1896 года, за четыре месяца до доклада лейтенанта в Американском географическом обществе, Отто Свердруп – соратник Нансена, пересекший вместе с ним на лыжах Гренландию, и капитан «Фрама» во время его легендарного дрейфа огласил свой план четырехлетних арктических исследований. На знаменитом «Фраме» Свердруп шел в проливы между Северной Гренландией и Землей Элсмир, чтобы картировать новые земли, причем подчеркивалось, что «не было речи о попытке достижения полюса». Участники норвежской экспедиции достигли прекрасных результатов, и через несколько лет именно карты Свердрупа стали служить всему миру.

Для Пири появление «Фрама» в районе Гренландии стало болезненным вызовом. Американский автор Деннис Роулинс пишет, что «...консул США в Бергене тайно передавал Пири информацию о снаряжении и графике подготовки Свердрупа...».

В декабре 1897 года Пири взывал к совести Свердрупа:

Я до сих пор с трудом могу заставить себя поверить, что Вы решились посвятить свое время, силы и деньги попытке предвосхитить или дублировать ту работу, которую я наметил почти год назад и подготовка к которой идет уже полным ходом.

Уверен, что Вы простите меня, если я напомню Вам, что подобные действия с Вашей стороны, подразумевающие вторжение в ту область, где я работаю уже несколько лет, и присвоение объектов, которые я официально объявил целью моей собственной работы, будут беспрецедентными во всей летописи арктических исследований.

В своей личной переписке Пири был не столь вежлив. Он жаловался Джесупу на

беспринципную попытку... присвоить себе мой маршрут, мои планы и мои объекты [исследований]...

Забастовка в Англии помешала установить новые моторы на «Виндворде». Тем не менее Пири распорядился отправить судно в США с его стандартной скоростью в 3,5 узла.

«Фрам» вышел из Норвегии 24 июня 1898 года. «Виндворд», загруженный снаряжением и провиантом, отчалил из Нью-Йорка через 10 дней. Пири был взволнован: из-за тихоходности его корабль придет к берегам Северной Гренландии только вторым – после «Фрама». Лейтенант заявил:

⁸² Windward – наветренный (англ.).

*Присвоение другим лицом моего плана и района работ вынудило зафрахтовать дополнительное судно, если я не хочу допустить, чтобы меня опередили в моих собственных владениях*⁸³.

Слова «присвоение моего плана» выглядят некорректными, поскольку Свердруп огласил «свои планы» раньше Пири. Что касается «присвоения района работ» и «в моих собственных владениях», то вряд ли Свердрупу или другим европейским ученым было понятно, что имеет в виду американский исследователь.

Странно. Ведь Свердруп не идет на Северный полюс. По-видимому, Пири не верит этому. Впрочем, достаточно и того, что норвежец покушается на его мечты о славе. Здоровые мысли не могут соседствовать с этой идеей фикс. Боссы поддерживают лейтенанта, Америка поставила на него и готова помочь в борьбе с норвежцами. Вторым зафрахтованным судном стала быстроходная «Хоуп», на которой 7 июля 1898 года Пири и начал свою многолетнюю осаду Северного полюса. Рядом с лейтенантом были неизменный Хенсон и новичок в Арктике – 32-летний хирург Томас Дедрик.

«Хоуп» обошла «Виндворд» и обогнала «Фрам». В поселении Эта судно было разгружено. Плавучей базой Пири снова стал «Виндворд», на котором были размещены 38 инуитов и 60 собак. Продвинувшись на север на небольшое расстояние, судно встретило льды и 18 августа встало на якорь значительно южнее, чем рассчитывал Пири. То же через три дня случилось и с «Фрамом»⁸⁴.

Лейтенант теперь должен был выбрать место, где он сосредоточит экспедиционные грузы и откуда начнет путь к полюсу. Пири остановил выбор на историческом форте Конгер на Земле Гранта, который он посетил 2 года назад на той же «Хоуп» с «Анигито» на борту.

(В 1881 году в связи с I Международным полярным годом ряд стран, в том числе и Россия, создали в Арктике метеостанции. Самой северной из них был форт Конгер⁸⁵. Руководителем зимовки министр обороны США назначил лейтенанта Адольфа Грили. Работа шла успешно. Наряду с плановыми наблюдениями участники экспедиции осуществили ряд смелых санных маршрутов, сопровождавшихся красивыми географическими открытиями. В историю вошел поход лейтенанта Джеймса Локвуда, исследовавшего 125 миль неизвестного побережья Гренландии и достигшего 83°24' с. ш. Прежний рекорд продвижения человека на север был превзойден на 3 минуты. Летом 1882 года судно с новым составом зимовщиков не сумело пробиться в форт Конгер, однако такого рода обстоятельства были предусмотрены, волноваться пока было не о чем, и отряд Грили продолжал с энтузиазмом работать.

Спасательная экспедиция, направленная в следующем году, сама закончилась катастрофой. Судно, идущее в форт Конгер, было раздавлено льдами, все люди уцелели, но положение отряда Грили стало крайне неприятным. Предписание требовало, чтобы в подобной критической ситуации лейтенант и его подчиненные самостоятельно продвигались к югу.

Действуя согласно инструкции, Грили и его люди достигли острова Пим возле мыса Сабин, где из камней была построена хижина. Новая зимовка, третья по счету, обернулась трагедией. Большинство несчастных умерли от голода, и летом 1884 года спасатели обнаружили лишь семерых еле живых людей, среди них Грили.

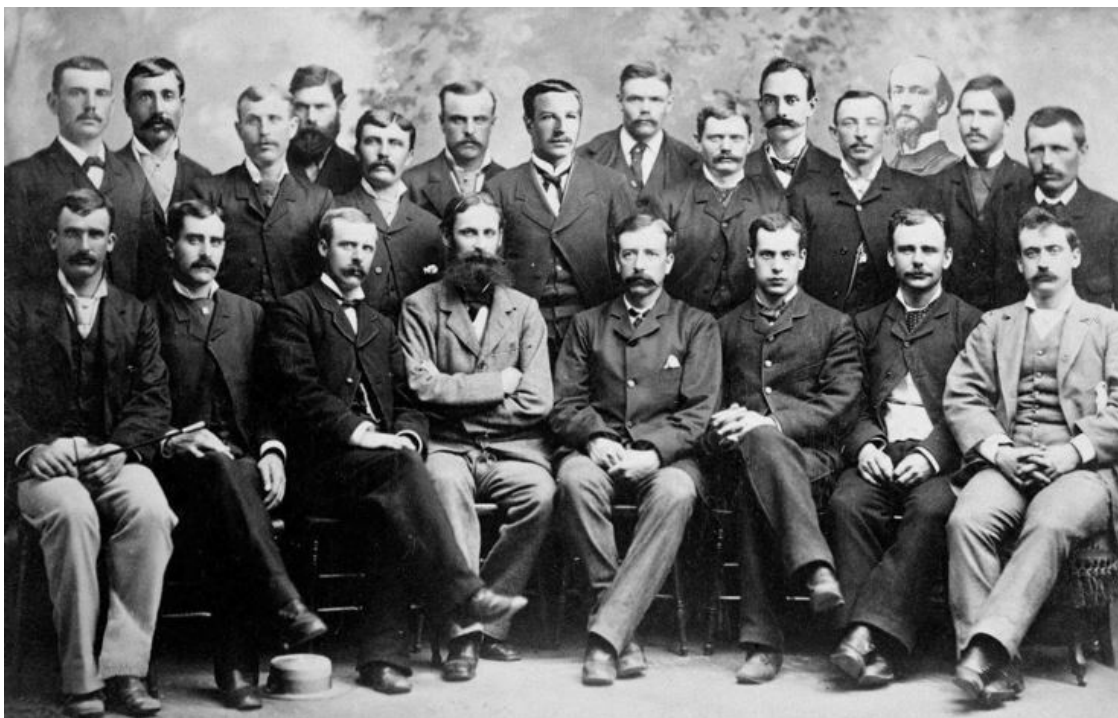
Уимс пишет: «Некоторые из оставшихся в живых иступленно умоляли моряков не стрелять в них, так как Грили был вынужден отдать приказ о смертной казни для человека, воровавшего продовольствие».

⁸³ Цитируется по книге Хоббса «Пири». В книге самого Пири *Nearest the Pole*, p. 296, последние три слова опущены.

⁸⁴ Уимс утверждает (см. главу 9 его книги о Пири), что ледовый плен заставил Свердрупа пересмотреть планы и отказаться от соревнования с Пири. Разумеется, это не соответствует действительности.

⁸⁵ 81°44' с. ш., расстояние от форта Конгер до Северного полюса – 496 миль.

Горестный эпизод расстрела выглядит так: «Вопреки обещаниям, данным вчера рядовым Ч. Б. Генри, он после этого, как сам мне признался, сходил в старый лагерь и тайно присвоил ремни из тюленьей кожи, а может быть, и какую-либо иную пищу. Это упрямство и дерзость доведут отряд до гибели, если им немедленно не будет положен конец. Рядовой Генри будет расстрелян сегодня, причем необходимо принять все меры, дабы он не причинил вреда кому-либо, ибо он физически сильнее двух любых людей. Расстрел произвести двумя боевыми патронами и одним холостым. Этот приказ имеет *императивный* характер и *абсолютно необходим* для сохранения нашего шанса остаться в живых...»⁸⁶

Члены экспедиции Грили. Сидят: четвертый слева А. Грили, пятый Д. Локвуд

Около двух часов пополудни раздались выстрелы, а потом приказ зачитали всему отряду. Все без исключения признали, что Генри заслужил смерть».

Экспедиция Грили вошла в арктические анналы как эталон мужества, терпения и служения долгу⁸⁷. Руководитель, генерал Адольф Грили, всеми уважаемый исследователь, в 1906 году стал первым президентом американского Клуба исследователей⁸⁸. Вторым президентом в 1907–1908 годах был избран доктор Кук. Роберт Пири занимал этот высокий пост дважды: в 1909–1911 и 1913–1916 годах.)

Суда Пири и Свердрупа стояли близко друг к другу, и, кажется, встреча полярных исследователей была неизбежна. Они увиделись 6 октября, когда лейтенант и его местный каюр случайно натолкнулись на полевой лагерь норвежцев. Пири в письме Джозефине вспоминает:

У меня состоялась краткая и сдержанная встреча со Свердрупом...

Отто Свердруп о визите знаменитого американца рассказал подробнее и с видимым удовольствием: «Он приехал по нашим следам прямо к нам, и я спустился к фьорду навстречу ему.

⁸⁶ Цитируется приказ А. Грили.

⁸⁷ Превосходная книга А. Грили «Три года в Арктике. 1881–1884» на русском языке вышла в Ленинграде в 1935 году. Подробный рассказ о героической экспедиции можно найти в книге: Шпаро Д., Шумилов А. К полюсу! М., 1987.

⁸⁸ Explorers Club.

Когда мы встретились, он спросил, не я ли капитан Свердруп, на что я ответил утвердительно, и затем мы обменялись рукопожатием и вместе подошли к палатке... Я пригласил его выпить с нами кофе, но он отказался, сказав, что его палатка находится не более чем в двух часах пути отсюда и что он едет домой обедать... Он пробыл с нами несколько минут... Я проводил Пири вниз и наблюдал, как исчезают его сани, управляемые погонщиком-эскимосом...

Приезд Пири был событием дня для нашей палатки. Мы только об этом и говорили и не могли нарадоваться, что пожали руку этому отважному исследователю, даже несмотря на то, что его визит был настолько краток, что мы едва успели снять рукавицы».

Уже 29 октября, используя две недели лунного света, Пири стал перевозить грузы по направлению к форту Конгер.

Робинсон приводит диалог Пири с Хенсоном.

«[Лейтенант] расхаживал взад и вперед по каюте в нервном возбуждении.

“Может быть, в эту самую минуту Свердруп планирует, как, обогнав меня, первым добраться до форта Конгер, – кричал он с заметным раздражением, – я не могу допустить этого!.. Я доберусь до Конгера, опередив Свердрупа, даже если это будет стоить мне жизни”.

Отто Свердруп

“Но, лейтенант, сейчас разгар зимы. Бушуют бури, и на маршруте адски холодно. Не будет ли лучше подождать до весны?” – спросил Мэтт.

“Нет, – неистово вскричал Пири, – любым путем я должен использовать мой единственный шанс и не отдать северную базу сопернику!”»

Такие страсти бушуют в сердце Пири. К счастью, он не умер, но гонка обошлась ему очень дорого.

Последним аргументом против безрассудного ночного похода стала эпидемия среди собак: 30 животных – ровно половина – погибли. И все-таки с 20 декабря по 6 января, 17 дней, Пири, Хенсон и инуиты ползли свои гибельные километры.

Из-за сильного встречного ветра и метели на девятый день они прошли лишь полпути. Через два дня луна покинула небосвод и продукты подошли к концу.

Книга Пири:

29 декабря я стартовал с мыса Лоуренс с легкими санями... надеясь пройти расстояние [до форта Конгер] за 5 дней. Во время первого перехода... береговой лед был довольно хорошим, хотя из-за одного-двух дюймов солевых кристаллов сани шли словно по песку. По мере продвижения припай становился все хуже, пока... не стал практически непроходимым даже для легких саней. Луна светила всего несколько часов в сутки. И даже когда свет был самым ярким, его было недостаточно, чтобы позволить нам выбирать маршрут на морском льду.

К югу от мыса Дефосс мы съели наши последние галеты, а к северу от него – последние бобы. Во время следующего перехода над каналом стал дуть пронизывающий ветер, и один эскимос... окоченел до такой степени, что нам пришлось остановиться... и вырыть нору в снежном заносе, чтобы спасти его. Когда шторм прекратился, я оставил его с другим эскимосом и девятью самыми плохими собаками...

Луна нас полностью покинула... мы шли на ощупь, спотыкаясь, по неровному морскому льду до мыса Бейрд. Здесь мы проспали несколько часов в норе в снегу, затем двинулись через залив Леди Франклин... Мы двигались вслепую, спотыкаясь и падая, через хаос сломанного и вздыбленного льда в течение 18 часов, пока не взобрались на припай на северной стороне. Здесь для еды мы убили собаку.

О строительстве иглу не могло быть и речи, поскольку не было подходящего снега, а полупещера под огромной ледяной глыбой была настолько холодной, что мы могли задержаться в ней только для того, чтобы приготовить чай. Здесь я оставил сломанные сани и девять выдохшихся собак. Сразу на восток от нас на берег вынесло ледяное поле. Оно поднималось над припаем до тех пор, пока его осколки не покрыли 100 футов берегового ската. Все это казалось непроходимым... Вскоре мы обошли это место, и по «ощущению» берега (поскольку мы не видели ничего) я понял, что мы стоим у одного из входов в гавань Дискавери, какого именно – я не мог сказать.

Несколько часов перехода вслепую показали, что это был восточный вход. Мы направились к центру острова Беллот, и в полночь 6 января вползли через полуразрушенную дверь в форт Конгер.

Измученные, но довольные тем, что жуткие испытания ночного перехода по льдам закончились, они зажгли масляную лампу. В дневнике Пири записал:

К моему удивлению, галеты на столе, хотя и немного затвердевшие, не были ни испорченными, ни заплесневелыми... Кофе на дне одной из жестяных банок, открытых 16 лет назад, имел достаточно сильный аромат, причем, если использовать его в двойном количестве, то получался вполне пригодный напиток. После немалой задержки... мы все смогли насладиться кофе и галетами в неограниченном количестве.

Однако Пири ждал страшный удар: выяснилось, что он самым диким образом отморозил ноги. В книге лейтенант сообщает об этом сдержанно:

...подозрительное чувство одеревенения в правой ноге заставило меня стянуть кофас, и, к своей досаде, я обнаружил, что обе ноги обморожены.

Робинсон нарисовал трагедию более образно: «Обе ноги были бескровно-белыми до самых колен, и, когда Мэтт сдирал с них вкладыши, два или три пальца каждой ноги прилипли к меху и с треском отломились в районе первого сустава».

Книга Пири:

После того как все необходимое для моих ног было сделано, мы бросившись на койки в офицерской комнате, спали долго и крепко. Когда мы проснулись, стало очевидным, что я потеряю... пальцы и буду прикован к постели в течение нескольких недель. Средняя минимальная температура во время этого путешествия составляла $-51,9^{\circ}$, самая низкая -63° .

Форт Конгер. Фото Уолли Херберга

В течение следующих недель наша жизнь в Конгере была определенно в духе Робинзона Крузо. Поиски вещей в полной темноте... при крохотном язычке пламени в блюдце были похожи на поиски иголки в стоге сена. Постепенно все предметы первой необходимости были обнаружены, тогда как два моих верных эскимоса принесли пустые ящики и бочки и разломали их, чтобы подбросить в огонь. Оставленных... собак забрали сюда, но несколько из них умерли... Туземцы предприняли две попытки добраться до тех двух людей, которых мы оставили... и привести их сюда, но оба раза были вынуждены вернуться из-за темноты и бешеного ветра. Наконец... они опять дошли до нее [пещеры] и увидели, что те два человека съели нескольких собак и направились пешком к кораблю, а несколько уцелевших собак последовало за ними.

Доктор Дедрик сделал Пири операцию, частично удалив семь пальцев, и несчастный полтора месяца пролежал на спине в форте Конгер. 18 февраля больного закутали в меха, привязали к саням и повезли на «Виндворд». Семь лет назад лейтенант лежал в каюте на «Кайте» и вздрагивал от боли в сломанной ноге, запаянной в гипс, когда корабль таранил льдины. Теперь о лед бились сани, и физические терзания были чудовищными.

К телесным пыткам прибавлялись муки душевные. Второй год из пяти, отведенных на завоевание полюса, закончился более чем бесславно. Восстановится ли путешественник таким же счастливым образом, как это произошло после травмы на «Кайте»? Сможет ли он вообще ходить?

С 18 по 28 февраля Пири диктовал Дедрику. Вот записи:

18 февраля... я лежу на малых санях Конгера, которые тянут пять собак... Наша провизия и лагерное снаряжение уложено на санях... которые тянут восемь собак... На протяжении нескольких миль пути по восторошенному льду... сани сильно трясло...

19 февраля... Меня втащили по... склону берегового припая... и... практически на руках перенесли через битый лед на ровную поверхность...

26 февраля... Либо холодает, либо я сам зябну, но сегодня меня накрыли второй шкурой овцебыка...

*28 февраля... Мы пришли к кораблю в полдень. Никто не знал о нашем прибытии до тех пор, пока мы не подошли близко к борту, после чего тотчас все собрались на мостике. Переход длиной примерно в 250 миль, половина которого была сделана до появления солнца, к тому же с грузом в виде покалеченного человека, был выполнен за 11 дней без каких-либо происшествий или опасностей... **Доктор и Мэтт, как и эскимосы, совершили отнюдь не слабый подвиг, пройдя такое расстояние за одиннадцать дней** (выделено мной. – Д. Ш.). Им было труднее, чем мне; и не может быть более верных товарищей, чем мои два эскимоса, которые весь день проводили на ногах и управляли собаками, после чего ночью без единого слова жалобы сооружали или выкапывали наши снежные укрытия. Когда с меня сняли все одеяла и привязные ремни и перенесли в палубную рубку, где я смог стянуть одежду, которая была на мне постоянно все эти 11 дней, я и сам почувствовал себя потрепанным. Температура во время нашего прибытия была -64° ... Как я и ожидал, люди на судне уже почти потеряли надежду увидеть нас и намеревались, собрав отряд эскимосов, организовать спасательную экспедицию...*

13 марта на судне доктор Дедрик ампутировал Пири пальцы на обеих ногах.

Расскажу историю из другой эпохи. Четыре раза, ежегодно, в 1993–1996 годах, от мыса Арктического – северной точки российского архипелага Северная Земля – в одиночку к полюсу шел на лыжах японский путешественник Мицюра Оба. Из-за плохого снаряжения первая попытка не удалась. Во второй раз лыжная обувь была тесновата, и Мицюра сильно отморозил ноги. Он послал сигнал SOS, но спасательный вертолет не смог подняться из-за плохой погоды, а когда через день летчики прилетели в лагерь, путешественник был почти без сознания. В Москве Мицюре оказали первую медицинскую помощь, в Токио сделали операции. Он потерял все пальцы на ногах и несколько пальцев на руках. Передняя часть каждой из его ступней стала ровной наклонной плоскостью без намека на выпуклости фаланг.

Через год калека, славный, бесконечно храбрый, одержимый Мицюра Оба снова был в Москве, готовый лететь на мыс Арктический, чтобы начать третий поход к Северному полюсу. Он не заказал необходимой ортопедической обуви, и в Москве, в Институте протезирования, специалисты изобретали вкладыши и супинаторы в его ботинки, чтобы обрубленные ступни могли эффективно работать. Неожиданно выяснилось, что лыжные крепления, которые составляют с ботинками единый комплект, тоже требовали модификации. Человек без пальцев на ногах с помощью стандартных лыжных креплений не может управлять лыжами. Крепления переделали.

23 февраля, в тот же день, что и в прошлые два года, автор провожал своего друга на мысе Арктическом. Продукты и бензин Мицюра брал на 90 дней, его нарты весили 115 килограммов и рюкзак – 25 килограммов. Все было как и раньше, за исключением одного. Накануне старта в маленькой гостинице он показал мне культю, и на правой я увидел кусочек марли. Красное пятнышко на нем означало, что из незажившей ранки еще сочится кровь. Оба взял с собой 100 марлевых салфеток, чтобы ежедневно защищать ранку.

Оба снова шел один и снова не достиг полюса. На следующий год – с четвертого раза – он добился своего, и, думаю, Япония вправе гордиться этим мужественным, скромным и достойнейшим человеком.

О происшествии с японским путешественником автор вспомнил лишь для того, чтобы как-то облегчить наше сегодняшнее восприятие беды Пири. У него по-прежнему были шансы. Но замечу, что разница в этих двух схожих случаях все-таки колоссальная. Одно дело – операция в лучшей японской клинике в конце XX века, другое – ампутация пальцев на судне, зажатом льдами, во времена столетней давности. Да и морфология тела у Пири и Обы различна: первый – огромный, второй – совсем маленький.

Хоббс предвосхищает наши «открытия» по поводу лыжных креплений для человека без пальцев на ногах: «Даже после заживления это увечье было серьезной помехой при ходьбе, и особенно в снегоступах, когда требуется эффективно работать пальцами».

А вот комментарий Робинсона: «...он больше никогда не сможет пройти, как раньше, дневной переход в 18–20 миль. С горечью он уже смирился с тем, что Мэтту придется прокладывать путь во время весенних переходов, в то время как он проведет большую часть маршрута в своих санях».

Весной второй помощник с «Фрама» Виктор Бауман приехал на «Виндворд», чтобы выразить сочувствие пострадавшему Пири. Он предложил перевезти американцев на своем судне на Север и высадить их в том месте, которое укажет лейтенант.

В письме жене подозрительный Пири разоблачил норвежца:

При сложившихся обстоятельствах меня позабавило такое предложение. Это был просто предлог, чтобы посмотреть, как у меня обстоят дела и что я успел сделать.

19 апреля Пири снова встал в строй. В книге он пишет:

...Моя левая нога зажила, хотя из-за длительного бездействия она и была еще слишком слабой и окостенелой, и я не мог ходить без костылей. ...Я отправился в форт Конгер с отрядом из 10 человек, примерно 50 собаками и семью санями, нагруженными собачьим кормом и провиантом для складов...

28 апреля мы достигли Конгера.

Он совершил рекогносцировочную поездку в сторону Гренландии, но хорошей дороги не нашел:

Травмированный, каким я был тогда, представлявший собой просто мертвый груз на санях, я считал дорогу непроходимой. Если бы я был здоров и находился на своем обычном месте – впереди саней, прокладывая путь своими снегоходами, то ситуация была бы совсем иной.

Пири, пробуя все-таки найти путь, послал на разведку Хенсона, но и тот, вернувшись, сообщил, что льды крайне тяжелые. Лейтенанту пришлось отказаться от путешествия в Гренландию. Он рассуждал:

...вероятно, хорошо, что я так сделал, поскольку состояние незажившего места на моей правой ноге стало ухудшаться, и она выглядела крайне нездоровой из-за лечения в суровых условиях.

На корабль люди прибыли 29 мая, проделав обратный путь за шесть дней.

Скоро, совсем скоро Роберту Пири придется пересмотреть красивую и правильную идею о малочисленном, сильном и хорошо управляемом коллективе, который может покорить Северный полюс. В форте Конгер у лейтенанта сложилась вполне управляемая группа из трех человек, но про нее, конечно, не скажешь, что она – сильная. И в будущем никогда команда Пири не будет достаточно сильной, ибо главное место в ней всегда будет занимать он сам, а ему былую спортивную форму уже не вернуть. Он – одержим, и это плюс, но у одержимости должны быть союзники: выносливость, знания, интуиция, осмотрительность и все та же элементарная физическая сила. Присутствует же (пока присутствует) только выносливость.

Неизбежно сравнение результатов экспедиций Пири и Свердрупа, которые трудились одновременно в одном и том же труднодоступном районе Земли, где каждый вдумчивый шаг сулил географические открытия. Это сравнение – не в пользу Пири. Во-первых, лейтенант был сосредоточен на Северном полюсе, и наука для него имела второстепенное значение, во-вторых, в его отряде географическими исследованиями мог заниматься только он сам, но получалось у него это не лучшим образом, к тому же теперь он стал калекой.

Уолли Херберт, арктический исследователь XX века, объехавший на собаках северные районы Канадского Арктического архипелага, убийственно замечает: «...Пири, несмотря на все свои усилия осенью 1898 года, не составил конкуренции для людей Свердрупа, чье картирование выставило его дилетантом».

Доктор Хейс сделал свой вывод: «Видны лихорадочные усилия без видимых результатов. Всепоглощающая страсть Пири к славе разжигала его чувства... Мы тщетно пытаемся увидеть какие-либо фундаментальные достижения на протяжении всей этой экспедиции от и до».

А вот дома, в США, дела шли явно неплохо. 29 марта 1899 года состоялось первое заседание Арктического клуба Пири. В уставе новой организации была сформулирована ее главная цель: «Достижение предельной северной широты в Западном полушарии...» Однако отцы смотрели на мир шире – в задачи Клуба входило: «...собирать и коллекционировать предметы, интересные для науки или с иной точки зрения, которые могут быть доступны во время настоящей экспедиции Пири или других подобных экспедиций...»

На собрании присутствовали знакомые нам Моррис Джесуп, Герберт Бриджмен и еще несколько весьма известных и богатых персон. Штатными сотрудниками Клуба стали: Джесуп – президент, Генри Кэннон, банкир, президент Chase National Bank, – казначей, Бриджмен – секретарь.

Первым шагом Арктического клуба Пири была отправка на Север судна «Диана», на борту которого отбыл сам Бриджмен. Уже на месте, узнав, что у Пири ампутированы пальцы, он всячески убеждал лейтенанта вернуться домой для лечения. Такого же мнения придерживался врач Дедрик. На увещания Пири ответил:

Я буду готов вернуться, когда закончится мой отпуск или когда я дойду до полюса.

Пришло письмо от Джозефины, из которого Пири узнал, что 7 января она родила дочь, названную Фрэнсин. Пири пишет в ответ слова радости и любви:

Никогда ни одному мужчине не везло с женой так, как мне, никогда не было жены более любящей, нежной, очаровательной и при этом – с ясным и рассудительным умом. Твое письмо было как изысканный, мягкий, теплый весенний бриз в этой одинокой пустыне.

Когда же... я получил твой саквояж, я повел себя настолько нелепо, что достал из него различные предметы и думал про себя: «она сложила эти вещи, и ее прикосновение все еще сохраняется на них». Затем в воскресенье я принял ванну, отбросил свои меха, оделся полностью в твой подарок, положил твое письмо во внутренний карман и посвятил этот день тебе. О дорогая, если бы и вправду ты оказалась рядом, хотя бы на один день!

Пири не мог не написать Джо о своем несчастье:

Мой день испытаний, так же как и твой, пришелся на 7 января.

Но сделал это осторожно, стараясь уменьшить ее боль:

Прошедший год был свободным от досадных обстоятельств и поводов для раздражения, за исключением одного неприятного случая, о котором ты узнаешь из газет до того, как это письмо попадет к тебе в руки. Это обморожение пальцев на ногах, что дало возможность доктору немного обрезать пальцы. Теперь, когда я вернусь, я буду носить обувь на размер меньше. Это несчастье не имеет особого значения. Пальцы очень медленно излечивались, поскольку я не давал им отдыха. Сейчас с ними все в порядке, они не причиняют мне никакого беспокойства, и никто не сможет узнать об этом несчастье, если только о нем не рассказать.

Пири откликнулся на горькие слова жены о том, что жизнь проходит мимо:

Ты права, моя дорогая!.. Жизнь пролетает мимо. Эта мысль не может приходить к тебе с большей убедительностью, чем та, с которой она приходила ко мне много-много раз во время темноты и бездействия в прошлом году. Я многократно ругал себя за свою глупость – оставить такую замечательную жену и дочь (а теперь уже двух дочерей) ради этой работы. Однако есть что-то выше моего понимания, что-то помимо меня самого, что заставляет меня неудержимо делать это. Я непременно вернусь к тебе. Я верю, что достигну цели, и затем рука об руку мы будем вместе в течение многих дней и лет, до конца.

...Я не пессимистичен и не оптимистичен в отношении следующего года, но я знаю, что положение дел для предстоящей работы лучше, чем когда-либо раньше, и у меня есть твердая, глубокая убежденность, что я завершу то, ради чего приехал сюда. Я думаю, что сделаю это следующей весной. Вся моя подготовительная работа закончена, и я не оставил никаких дел на осень. Не только мы трое, но также эскимосы и собаки останутся здесь до февраля, накапливая силы и рвение для работ на севере.

Пири находит добрые слова для Дедрика, Хенсона, экипажа судна, а заканчивает письмо тем, что сравнивает собственные успехи с достижениями Свердрупа:

...Я совершил гораздо больше путешествий в прошлом году, чем Свердруп...

Я оставил его далеко позади себя по количеству дичи каждого образца...

В очередной раз Пири возвращается к трагедии отряда Грили, удивляясь, что люди погибли от голода в районе, где возможна богатая охота.

Глава 8. Первый поход к Северному полюсу. Северная точка Гренландии. 1900 год

План оставался прежним:

...в начале февраля передвинуть мой отряд на эту станцию [форт Конгер] и после возвращения солнца стартовать оттуда и осуществить попытку дойти до полюса через мыс Хекла⁸⁹. Я могу добиться успеха, несмотря на низкую широту точки моего старта, и в любом случае, имея doskonaльные знания о побережье и природных условиях в северном направлении, вернусь на корабль прежде, чем вскрыется лед.

От Конгера до Большого гвоздя⁹⁰ более 900 километров, реально ли пройти туда и обратно на собачьих упряжках? Да, реально. Для тренированного, здорового человека, который разгадал стихию дрейфующих льдов и который не будет перекладывать работу на своих спутников. В виде «балласта», сидя в санях, до полюса не дойти – собакам и спутникам просто не сдюжить. Слишком трудно! Невозможно! Физическая форма Пири, как мы слышали от него самого (еще до хирургической операции), отнюдь не та, что нужна для полюсного похода. Да и представления об океанских льдах у лейтенанта все еще нет. Путь Конгер – полюс – Конгер для него заказан. Ничего, к сожалению, не изменится и позже – не может измениться! – во время новых попыток.

С места зимовки в форт Конгер ушли три группы, в третьей был Пири:

...я не решил, идти ли мне от Конгера на север через мыс Хекла или следовать по маршруту вдоль северо-западного побережья Гренландии. Теперь я выбрал второе. Поздний сезон и состояние собак могли помешать совершить очень продолжительное путешествие, и, если бы я выбрал маршрут через мыс Хекла и не смог осуществить свои самые главные цели, то результатом стал бы полный провал. Зато, если я выберу гренландский маршрут и обнаружу, что на север по паковому льду идти невозможно, то у меня все же останется неизведанное побережье и возможность проделать там ценную работу.

Романтический «звон севера», который помогает человеку найти себя, уже давно не звучит в сердце Пири. Лейтенант стал заложником своих прошлых успехов и своих многочисленных неудач, заложником громогласно объявленных амбициозных задач, заложником богатых друзей и Америки, которая с надеждой наблюдает за непонятным и великим борцом с Арктикой. Пири стал рациональным рекордсменом.

Поход к полюсу начался 9 апреля 1900 года. Через месяц лейтенант достиг мыса Вашингтон, открытого 19 лет назад лейтенантом Локвудом. О счастье, севернее мыса простиралась земля! Пири пишет:

Теперь я знал, что мыс Вашингтон не является самой северной точкой Гренландии, как я боялся раньше. Для меня было бы большим разочарованием, продвинувшись так далеко, обнаружить, что кто-то опередил меня и первым увидел желанную, самую северную точку.

⁸⁹ Координаты мыса Хекла 82°53' с. ш., 64°40' з. д.

⁹⁰ Так инуиты называют Северный полюс.

Следуя линии берега, через четыре дня, 13 мая 1900 года, гигант Пири зафиксировал захватывающую дух точку, которая получила имя главного мецената Морриса Джесупа⁹¹.

С таким эксклюзивным трофеем можно было возвращаться, считая задачу сезона выполненной, но лейтенант решил ступить на лед океана, на тот пока неизвестный ему лед, по которому лежит путь к Северному полюсу. Книга Пири:

...мы двинулись к северу по паковому льду и поставили лагерь в нескольких милях от земли.

Два последующих перехода были сделаны в густом тумане, сквозь который мы шли ощупью на север по битому льду и через гигантские, похожие на волны, наносы плотного снега. Еще один марш⁹² мы прошли при ясной погоде по ужасному участку, состоявшему из кусков старых льдин, гребней из тяжелого льда высотой от 25 до 50 футов⁹³, трещин и ям, замаскированных снегом; все это было испещрено узкими каналами открытой воды. Этот переход привел нас в 5 часов утра 16 мая к северному окончанию фрагмента многолетней льдины, окруженной водой. Осмотр с вершины льдины высотой около 50 футов показал, что мы на краю распавшегося пакового льда, с плотным водяным небом⁹⁴ не так далеко от нас.

Дневник Пири:

Сегодня я несколько раз ударился ногами о скрытые куски льда. Боль была такой сильной, что меня затопило, а в глазах потемнело. Два особенно сильных удара по плохо защищенному носку правой ступни заставили меня думать о возможном повреждении костей.

С этой стоической записью соседствуют слова:

Высокие широты подождут до следующей весны, потому что в списке я и так, бесспорно, второй⁹⁵.

Один из биографов Пири назвал километры, пройденные отрядом по океанскому льду, исторически важными для Пири. Да, для лейтенанта, что и говорить, это было полезно. Его кругозор расширился. Однако кругозор человечества не расширился ни на йоту, ибо уже десятки, если не сотни, людей испробовали под ногами эту странную, движущуюся поверхность полярного океана.

Впрочем, нет. Пири ведь не дотянул до «живых», дрейфующих полей. Он шел по припаю. Он говорит о трещинах, о каналах с открытой водой, о заснеженных торосах высотой до 15 метров. Все это – трудные препятствия, но... на неподвижном льду, который крепко «припаян» к берегу.

Упрямый, великолепный Пири продолжил движение на восток и 20 мая достиг точки чуть южнее 83° с. ш. Отсюда он, по его словам, разглядел пик, нанесенный им на карту в 1895 году под названием гора Вистар. Через 8 лет после «открытия» несуществующего канала Пири лейтенант «положил в карман» красивую победу: доказательство того, что Гренландия – остров.

---

⁹¹ На современной карте – мыс Моррис-Джесуп.

⁹² Марш – смещение за один день.

⁹³ От 7,6 до 15 метров.

⁹⁴ Низкие темные полосы на небе над открытой водой.

⁹⁵ Пири имеет в виду список, который возглавил Нансен, установивший рекорд продвижения человека на север – 86°14' с. ш. Вторым результатом у Пири: 83°50'. (Широта мыса Моррис-Джесуп 83°40', по подсчетам лейтенанта, от этого места он продвинулся на север на 10 миль, то есть достиг широты 83°50'.) Джеймс Локвуд в списке третий с широтой 83°24'.

В гурии, сложенном из камней, исследователь оставил записку, в которой упомянул Арктический клуб Пири, назвав поименно его членов. Каких-либо добрых слов о Грили и Локвуде, предшественниках и соотечественниках, сказано не было.

10 июня 1900 года открыватель островного положения Гренландии вернулся в Конгер. Книга Робинсона: «Мэтт тихим шагом осторожно подошел к закутанной в меха фигуре, сидящей в санях. Он наклонился, подхватил Пири под руку и постарался помочь ему встать на ноги...

Стряхнув руку Мэтта, Пири с трудом поднялся. Он ощутимо качался из стороны в сторону, хотя расправил плечи и гордо поднял голову.

“Ты не доживешь до того дня, когда со мной можно будет обращаться как с беспомощным калекой”, – сказал он высокомерно и, шатаясь, как пьяный, направился к дому. Когда он добрался до дверного проема, его высокая фигура покачнулась, и он споткнулся. Мэтт схватил его руку, чтобы поддержать, в то время как он старался восстановить равновесие».

Следующие 10 месяцев Пири провел в форте Конгер. Зимой членов отряда поразила цинга: симптомы болезни наблюдались у Пири, скверно чувствовал себя Хенсон. Роберт Брайс, рассказывая об этих черных месяцах Пири, отмечает роль доктора Дедрика, который, оставаясь самым сильным в отряде, проявил себя хорошим врачом и мужественным охотником.

Дома, в Америке, в этом году произошли печальные события. Про них Пири известили в письмах, но прочел он горестные страницы лишь следующим летом.

Весть от Джо: «Наша дорогая малышка, которую ты так и не увидел, ушла от меня 7 августа 1899 года в возрасте семи месяцев. Она болела всего несколько дней, но болезнь крепко вцепилась в ее маленькую головку, и мы не могли ничего сделать... Я уже никогда не буду чувствовать себя как прежде, потому что часть меня ушла в маленькую могилку».

Мэттью Хенсон

В ноябре 1900 года умерла мать Пири. Об этом рассказала кузина: «В одно из ее “просветлений” [незадолго до смерти] я спросила ее, знает ли она, что сильно больна, на что она ответила “Нет”. Я рассказала ей о болезни и сказала, чтобы она постаралась поправиться ради нас, но она ответила, что выздоравливать не хочет. Я спросила ее, разве она предпочитает умереть, и в ответ услышала “Да”... Уверена, что за несколько недель до своего ухода она почувствовала, что тебя уже нет, и думаю, что в это время жизнь перестала ее интересовать...»

И в том же 1900 году, в августе, в 250 милях к югу от жилия Пири разыгралась жестокая драма, будто поставленная неким недобрым мастером.

Алекасина⁹⁶

Преданная Джозефина, узнав от Бриджмена о состоянии Пири, взяла с собой Мэри и направилась на «Виндворде» на Север с твердым намерением увезти мужа из этого страшного мира.

Лейтенант не подозревал, что Джо находится так близко. Между тем на борт «Виндворда» поднялась юная инуитская женщина, гордящаяся тем, что она жена Пири, и тем, что в руках она держит его сына, которому всего несколько месяцев.

В Гренландии во время зимовки миссис Пири со страхом и негодованием насмотрелась на многое. В жаркой комнате местные женщины «снимали всю свою одежду, за исключением ожерелий... с таким беспечным видом, как будто в комнате больше никого, кроме них, не было». Инуит, приехавший в новое селение без жены, получал в свое распоряжение жену хозяйки на иглу, в котором остановился. Если он привозил с собой собственную женщину, то, как «с очевидным отвращением Джо пометила в дневнике, “они [гость и хозяин] менялись на время визита”». Джозефина называла инуитов «самыми странными и грязными личностями» и с дрожью вспоминала, как Иква, первый гость в Доме Красной Скалы, обнял ее за талию и Куку пришлось объяснять, что у белых людей другие обычаи.

И вот ужас!.. В то время, когда Бог забрал ее младшую дочь, Роберт, опора, несравненный, безгранично любимый муж, спал с инуитской женщиной. Новая боль обрушилась на многострадальную миссис Пири, и она написала мужу письмо на 26 страницах: «Сегодня меня одолевают такие чувства, как будто мне не стоит видеть тебя в этом году, а лучше изложить на бумаге все, о чем я надеялась поговорить с тобой... Ты будешь удивлен и, вероятно, даже раздосадован, когда узнаешь, что я прибыла на корабль... но, поверь, если бы я знала, как у тебя обстоят здесь дела, то не стала бы приезжать».

Брайс (в книге) и Харпер (в газетной статье) сокрушаются, что это письмо Джо находится в частной коллекции. Первый дает лишь короткий абзац из него (см. конец главы), второй пересказывает содержание письма и приводит из него несколько отрывков:

«...не вдаваясь в подробности того, что она узнала о его личной жизни, она посвятила следующие две страницы деловым и финансовым вопросам.

На странице 5, наконец, она пишет о том, что разбило ее сердце:

“Я позаботилась об Алакасингве⁹⁷ и твоим сыне и позволила им быть в каюте вместе с Мэри. Это большая уступка с моей стороны... Меня как будто пронзили ножом, когда я услышала, как она рассказывала Мэри все о тебе... Только подумать, что она была в твоих руках, что ты ее ласкал, она слышала твои страстные признания, я просто могу умереть при мысли... Мой муж, думал ли ты когда-нибудь о том, чем были для меня эти годы, с тех пор как я попрощалась с тобой? В течение этих лет ожидания я утешала себя... мыслью о том, что это было так же тяжело и для тебя и я должна *быть храброй ради тебя...* *Когда я приехала в Эта, то узнала, что ты даже не думал обо мне и существо, едва похожее на человека, имело власть над тобой и заставило тебя забыть все и думать только о нем. Моя любовь, почему я жива?”*

Затем Джозефина резко обрывает себя словами: “Ну хватит, я не собираюсь давать волю своим чувствам”. Она возвращается к обсуждению новостей с юга, которые могли бы заинтересовать его. И затем: “Ты, кто причинил мне больше боли, больше радости, больше огорчений и больше счастья, чем кто-либо другой в жизни. Я не могу оставить тебя. Не могу”.

⁹⁶ Aleqasina.

⁹⁷ Allakasingwah – вариант имени Алекасина.

Джозефина написала, что она сделает все, что в ее силах, чтобы продвинуть дело Пири, как только вернется на юг, но добавила: “У меня очень сильное чувство, что я никогда больше не увижу тебя. У меня были подобные ощущения все время, но я никогда не чувствовала это так отчетливо, как хороня своего ребенка и вот сейчас”.

31 августа Алекасины серьезно заболела. Джозефина провела день, ухаживая за своей соперницей, в то время как Мэри играла со своим сводным братом-инуитом. На следующий день, когда состояние Алекасины ухудшилось, Джозефина написала: “Я очень боюсь, что ты потеряешь свою «Алли»⁹⁸. Сегодня утром она являла собой печальное зрелище”. Все же Джозефина продолжала заботиться о ней и лечить, заметив: “Смею тебя заверить, я бы не стала этого делать, будь на ее месте кто-то другой, но я чувствовала, что делаю это для тебя”.

2 сентября Алекасину переместили в лагерь инуитов на берегу. Джозефина слышала, что у племени был обычай убивать младенцев в случае смерти их матери, и, беспокоясь о безопасности маленького Анаукака⁹⁹, она попросила... обеспечить его безопасность. Она приписала: “Я надеюсь – ради тебя, что эта женщина поправится”.

И здесь, на странице 26, письмо резко обрывается без подписи».

Уимс роняет фразу: «Женщина наивно хвасталась своими отношениями с Пириарксуа¹⁰⁰, не понимая громадных различий в моральных нормах». О да! Моральные нормы двух дам были совершенно различны, однако 17-летнюю Алекасину нам упрекнуть не в чем. И если уж говорить о моральных нормах, то, конечно, не женщин, а мужчин, и не мужчин вообще, а нашего героя – Роберта Пири.

Уимс приводит меморандум Пири, написанный им самому себе в октябре 1885 года. Роберту 29, до женитьбы 3 года, до Северо-Гренландской экспедиции 6 лет. Уимс гордится: два других биографа Пири – Грин и Хоббс – не знали о документе или не упомянули о нем.

Главная мысль документа: путь к славе лежит через Северный полюс. Пири с энтузиазмом создает систему аксиом, которая обеспечит ему достижение цели. Одна из них касается женщин:

Присутствие женщин – абсолютная необходимость для того, чтобы удовлетворить мужчин; кроме того, они – во многих отношениях настолько же способные, как и мужчины, и почти, если не полностью, равны им по силе и выносливости...

*Вся история попыток колонизации в условиях лишений и необыкновенных, не изведанных ранее опасностей показывает, что хотя в результате **может** быть неудача и при наличии женщин, но без них она случится **непрерывно**. Нужно слишком много требовать от мужской природы, чтобы ожидать от нее, что она реализуется в арктическом климате, выдерживая постоянные трудности, без хотя бы одной успокаивающей детали. Женское присутствие влечет за собой не просто бóльшую удовлетворенность. Оно, обеспечивая душевное и физическое здоровье, способно удерживать истинно мужские качества на высшем уровне, что необходимо.*

По поводу инуитской жены Пири Алекасины известно многое. Именно ее фотография была опубликована на странице 500 в книге Пири Northward over the ‘Great Ice’, издание 1898 года. Подпись под фотографией: «Мать тюленей (эскимосская легенда)». Миссис Пири при встрече, конечно, узнала Алекасину.

⁹⁸ Ally.

⁹⁹ Анаукака, у других авторов Анаукак и Анаукак.

¹⁰⁰ Pearyarqsua.

Херберт пишет: «Люди, которые были с Пири на Севере и, безусловно, все эскимосы хорошо знали и принимали тот факт, что Пири был очарован Алекасиной с тех пор, как впервые увидел во время своей первой зимы в Энниверсари-лодж, когда ей было около 10 лет. Описание их первой встречи сохранилось в черновых заметках, написанных характерной рукой Пири:

Когда я пришел, чтобы сделать этнологические фотографии семьи, то девочка, только начавшая развиваться в женщину, выказала крайнее нежелание фотографироваться, и только прямой приказ ее отца позволил мне достичь желаемого результата...

Он описал ее как “первую красавицу племени” в 1896 году, когда ей было только 13 лет, и было известно, что в 1898 году он проводил с ней время так же, как и ее муж Пиугаток¹⁰¹. Более того, она родила двух сыновей от Пири: первым в мае 1900 года появился Анаукак, а в мае – июне 1906 года родился Кале¹⁰²».

Харпер рассказывает, что «Пири... одалживая ее [Алекасину] у... Пиугатока, вознаграждал его гораздо щедрее, чем других охотников, под видом платы за его услуги как охотника и погонщика». Также «было известно, что он [Пири] был чрезвычайно ревнив, когда кто-то из других мужчин проявлял к ней интерес».

Мать тюленей (эскимосская легенда). Подпись из книги Р. Пири

Пири, делая предложение Джо, венчаясь с ней, не сообщил возлюбленной, что с неизбежностью (в соответствии с меморандумом) на его пути к Северному полюсу у него появятся одна или несколько полярных жен. Не известил он об этом и свою почитаемую и любимую маму, с которой так откровенно всем делился. Не знал, конечно, и Моррис Джесуп, стоящий, как помнит читатель, на страже христианской морали и общественной нравственности. Хер-

¹⁰¹ Piugaatok.

¹⁰² Kale, у других авторов Kali и Kaali.

берт по этому поводу замечает: «Но определенно Пири не мог позволить, чтобы его благочестивый бескомпромиссный друг и наставник Моррис Джесуп узнал о таких вещах, и, что примечательно, он никогда этого и не узнал»¹⁰³.

Фредерик Кук обрушивает на Пири свой праведный гнев. Широко известна его телеграмма президенту США Тафту, в которой покоритель Северного полюса весьма эмоционально протестует против того, что Пири уходит в отставку в чине контр-адмирала с выплатой высокой пенсии: «Подписывая законопроект о Пири, Вы оказываете почести человеку, чьи руки испачканы грехами. Он забрал деньги у наших невинных школьников¹⁰⁴, и я полагаю, что часть этих средств была использована для того, чтобы комфортабельно устроить жизнь своих арктических любовниц...

Сейчас на мрачном Севере есть по крайней мере два ребенка, которые нуждаются в хлебе, молоке и отце. Это – растущие свидетельства порочного характера Пири. И Вы поддерживаете это?

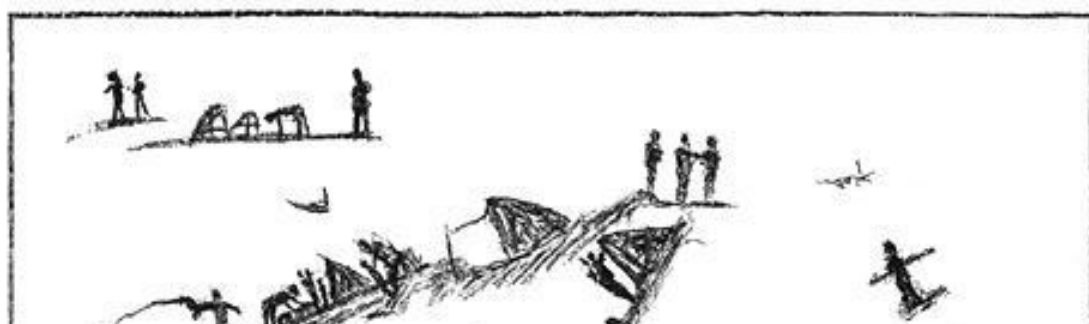
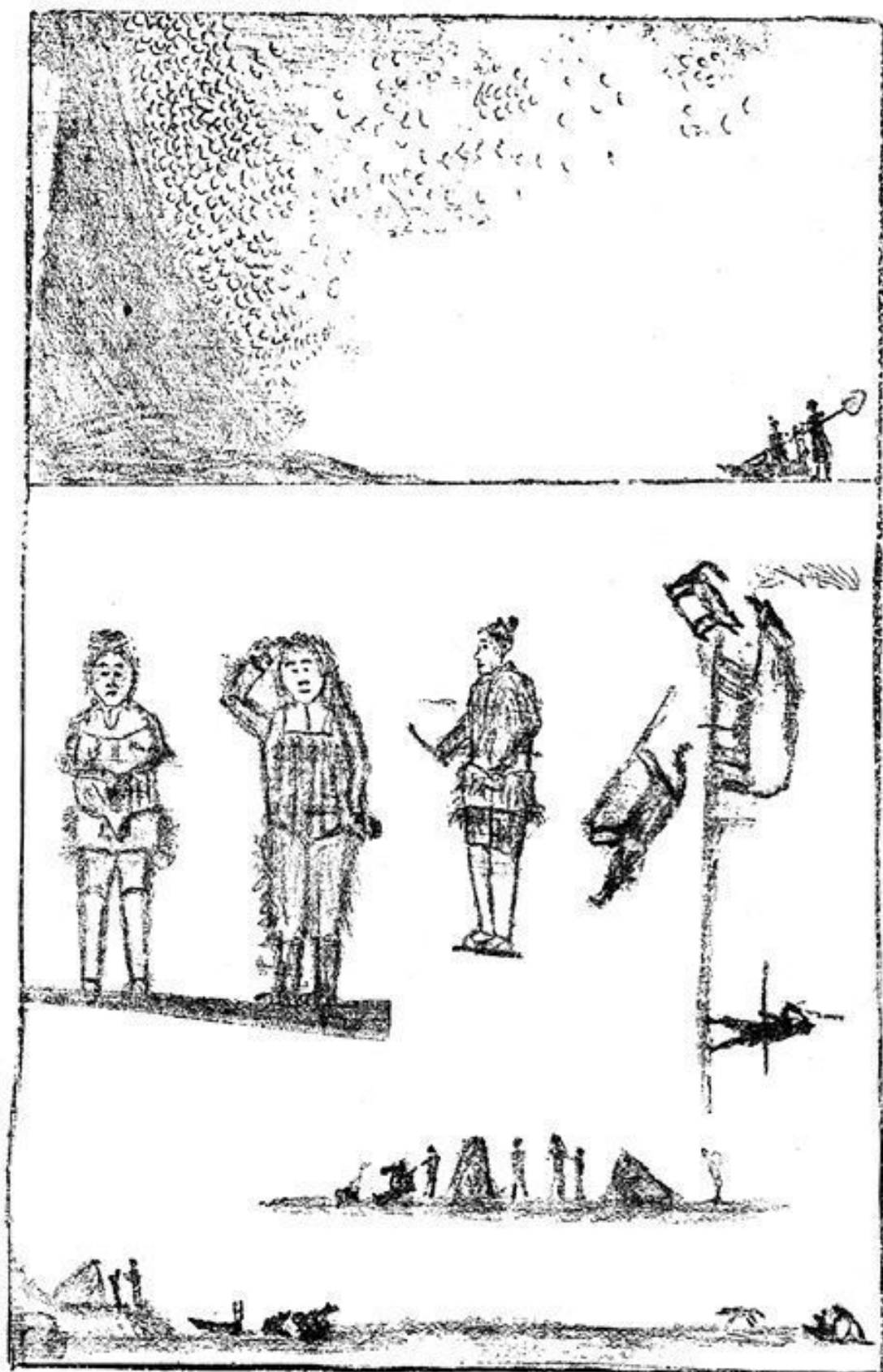
В этом законопроекте Вы оказываете почести тому, кто в поисках средств для законных исследований ходил с протянутой шляпой за легкими деньгами в течение 20 лет. На мой взгляд, большая часть этих денег была потрачена на продвижение прибыльной торговли мехами и бивнями, в то время как реальная попытка дойти до полюса откладывалась, по-видимому, с целью коммерческой выгоды. Таким образом, поглощенный пропагандой лицемерия, он опустился до аморальности и бесчестия...

Если Вы можете закрыть на все это глаза, то подписывайте законопроект о Пири».

---

¹⁰³ Двоеженство Пири получило огласку уже после смерти Джесупа в 1908 году.

¹⁰⁴ Кук имеет в виду, что, находясь в отпуске, Пири получал половину положенных ему денежных выплат.

Эскимосские рисунки (вверху).

Рисунок 14-летней эскимосской девочки. Работала около часа. Подписи из книги Р. Пири

В последующие годы семья Пири по поводу его двоеженства хранила молчание, друзья же полярника предпочитали считать обвинения в этом злонамеренной клеветой. Например, в книге «Гонка к Северному полюсу» (1960) Уимс пишет: «Что касается слухов относительно эскимосской жены Пири, то их пустил Кук. В своих лекциях доктор объявил также, что Пири оставил двух детей-эскимосов страдать на холодном севере, и в своей книге опубликовал фотографию эскимосской женщины и ребенка, подписав ее: “Полярная трагедия – брошенный ребенок Султана Севера и его мама”¹⁰⁵. Эту выдумку должны были подхватить многие другие».

Читая знатока гренландской жизни Малори, кстати, современника Уимса, легко разобраться, кто выдумывает – доктор Кук или биограф Пири: «По датским гражданским законам его официальное имя – Пири, он очень похож на своего отца. “Я никогда не получал никакой весточки от моего знаменитого отца, – сказал он. – Также я никогда не получал никаких денег. Все, что я имею от него, – это его фотография, которую я сам вырезал из журнала. И все же я помню его очень хорошо. Мы жили на его большом корабле вместе с моей мамой, и он хорошо относился к нам”.

Однако, как справедливо заметил Роулинс: «...честность оказалась не только самой достойной линией поведения, но и самой мудрой». И вот уже в новой биографии Пири Уимс, во-первых, цитирует меморандум Пири, а во-вторых, пересказывает трагическое знакомство Джозефины с Алекасиной на борту “Виндворда”».

Журнал National Geographic – главный современный защитник Пири – выбирает ту же «самую достойную линию поведения» и в 1988 году публикует статью Эдварда Пири Стаффорда (сына Мэри Пири Стаффорд) «Семья Пири».

«В возрасте 69 лет я... обнаружил, что моя семья в два раза больше, чем я предполагал. ...Пришло время установить личный контакт между двумя ветвями семьи Пири».

И Эдвард отправляется в Гренландию.

«Меня встречала делегация эскимосских Пири, – продолжает он, – возглавляемая Кали, его дочерью Паулиной и его внуком Робертом. Неожиданное теплое родственное чувство охватило меня, когда я стал пожимать их руки и смотреть им в глаза...»

Мне было грустно узнать, что Анаукак, первый эскимосский сын Пири... умер в 27 лет от болезни, описанной как “дырка в желудке”, – вероятно, за неимением более полного клинического описания, от перфорации язвы.

Кали, второй сын, намеревался дать своей дочери имя Мэри в честь моей матери, но во время ее рождения он был на охоте, и ее назвали Паулиной. Вернувшись, он исправил положение и назвал дочь Паулиной Мэри Пири...

Мне сказали, что брат Паулины, Питер Пири, пошел по стопам прародителя и стал здесь величайшим охотником и погонщиком собак, он единственный человек, кто дважды путешествовал до полюса на собачьей упряжке – с итальянской экспедицией в 1971 году и с японской в 1978 году...»

Безмерно гордясь своим дедом, Стаффорд чуть-чуть романтизирует историю: «Среди мучительного одиночества в ледяной темноте бесконечной зимы у моего деда появилось два сына с интервалом в 6 лет. Матерью обоих была молодая эскимосская женщина, чье имя – Алекасино – он как-то назвал “мелодичным” и чье лицо, по описанию Джозефины... как бы “освещалось двумя рядами зубов безупречной ровности и белизны” и было “безукоризненно красивым”».

---

¹⁰⁵ В книге Кука My Attainment of the Pole, издание 1913 года, фотография напротив с. 493.

Но он высказывает искреннее сочувствие своим бабушке и маме: «К тому времени, когда я достиг совершеннолетия, о существовании по крайней мере одного из этих сыновей было известно в семье. Но, по понятным причинам, этой теме избегали. Упоминания об этом вызывали явную боль у моей горячо любимой бабушки, и, пожалуй, еще большее огорчение они приносили моей матери».

Вернемся к письму Джозефины мужу от 28 августа 1900 года: «Ты подарил мне три года самого изысканного счастья, которое только может иметь человек. После этого счастье было поровну разделено с болью, а сейчас все – сплошная боль, за исключением памяти о том, что было».

«Виндворд» должен был уйти, и Джозефина Пири передала письмо для мужа. Но выход из гавани, где стояло судно, перегородил айсберг, и все остались в Гренландии на зиму.

Долгие холодные месяцы супруги провели на расстоянии менее 500–километров друг от друга. Она – на корабле со своим горем и со своей дочкой, он – в форте Конгер.

Глава 9. Второй поход к Северному полюсу. 1901 год

4 апреля, за день до выхода, Пири написал письмо маме, не зная, что ее нет в живых:

*...Не проходит и часа, не говоря уже о дне, чтобы я не скучал по тебе, Джо и моим детям. Я был очень глупым. Я понимаю это сейчас, когда уже слишком поздно. Я был **очень и очень** эгоистичным, и все же я знаю, что ты простила меня, ведь так часто ты была со мной и отводила от меня беду.*

Во время моего похода прошлой весной творились вещи, в которых, я знаю, принимала участие ты, и все же они кажутся мне настолько странными, что если бы мне о них рассказал кто-то другой, то я бы счел их невероятными.

Например, в трех случаях медведи проходили рядом со складами продовольствия, которые я заложил на обратный путь. Эти хранилища были очень важными для нашего возвращения, если не сказать жизненно важными. И медведи их не тронули! В другой раз медведь прошел прямо через тайник и все же не прикоснулся к нему. Однажды открытая вода, преграждавшая мне путь, замерзла, позволив мне пройти, а через 12 часов лед снова растаял.

Я часто вижу тебя в самых живых снах и знаю, что ты оберегаешь меня.

Меня не одолевают, мама, ни болезни, ни тревога, ни уныние. Но я стал старше и многое вижу более ясно.

Благослови и храни тебя Бог до моего возвращения...

А вот запись того же дня, адресованная Джо:

Огромную часть наших жизней мы провели вдали друг от друга – и ради чего. Только ради небольшой славы. Я бы обменял все это только на один день с тобой...

Уже через семь дней поход бесславно завершился – путешественники не достигли даже берега океана. Отчет Пири:

По прибытии в залив Линкольна мне стало очевидно, что такое состояние людей и собак может свести на нет возможность достижения Северного полюса, и я скрепя сердце повернул назад.

Робинсон нарисовал безрадостную вылазку по-другому: «Мэтт пробивал путь через глубокий мягкий снег, а Пири шел за ним странной, но стремительной, шаркающей походкой... Пири замедлил шаг и, наконец, силы покинули его.

“Бесполезно, Мэтт, – сказал он мрачно. – Это мои ноги. Если мы облегчим сани... чтобы я мог ехать в них, то у нас мгновенно кончатся запасы пищи”».

Перед нами словно три разных портрета Пири. Фон один и тот же: беспредельные ледяные пространства, низкое солнце, завихрения белесой поземки, собаки, сани, люди, закутанные в меха. Могучая фигура Пири на переднем плане.

1892 год. В руках Пири вымпел, сшитый миссис Пири. Лейтенант полон энергии, неутомим, одухотворен, ему 36. Он широко и твердо шагает впереди своих молодых коллег: Кука, Джибсона, Аструпа.

1895 год. В глазах изможденного Пири сумасшедшая храбрость и отчаяние сильного человека, теряющего веру в себя. Он надеется, по словам Ли, «покончить со всем, упав в одну из трещин».

1901 год. Полярному герою 45. После ампутации пальцев на ногах он не прошел необходимую реабилитацию. Он шагает «странной, но стремительной, шаркающей походкой», быстро устает и обречен ехать в нартах. Кажется, что звезда Пири угасает. Из пяти лет, отведенных на взятие полюса, потрачены четыре, и очевидно, что ни сил, ни времени на главный поход нет. Лейтенант по-прежнему не знает, как идти к Большому гвоздю. Нансен знал, Пири – не знает. Он не может рассчитать скорость движения своего отряда по дрейфующему льду и, следовательно, не представляет себе, сколько нужно снаряжения, продуктов питания, саней и собак.

На следующий день после возвращения в форт Конгер отношения Пири и Дедрика были бесповоротно разорваны. Роберт Брайс, исследуя документы Пири и дневник Дедрика, проливает свет на причины конфликта.

Первоначально ничто не предвещало раздора. В письме жене от 27 августа 1899 года Пири говорит о Дедрике более чем дружелюбно:

Доктор – преданный, трудолюбивый человек, некоторыми чертами характера похожий на Вергоева: никогда не признается в том, что замерз, или голоден, или устал, и с тем же упрямым упорством завершит то дело, которое начал. У него есть большой недостаток – он медлительнее, чем божий гнев (гораздо медлительнее); ему не хватает естественных мастерских способностей, чтобы забить гвоздь. Впрочем, он учится этому.

А вот отзыв о докторе, так сказать, извне, из книги Свердруп: «Доктор Дедрик... выглядел лет на 35. Он был хорошо сложен, среднего роста, одет как эскимос: брюки из медвежьего меха и анорак из оленьей шкуры, он много не говорил, но был очень любезен... Во время охоты он совершил удивительный, достойный восхищения поступок. В долине... они набрели на стадо мускусных быков. После нескольких выстрелов по стаду некоторые животные остались на ногах. Тогда доктор схватил свой нож и бросился в атаку...»

Накануне отъезда на Север лейтенант сообщил в Арктический клуб Пири:

Его работа, профессиональная, в качестве охотника и в других областях, была очень ценной.

Если бы экспедиция заканчивалась сегодня, то я без всяких сомнений заплатил бы ему премию, указанную в нашем с ним контракте, заключенном в августе 1898 года.

Тогда же на бумагу легли слова, адресованные самому доктору:

Я полностью доверяю вашему опыту и благоразумию.

В случае если Пири не вернется, Дедрик назначался руководителем лагеря. Брайс, правда, обращает внимание на то, что в записях Пири этих дней сквозит мотив прощания с жизнью. Поэтому, возможно, сказанное о Дедрике и Дедрику – лишь красивые слова, написанные для потомков.

Причиной разлада, по-видимому, стал откровенный протест Дедрика против доклада Пири боссам, написанного после возвращения в Конгер, который должны были взять с собой китобои, уходящие на юг: «“Все хорошо”. Дедрик поправил: “Все хорошо у тех, кто не болен”. Доктор Дедрик хотел сам отправиться на север; Пири не разрешил, и Дедрик отказался от должности».

Роберт Брайс: «Пири тщательно скопировал пространное заявление Дедрика об отставке от 13 апреля 1901 года. Отрывок, говорящий о желании Пири монополизировать результаты экспедиционной работы, выглядит особенно разоблачающим:

“...Судя по Вашей позиции, самовозвеличивание должно сопровождать все Ваши дела...»

Никогда я не буду иметь ничего общего на официальном уровне с такой экспедицией... Даже Ваше вероятное старание лишить меня [премии] не помешает мне защищать свое достоинство и клеймить Вашу экспедицию.

Вполне достаточно и того, что все члены отряда этой весной страдали от ранней стадии цинги (Хенсон – бесспорно) из-за Вашего плохого руководства, Вашей любви к удовольствиям и частным покоем... Ваше эго пронизывает даже процесс охоты...”

Пири был не только возмущен этим подрывом своего авторитета, но и, возможно, испугался, что Дедрик раскроет секреты его лагеря и попытается погубить его репутацию. И Пири резко обрушился на Дедрика, написав длинную докладную записку, где подробно изложил все недостатки доктора, включая

*серьезную склонность к мании величия,
беспокойство по поводу малейшего физического недомогания у самого
себя и у других,
не соответствующую профессиональной этике болтливость,
крайне преувеличенное представление о своей собственной значимости».*

30 апреля Пири встретил отряд охотников, передавших ему почту, включая письмо Джозефины, написанное на борту «Виндворда» в августе прошлого года. Мир рушился: умерла дочь, сам он так виноват перед Джо. Впрочем, мы не знаем, чувствовал ли Пири себя виноватым. Его связь с Алекасиной в ближайшие годы не прервется. Письмо, которое Пири держал в руках, жена написала в прошлом году – корабль, конечно, давно ушел. «Нет, – сказали ему охотники. – Судно зажато льдами и стоит на мысе». «Он [Пири] медлил и несколько дней пребывал в нерешительности... прежде чем пойти на корабль».

Между тем в Нью-Йорке царил переполох: от Пири не было известий, и миссис Пири с дочерью на «Виндворде» тоже не вернулись. Весной 1901 года Бриджмен возглавил спасательную экспедицию и пригласил на роль своего заместителя Фредерика Кука, ценя его как врача, опытного полярного путешественника и, кроме того, считая другом Пири. Но Кук был полон сомнений. На севере среди льдов уже стояло судно с миссис Пири и ее дочуркой на борту. Кук не считал, что Пири или его семье угрожает опасность. Незваную помощь лейтенант мог воспринять болезненно, и кто знает, не станет ли для него дополнительным испытанием именно появление доктора Кука, о ком только вчера Пири говорил «мой врач» и кто теперь, будучи абсолютно независим, пребывал в высоком статусе единственного американца, зимовавшего и в Арктике, и в Антарктике¹⁰⁶.

В конце концов профессиональный долг перевесил, и доктор Кук согласился помочь Бриджмену, но отказался от гонорара. Он взял в поход собственное полярное снаряжение и сам оплатил свои экспедиционные расходы. Бриджмен заверил Кука, что «результат вашей индивидуальной работы будет принадлежать вам».

Спасательный отряд Бриджмена – Кука на судне «Эрик» достиг поселка Эта, где стоял «Виндворд». Семья Пири встретила гостей со сдержанной вежливостью. Лейтенанту нечем было гордиться, и он плохо себя чувствовал. Только благодаря настойчивым просьбам миссис Пири и Бриджмена он разрешил доктору осмотреть себя.

В неопубликованной книге Кука приведены результаты осмотра: «Рост Пири 6 футов 4 дюйма... вес – нормальный, развитие мускулатуры неравномерное. Мышцы рук и грудной клетки в хорошем состоянии, но ноги слабы. Ступни изувечены старыми язвами, результатом многократного обморожения. Восемь пальцев ног ампутированы, вместо них болезненные обрубки, не желающие заживать. На лице отсутствовало нормальное выражение, взгляд отрешенный, нездоровый вишнево-коричневый цвет лица. Кожа на теле бледная, грубая, висела

¹⁰⁶ В 1897–1898 годах доктор Кук в должности врача участвовал в бельгийской антарктической экспедиции на судне «Бельжика».

мешковатыми складками. Цвет кожи был ужасным, не коричневая, как на лице, а серо-зеленая с желтоватым оттенком. Весь внешний облик соответствовал человеку, страдающему болезнью.

При повторном исследовании в моче обнаружилось немного сахара и белок, но не в таком большом количестве, чтобы подозревать сахарный диабет или воспаление почек. Пульс нерегулярный и поднимался слишком быстро даже при легких физических нагрузках. Патологического изменения клапанов не наблюдалось. Артерии были плотными, свидетельствующими о прогрессирующей органической дегенерации в ближайшем будущем. На обеих ногах наблюдалось серьезное варикозное расширение вен и характерное вздутие малых вен на других частях тела. Физическое расстройство, на которое указывало общее состояние организма, можно было объяснить только ярко выраженной и сильной анемией.

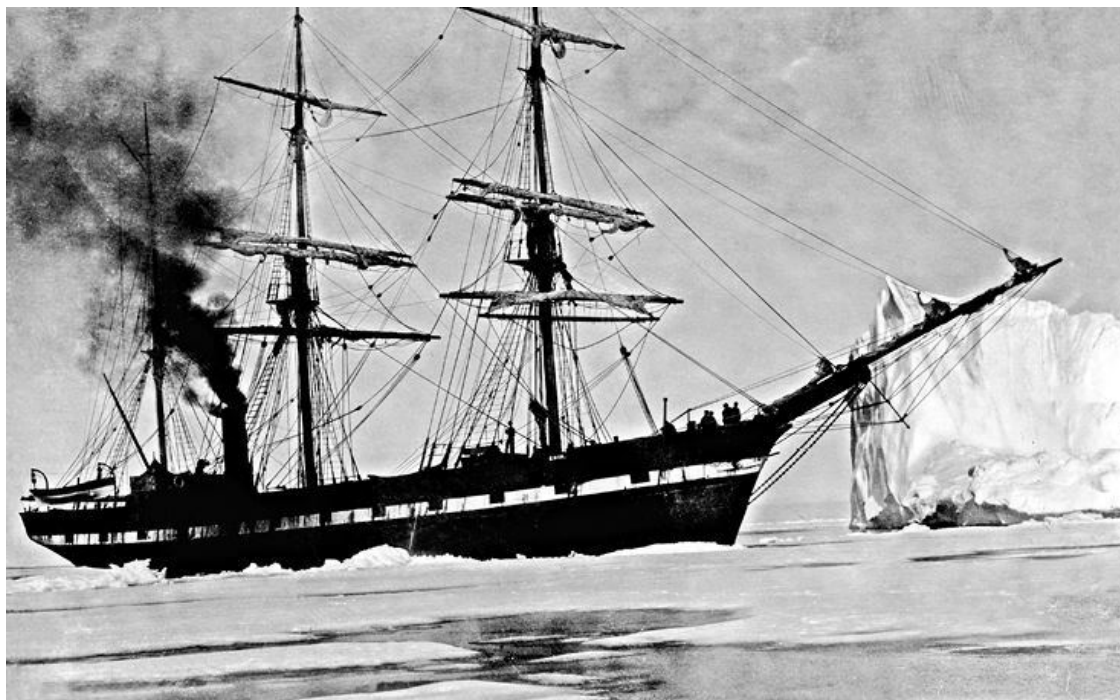
Все чувства Пири притупились. У кожи отсутствовала быстрая реакция, характерная для здорового человека. Глаза тусклые. Были жалобы на прогрессирующую куриную слепоту. Также наблюдалось постоянное воспаление не только глазного яблока, но и окружающих мягких тканей. Зубы были в плохом состоянии, с кариесом и пародонтитом. В деснах присутствовали симптомы, предвещающие цингу. Слизистые оболочки носа и горла были слегка подвержены атрофии. Желудочно-кишечный тракт неизменно отказывался функционировать нормально».

Далее Кук пишет: «...когда Пири предстал передо мной, чтобы пройти медицинский осмотр, все признаки вреда, нанесенного ему долговременным использованием консервированной пищи, были хорошо заметны. Я сказал ему об этом так убедительно, как только мог: “Сырое мясо стоит между вами и вашей будущей работой. Сырое мясо между вами и смертью. Неужели вы ничему не научились за 10 лет? Ваше нынешнее состояние напрямую связано с долгим потреблением консервов из банок. Вы можете понять это?”»

Доктор Кук рекомендовал Пири вернуться в Соединенные Штаты и основательно подлечиться. Джо поддерживала медицинские доводы, но Пири был непреклонен: он останется здесь, пока не закончится его отпуск. Столь же категорически он потребовал, чтобы доктор Дедрик вернулся в Америку.

В письменной форме он приказал Дедрику сдать дневники, списки добытых животных, медицинское имущество. После этого Пири обещал:

...я дам поручение Клубу выплатить Вам премию в размере 50 долларов в месяц, что оговорено в нашем контракте, за добросовестную работу.

«Эрик». Фото Фредерика Кука

Хирург, который жил на берегу в каменной хижине, уезжать отказался. В письме Пири он мотивировал свою позицию: «Я никогда добровольно не лишу Вас возможности получить от меня медицинскую или какую-либо иную помощь, пока вы находитесь в Арктике. Если мне нельзя остаться в вашей команде, то можете рассчитывать, что я буду на берегу в ближайшей возможной точке от Вас, где я смогу самостоятельно поддерживать свое существование. Выплата моего жалования, конечно, прекращается с этого дня. Пожалуйста, напишите распоряжение в Арктический клуб Пири, чтобы мне была выдана вся моя законная зарплата в размере 1800 долларов в год. Я буду воздерживаться от того, чтобы делать какие-либо частные или публичные комментарии относительно той цепи событий, которая привела к разрыву наших отношений, пока мы не вернемся в США, где я выступлю с оправданием своей линии поведения ради моей семьи и моей чести, если сочту это необходимым».

По просьбе Пири Кук и пассажир «Эрика» Кларенс Викофф¹⁰⁷ сошли на берег, чтобы уговорить Дедрика возвратиться в Америку. Он решительно возражал. Переговоры были продолжены на корабле с Бриджменом, пригрозившим доктору, что ему «не дадут ни унции еды с этого корабля». Позже Дедрик добавил: «... Также было сказано, что премия в размере 1800 долларов, которая была мне обещана, аннулируется».

Бриджмен в специальном меморандуме зафиксировал ход событий: «Он [Дедрик] решительно утверждал, отвечая на мои расспросы, что он... не предпримет никаких действий, которые могли бы ослабить влияние Пири среди местных жителей, и он не будет предпринимать попыток посетить мыс Сабин или штаб мистера Пири, если только тот сам не пошлет за ним...»

Встреча завершилась в штурманской рубке в присутствии доктора Кука и мистера Викоффа; первый настойчиво убеждал доктора Дедрика, что еще одна зима в Арктике может иметь для него серьезные последствия, особенно для его психического состояния. Доктор Дедрик посмеялся над этим и заявил, что он не только полностью знает все о собственном состоянии, но и способен хорошо позаботиться о себе во всех отношениях. На этом наши попытки и весь разговор закончились».

¹⁰⁷ Бизнесмен, член Арктического клуба Пири.

Смелый доктор покинул корабль с новой винтовкой, патронами, меховой одеждой, продуктами и семью кусками хозяйственного мыла из личных запасов доктора Кука и Кларенса Викоффа. Фредерик Кук высказывает мнение, что Дедрик «остался в Эта... ради поддержания своей репутации врача».

Брайс продолжает психологические исследования: «В течение зимы 1901 года Пири начал писать докладную записку в третьем лице, угрожая судебным процессом:

Мы также берем на себя смелость сказать, что уполномочены нашим клиентом командиром Пири известить Вас, что он обратился с вопросом о Вашей недавней публикации, касающейся медицинских тайн, которые Вы узнали в ходе работы в качестве врача в экспедиции, к авторитетным специалистам в области медицины и юриспруденции и, действуя на основании их рекомендаций, выдвинул официальные обвинения против Вас как врача и человека.

Вероятно, это то, чего Пири боялся больше всего: Дедрик раскроет ухудшение состояние его здоровья, последнее же никоим образом не совместимо с гигантскими физическими нагрузками, которые надо вынести, чтобы достичь Северного полюса.

В своем дневнике Дедрик раскрыл тайну, мучившую его. Положение доктора можно резюмировать в эпиграфе, который он нацарапал в дневнике в 1900 году: “*La glorie des méchants ne dure pas, mais la paix intérieure des bons est permanente*” (“Триумф злодеев не длится долго, но спокойствие духа доброго человека – постоянно”). Дедрика мучила совесть. В ужасном одиночестве форта Конгер он, как и Пири, искал утешения у местной женщины, но, очевидно, в отличие от Пири, раскаивался в своей неверности. Возможно, решение остаться на Севере было его средством искупить вину за то, что он считал своими грехами... После расставания с Пири он сказал, что почувствовал, как “лучшая сторона его души” возродилась вновь, и надеялся на то, что его пребывание на Севере каким-то образом компенсирует его моральные преступления».

Но вернемся к Пири. «Виндворд» с миссис Пири и Мэри отправился домой, а «Эрик» пересек пролив Смита и высадил командира, Хенсона и эскимосов на мыс Сабин, выбранный Пири местом зимовки.

Дневник Пири:

8 сентября... Мысли об уходе матери не покидают меня. И днем, и ночью, и утром, и вечером перед моими глазами предстают воспоминания о тех сценах, о том времени и о тех местах, которые связаны с ней. Вслед за ними приходит мысль о том, что это уже никогда не повторится...

Доктор Томас Дедрик

5 октября. Прошлой ночью мне приснился странный сон о том, как «Виндворд» льдами выбросило на скалы. Корабль разломился на две части и сразу же затонул. При этом Джо и Мэри остались в каюте, а я стоял на льду.

29 октября. Едва ли могу себе представить, что существует мир... отличный от этого «карцера». Ах, Джо и Мэри, было ли преступной глупостью с моей стороны остаться? Неужели в самом деле я не увижу вас больше?

Между тем среди инуитов началась эпидемия. Люди умирали, причиняя лейтенанту физиологический дискомфорт. Несчастный Пири призывает себя быть твердым и живет воспоминаниями:

29 октября. Очень тяжелая ночь. Сауне сильно бредила, практически постоянно бормотала, кричала, дралась и пачкала свое ложе. Почти самая плохая ночь, что я пережил. Из-за того, что меня всю ночь тошнило, утром я чувствовал себя немного ослабленным...

5 ноября. Состояние Мэтта и Ангмалоктока постоянно улучшается. Пообла и Сауне слабее, но стойко сопротивляются.

Теперь я должен вести записи каждый день, мне следует быть решительным, невзирая на обстановку; но я не могу настроить себя на

работу, когда верные люди, которые работали, жили и путешествовали со мной в течение трех лет, умирают вокруг меня, цепляются за меня руками, следят за мною взглядом, молча умоляют меня уберечь их от пугающего странствия к Богу.

Прогуливался по местам, где мы с Джо и Мэри были такими счастливыми. Сейчас это кажется настолько далеким...

Корабль прибудет сюда через девять месяцев.

6 ноября. Прошел год со дня смерти матери. Как будет все отличаться, когда я вернусь. Всю прошедшую неделю я вспоминал места моей молодости... Эх, мама, мама.

17 ноября. ...Кардасу снова бредил после полудня...

Только эти злоключения или моя собственная болезнь смогут удержать меня от первоначальных планов. Если так случится, это встанет в ряд с другими происшествиями за последние несколько лет. Время покажет.

19 ноября. ...Снова я соорудил должную могилу, притащил туда тело и совершил обряд погребения вместе с женой Ангмалоктока. Это лишило меня аппетита на весь день.

Снова туземцы фактически бесполезны на четыре дня¹⁰⁸.

Каждая из этих смертей наполняет меня грустной мыслью, что мама ушла, когда меня не было рядом. Если бы я был там, я смог бы обнять ее перед смертью.

Я не могу осознать, что ее действительно больше нет.

30 ноября. Сегодня последний день самой тоскливой осени. Как было бы приятно провести год с Джо и Мэри, путешествуя по всем столицам мира. Мечты, лишь мечты.

Еще в октябре через инуитов Пири передал Дедрику письмо:

Если у меня будут основания подозревать, что Вы каким-либо образом, напрямую или косвенно, попытаетесь противодействовать интересам экспедиции или посягнуть на любые из моих запасов, я буду считать себя вправе принять эффективные меры по предотвращению этого.

В ответ сочувливый и благородный Дедрик предлагал свою медицинскую помощь. Он сообщил, что готов жить не в доме лейтенанта, а поблизости, но Пири не хотел видеть и слышать Дедрика.

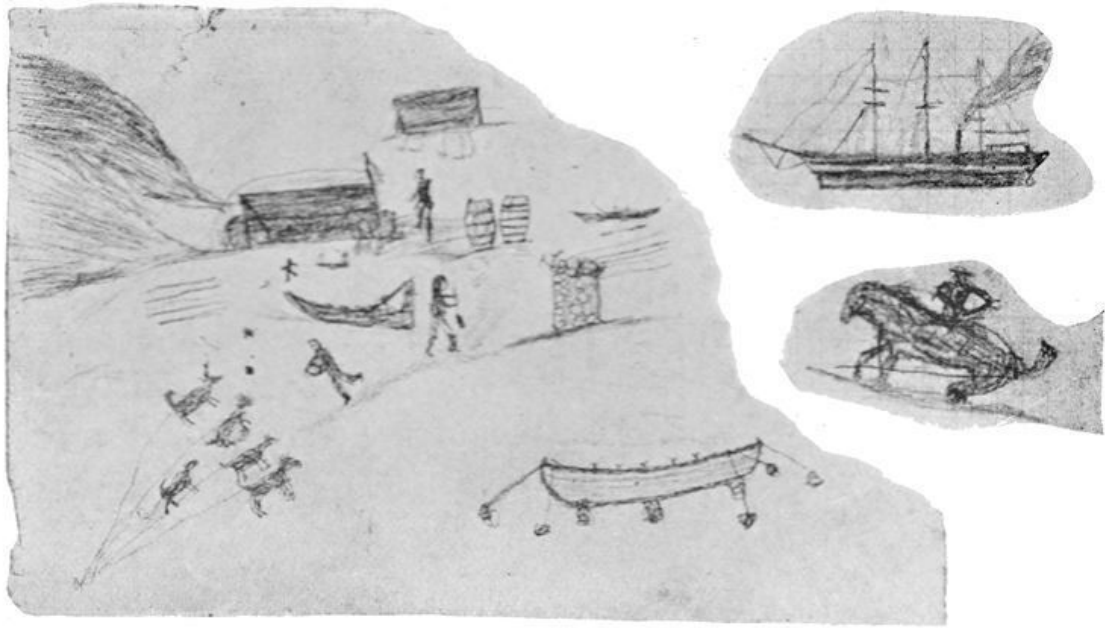
5 марта Пири написал Джо:

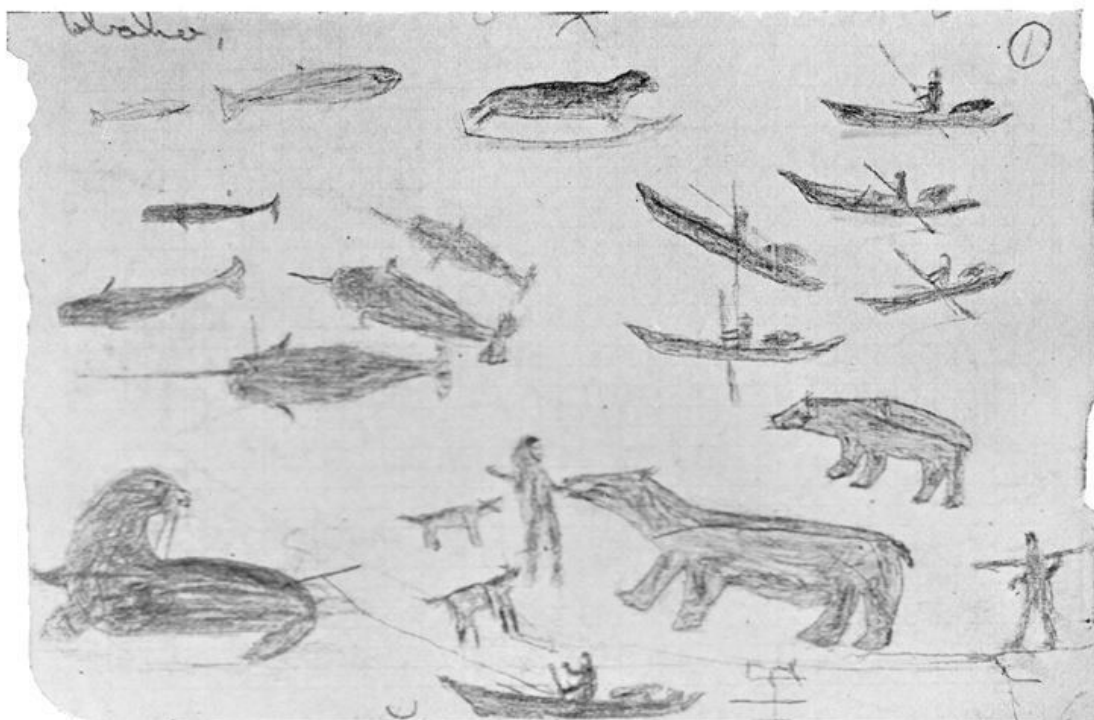
Этот нахал притащился с другой стороны, как только лед стал прочнее (6 января), желая выполнять любую работу для экспедиции. Я объяснил ему очень доходчиво, что вопрос закрыт, и как только он собрал свои вещи, я прогнал его ко всем чертям. Он писал снова, но я не обращал внимания на его письма. Он не создавал никаких неприятностей и не был способен каким-либо образом навредить.

Волею судеб ровно через 8 лет у могил инуитов на мысе Сабин склонил голову Фредерик Кук. Он пишет: «С чувством скорби открыл я одну из самых мрачных страниц арктической истории. Когда в 1901 году пароход “Эрик” повернул обратно, много эскимосов осталось с Пири на мысе Сабин. Вскоре все они заболели... Там не было ни медикаментов, ни врача. Доктор Т. Дедрик, который преданно служил мистеру Пири, был уволен... Однако Дедрик

¹⁰⁸ Четыре дня – время траура у инуитов, в течение которого они не покидают жилище после смерти родственника.

отказался возвращаться домой, чтобы не оставить экспедицию без медицинской помощи. Он остался в Эта, проживая с эскимосами в подземном жилище, пожертвовав домашним комфортом и личными интересами... Когда наступила зима, доктор Дедрик получил известие об эпидемии и о том, что эскимосам нужна медицинская помощь. Полярной ночью, в шторм он пересек полный опасностей пролив Смита, предложил Пири свою помощь для того, чтобы спасти эскимосов. Пири запретил Дедрику даже пытаться лечить больных людей... Дедрик жил без цивилизованной пищи, он сам был нездоров после ужасного путешествия через штормовое море и льды. Прежде чем пуститься в обратный путь, он попросил немного кофе, сахара и галет. Пири отказал ему и в этом. Доктор Дедрик вернулся. Туземцы умерли от боли и лихорадки».

Рисунки инуитов – спутников Пири

Есть три комментария на тему гибели инуитов.

Книга Пири:

...мои эскимосы начали болеть, и к 19 ноября шесть из них умерли.

Хоббс: «Так как его врач уехал, Пири был не в состоянии справиться с эпидемией, хотя он делал все возможное».

Грин: «Пири не мог ничего сделать. Не было доктора, врач экспедиции уехал домой».

Глава 10. Третий поход к Северному полюсу. 1902 год

Начав движение 13 февраля, Пири, Хенсон и три инуита 21 апреля достигли $84^{\circ}17'$ с. ш. Лейтенант улучшил собственный рекорд проникновения человека на север в Западном полушарии. До планетарной отметки Нансена осталось 117 миль.

Автор книги думает, что это – лучшее достижение Пири в полярном океане. Путешествие всамделишнее, отчет о нем не затуманен недомолвками, известны даты, расстояния, скорость, в нем присутствует непосредственность, природа диктует Пири свои правила, к полюсу идет обыкновенный человек, не взваливший на свои плечи поручение президента Соединенных Штатов, не наперсник божественной воли, а ведь именно так через несколько лет представит свою северную миссию Роберт Пири. Да, следующие путешествия – в 1906 и 1909 годах – будут совсем другими. Они будут погружены в метафизику, в рассказе о них будет царить заданность, Пири будет словно исправлять природу, цитируя свои унылые, выдуманные дневниковые записи.

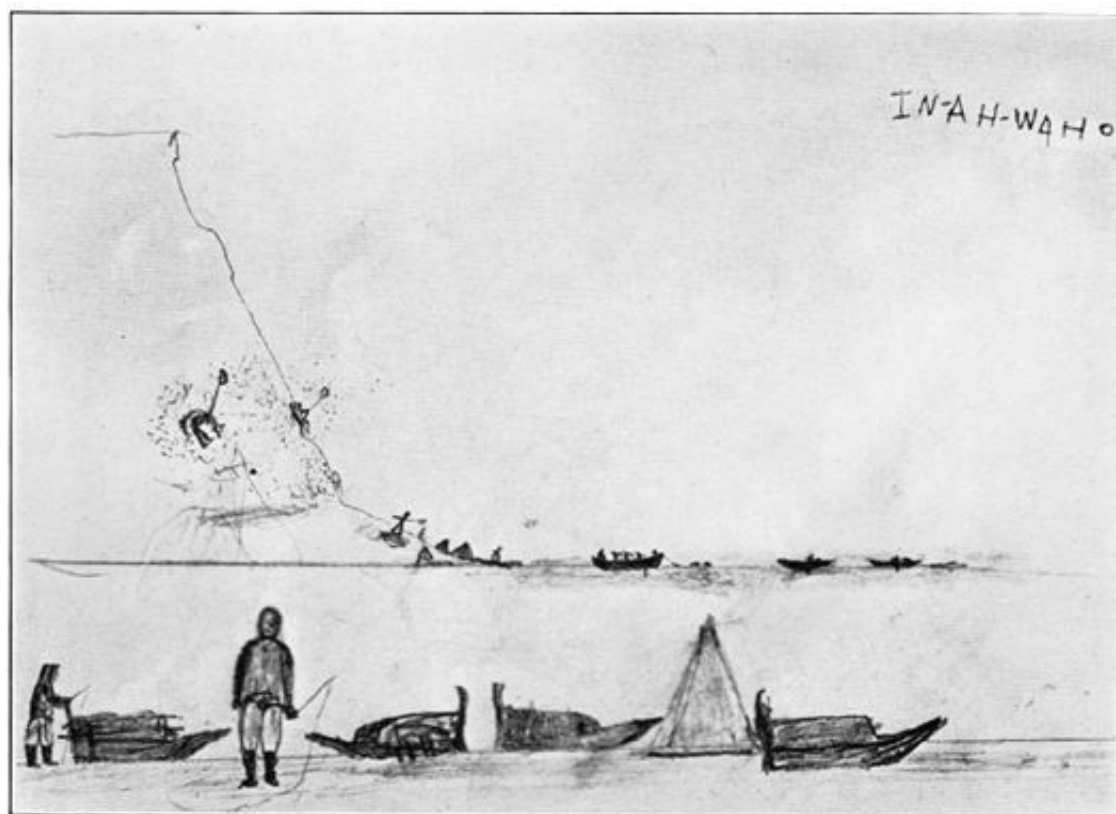
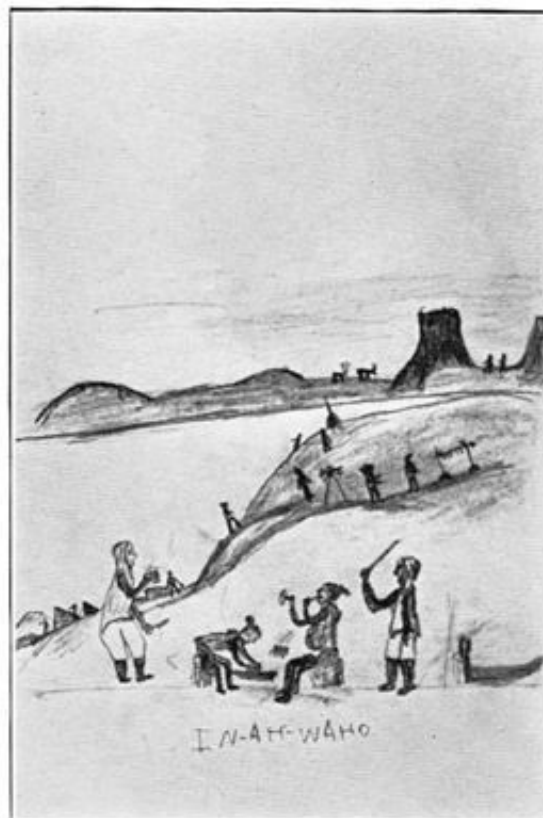
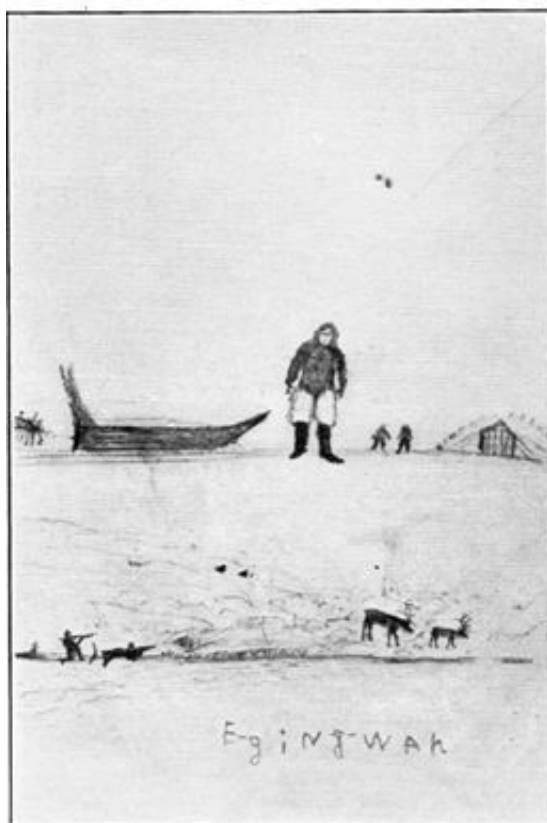
Итак, 1902 год, третье путешествие к полюсу. Хронология в лексике Пири:

11 февраля. Шесть саней посланы с легким грузом, чтобы выбрать дорогу.

12 февраля. Два лучших охотника отправлены на рекогносцировку и охоту.

3 марта. С трехдневной задержкой из-за пурги вперед ушел Хенсон с шестью санями и 50 собаками.

6 марта. В 9 утра 14 саней стартовали на север.

Эскимосская выставка. Рисунки, подписанные художниками. А) Сани, эскимосы и палатка. Охота на оленя. Б) Преследование северного оленя. Эскимосы с мясом, развешанным сушиться. Белый фотографирует эскимосов. В) Ловля маленьких птиц. Вельбот и байдарки. Нагруженные сани и палатка. Подпись из книги Д. Борупа

6 марта. Полдень. В движении сам Пири. Начальника сопровождают двое саней. Его большие сани названы «Длинная змея» и запряжены 10 отличными собаками.

24 марта. После четырехдневного отдыха в форте Конгер Пири идет на север с девятью санями.

6 апреля. Первопроходцы ступили на полярный пак.

Книга Пири:

Мы были в походе уже месяц. Мы прошли не менее 400 миль труднейшего участка при температурах от -35° до -57° , но фактически только теперь начиналось наше главное дело – завоевание паковых льдов, самое тяжелое предприятие во всем арктическом пространстве.

Примерно в двух милях от мыса лежал пояс тонкого, совсем молодого льда, который повторял линию побережья. Попадавшиеся участки неровного льда вынуждали нас делать огромные зигзаги, что удваивало путь. Было легче пройти окружным путем лишнюю милю по молодому льду, чем толкать сани через одно из этих нагромождений.

Северный край молодого льда представлял собой высокий барьер, состоящий из валунов многолетнего льда. После разведки мы нашли проход к старой льдине, где я распорядился построить иглу. Теперь мы находились примерно в 5 милях от земли.

Утро 7 апреля принесло хорошую погоду. Оставив позади многолетнее поле, мы натолкнулись на полосу обломков старого льда, покрытых глубоким снегом. С трудом мы пробивались через эти неровности; собаки барахтались в снегу и были практически бесполезны. Время от времени то одна, то другая вмиг пропадала, нам приходилось утрямбовывать снег вокруг саней, чтобы выкопать животное из дыры, в которую оно провалилось. Мы сами перетаскивали сани через барьеры ледяных глыб, отклоняясь от курса то вправо, то влево, петляя, прокладывая дорогу с помощью снегоступов и киркомотыг¹⁰⁹.

В конце дня узкий проем дал нам возможность пройти небольшое расстояние, затем появилась пара ровных маленьких участков, затем – несколько небольших старых льдин, которые, хотя и были покрыты глубоким снегом, показали нам по сравнению с предшествующим мучительным трудом благодать, посланной самим провидением. Мы поставили лагерь под защитой большого тороса на северном краю крошечной, но очень толстой старой льдины; все крайне устали, и собаки упали в снег без движения, как только кнут прекратил свою работу.

Мы шли от мыса Хекла прямо на север, и я подсчитал, что позади осталось около 6 миль, возможно – 7, а возможно – только 5. Во время такой работы затруднительно определить точное расстояние, пройденное за день...

12 апреля мы были задержаны ураганом с запада, упрятавшим даже тех собак, которые были привязаны совсем близко к иглу. Во время этой стоянки ледяное поле, на котором стоял лагерь, с громким хлопком раскололось на две части, лед трещал, грохотал и ревел с короткими перерывами.

---

¹⁰⁹ Рискахе. Возможный перевод: кирка, мотыга, кайло, киркомотыга.

Затем, на первом переходе, нам пришлось отклониться на запад из-за частично открытой полыньи. Тонкий слой молодого льда, покрывающий ее, был небезопасным даже для собаки. Немного дальше широкий канал открытой воды вынуждал нас то и дело менять направление все далее на северо-запад, а потом на запад, пока участок крайне неровного льда не остановил нас. С высокого тороса было видно, что, насколько хватает глаз, вся территория на запад и на северо-запад рассечена каналом. Оставалось только одно – поставить лагерь и ждать, когда этот канал, очевидно, расширившийся... в результате вчерашнего урагана, закроется или замерзнет... Отсюда я отослал обратно двух эскимосов.

14-го в конце дня разводье начало закрываться, и, наскоро упаковав сани, мы поспешили перейти через движущиеся обломки льда. Теперь мы оказались в зоне высоких параллельных хребтов из ледяных глыб, покрытых глубоким снегом... Когда спустя некоторое время приемлемый проход через этот барьер был найден, мы вышли к серии очень маленьких, но чрезвычайно могучих и крепких многолетних льдин, снег на которых был еще глубже и мягче, чем на южной стороне разводья. В конце 16-часовой работы я остановил продвижение, хотя мы были лишь в 2–3 милях к северу от большой полыньи.

Во время первой части следующего перехода мы переправлялись через обломки очень мощных старых льдин, медленно движущихся на восток. Часто нам приходилось ждать, когда куски подойдут друг к другу достаточно близко, дав нам возможность перейти с одного на другой. Далее мне пришлось отклониться на восток из-за непроходимого участка, простиравшегося на запад, северо-запад, север и северо-восток, насколько хватало глаз. Когда же мы обошли это препятствие и снова взяли курс на север, нас остановила полынья шириной около 50 футов. С этих пор каждый следующий день был очень похож на предыдущий, иногда мы проходили большие, иногда – меньшие, но суточное продвижение, несмотря на все наши усилия, неуклонно сокращалось. Туман и штормовая погода тоже задерживали нас.

Цитата из моего журнала:

«21 апреля. Игра закончена. Конец моей 16-летней мечте. Ночью прояснилось, и утром мы вышли. Снег глубокий. Две крошечные старые льдины. Мы пришли к новому участку из многолетних ледяных глыб и глубокого снега. Осмотр с высоты тороса показал, что все это, насколько можно увидеть, простирается на север, восток и запад. Две старые льдины, на которые мы только что вышли, – единственные в поле зрения. Далее все непроходимо, и я отдал приказ поставить лагерь. Я знал, что я сражался наилучшим образом, и это сражение было отважным. Но я бессилён совершить невыполнимое».

Через несколько часов после того, как мы остановились, с севера донесся звук, напоминающий мощный прибой, и он продолжался все время, пока мы стояли в этом лагере. Видимо, льдины в этом направлении под воздействием ветра сталкивались друг с другом, или, что, пожалуй, более вероятно, поскольку шум продолжался длительное время, весь паковый лед медленно двигался на восток. Ясный день дал мне возможность сделать наблюдения,

которые показали, что наша широта $84^{\circ}17'27''$ с. ш., магнитное склонение¹¹⁰ 99° к западу. Я сделал несколько фотографий лагеря, вскарабкался и с трудом пролез по сломанным льдам и по снегу, проваливаясь по пояс, на несколько сотен ярдов к северу, дал собакам двойной рацион и решил поспать несколько часов, если удастся, чтобы подготовиться к возвращению.

Мы начали обратный путь вскоре после полуночи 21 апреля. Было облачно, ветер дул с запада, и шел сильный снег. Я спешил с выходом, чтобы как можно дольше использовать наши следы, прежде чем они исчезнут. В условиях сомнительной видимости и метели след держать было крайне трудно. Мы не раз теряли его, и нам приходилось рыскать, как ищейкам. Когда мы подошли к последней полынье нашего северного маршрута, то на месте открытой воды, прервавшей тогда наше продвижение, располагалась громадная гряда торосов предположительно 75–100 футов высотой, под которой исчезли наши старые следы. Из-за движения льдин след здесь был утрачен...

Для меня это был мучительный переход. Я не спал предыдущую ночь, и к физическому напряжению от транспортировки саней добавились умственные усилия, направленные на поиски следа. Наконец мы поставили лагерь, но лишь на несколько часов, ибо я сознавал, что весь пак медленно движется и наш след исчезает повсюду, прерывается новыми торосами и разводьями и наше возвращение в известной степени будет почти таким же (если не таким же) медленным и трудным, как наше продвижение вперед... При пересечении полыньи я чуть не потерял двое саней и собак, привязанных к ним. По прибытии к Большому каналу¹¹¹, как я называл полынью, от которой я отослал обратно двух эскимосов, я увидел, что это место изменилось до неузнаваемости.

В двух переходах на юг от Большого канала изменения льда со времени нашего движения на север до момента возвращения моих двух людей от канала были настолько разительными, что они [эскимосы], абсолютно опытные во всем, что касалось ледовых условий, были совершенно сбиты с толку и явно блуждали по крайней мере день, не в состоянии обнаружить следы. Уже после них произошли новые изменения, так что в результате я установил путь к земле по компасу и принялся прокладывать новую дорогу. Во время следующего перехода мы снова вышли на старый след.

Рано утром 22-го мы добрались до второго иглу, построенного по пути на север от мыса Хекла, и разбили лагерь в сильную бурю. В этом иглу шторм задержал нас... и 29-го мы возобновили движение к земле в густом тумане... по компасу. С трудом продвигаясь через торосы и глубокий снег, избежав неприятных падений только благодаря предостережениям, исходящим от собак, после продолжительного и утомительного перехода мы добрались до острова Крозье. Пояс молодого льда вдоль берега исчез, превратившись в беспорядочные хребты и насыпи из хаотично наваленных глыб.

Льдина, на которой стоял лагерь на острове, расколосась надвое, трещина прошла через иглу, половинки которого смотрели друг на друга через глубокую расселину. Последний переход погубил двух моих собак, а три или

¹¹⁰ Угол между направлениями на географический Северный полюс и Северный магнитный полюс. Стрелка компаса показывает на Северный магнитный полюс.

¹¹¹ Grand Canal.

четыре явно были на последнем издыхании. Мы не чувствовали, насколько устали, пока не достигли острова. Теплая туманная погода и последний марш – все это вместе вызвало падение нашего физического барометра на несколько делений.

Рассказ Пири о льдах к северу от мыса Хекла напомнил мне собственный 300-километровый переход от острова Врангеля к советской дрейфующей станции «Северный полюс – 23» в 1976 году. Первые 24 километра мы ползли восемь дней: 3 километра в день, нас окружали горы, состоящие из льдин, бесконечный хаос. Ровные поляны площадью 50 квадратных метров были счастливой случайностью. На лыжах идти было невыносимо, и мы переносили рюкзаки, а потом возвращались и несли лыжи и лыжные палки. Путь утраивался. Как возникли эти невероятные катакомбы? Вполне понятно: северные ветры толкают океанские льды на остров Врангеля, разрушают их и прессуют, образуя месиво – «бранное поле».

Видимо, возле мыса Хекла природные силы поработали тоже на славу, и можно сделать вывод, что мыс Хекла не то место, откуда следует начинать путь к полюсу.

Второй вывод из мытарств Пири в 1902 году напрашивается такой. Надежда на обратном пути отыскать «след» весьма призрачна. Инуиты в попытках увидеть на снегу свои старые отпечатки, по словам лейтенанта, провели день. Сам Пири махнул рукой на поиски следов и взялся за компас.

Уимс приводит дневниковые записи Пири. 6 мая:

...Мне уже 46. Слишком стар для такой работы.

16–17 мая (17 мая отряд вернулся в зимовье на мысе Сабин):

Конец моей 16-летней мечте. Я закрываю эту книгу и перехожу к делам не столь интересным, но более подходящим для моего возраста...

Цель остается открытой для человека, который будет лучше меня, или окажется в более благоприятных условиях, или же и то и другое вместе.

24 мая (накануне отряд добрался до форта Конгер):

...Мое настроение нельзя назвать прекрасным. Я вспоминаю время 4-летней давности, когда, несмотря на то что я не мог продвинуться на судне дальше на север, я был полон жизни и с надеждой и предвкушением смотрел на эти... берега, видневшиеся в августовском солнечном сиянии, и мечтал о своих будущих свершениях. Теперь я всего лишь искалеченный старик, не добившийся успеха в своем самом трудном деле, находящийся вдали от жены и дочери, у которого умерли мать и второй ребенок. Стоила ли вся эта игра свеч? И все же я не мог поступить иначе. Я сражался, как и обещал, и это сражение было отважным. Я не достиг цели только из-за непреодолимых препятствий, а не по причине лени, усталости, беспечности или ошибок в управлении. Буду рад уйти от всего этого, и все же, когда я оглядываюсь на эти скалы, меня охватывает чувство, схожее с тоской по родине, но это тоска по молодым годам и связанным с ними безрассудным надеждам и мечтам (молодым, если 42 года можно считать молодостью по сравнению с 46-летним возрастом). Сейчас по сравнению с тем возрастом я старше гораздо более, чем просто на эти четыре года.

6 июля:

...Когда я оглядываюсь на все, что несколько лет назад наполняло меня энтузиазмом, когда я думаю о высоких надеждах того времени и сопоставляю их с нынешним отсутствием интереса, энергии и радостных эмоций; когда я думаю о последних четырех годах и обо всем, через что я прошел; когда я вспоминаю все те мелочи, которые были в моей жизни и которыми я все еще занимаюсь, то все это кажется мне таким незначительным, таким бессмысленным, что я готов заплакать от одолевающих меня душевных страданий.

«Виндворд», посланный Арктическим клубом Пири, пришел 5 августа. На борту были любящие миссис Пири и Мэри. Главная новость из большого мира состояла в том, что весной 1900 года пал рекорд Нансена. В спор за Северный полюс, не спрашивая ни у кого разрешения, вступили итальянцы. Новое достижение, установленное Умберто Каньи – командиром отряда экспедиции Луиджи Амедео Савойского, герцога Абрुццкого, равнялось 86°34' с. ш. Победный флажок сдвинулся на север на 20 миль.

(Племянник короля Умберто I герцог Абрुццкий консультировался с Нансеном и даже получил в подарок двух ездовых собак, родившихся на «Фраме». Вообще же ездовые собаки были закуплены в России, их доставил в Архангельск обский промышленник Александр Иванович Тронтгейм, в свое время снабжавший собаками и Нансена.

Предполагалось, что судно экспедиции «Стелла Поляре»¹¹² достигнет Земли Петермана, откуда санный отряд и стартует. Эта земля послужила обманчивым ориентиром для многих путешественников. «Открытая» еще в 1874 году к северу от Земли Франца-Иосифа, на самом деле она была всего лишь миражом.

Не найдя Земли Петермана, «Стелла Поляре» была вынуждена зазимовать у острова Рудольфа – самого северного в архипелаге Земля Франца-Иосифа. Место стоянки – бухта Теплиц – было выбрано неудачно. Под напором льдов судно оказалось на мели и легло на борт. Экипажу пришлось переселиться на берег и жить в палатках.

Зимой герцог Абрुццкий отморозил пальцы на руке, и ему отняли два сустава. Начальником полюсного отряда был назначен капитан первого ранга Умберто Каньи, спутник герцога Абруццкого в его знаменитом восхождении на гору Святого Ильи¹¹³ на Аляске в 1898 году.

Десять человек – все итальянцы – с 13 нартами и 102 собаками направились к полюсу; шестеро из них, обеспечив заброску грузов для ударного отряда, должны были вернуться. На 12-й день к земле ушла первая партия из трех человек во главе с Франческо Кверини. Через 19 дней Каньи отправил на юг вторую группу. С оставшимися продуктами можно было идти вперед 19 дней, но в положенный срок, 18 апреля, итальянцы не остановились и, несмотря на отчаянный риск, еще неделю бились со льдами. Усилия не пропали даром, и 24 апреля рекорд Нансена пал. Каньи, размахивая итальянским флагом, прокричал: «Да здравствует Италия!», и его спутники «ответили торжествующим возгласом, выражавшим ликование их душ».

Каньи записал в дневнике: «Эти заветные слова, повторяющиеся эхом среди чистых и вечных льдов, – сверкающая жемчужина. Ибо ни одна победа, завоеванная мечом, не украсит корону Савойского дома¹¹⁴ большей славой!» (В 11-й главе у нас будет хорошая возможность сравнить эти восторженные умные слова жителя южной страны с победной тирадой Роберта Пири, утверждавшего, что он побил рекорд итальянцев.)

---

¹¹² Stella Polare – Полярная звезда (ит.).

¹¹³ Высота 5489 метров.

¹¹⁴ Савойский дом – династия, правившая Итальянским королевством.

Луиджи Амедео, принц Савойский, герцог Абрुццкий

2 мая налетела пурга, идти стало невозможно, и Каны занялся давно назревшей проблемой – отмороженным пальцем на руке. Тревога возникла еще 22 марта: «... На конце моего указательного пальца правой руки образовался волдырь... Кроме непрерывной боли, я постоянно чувствовал еще и страх перед опасностью... серьезного обморожения, которое могло помешать дальнейшему моему движению». Палец давно почернел, распухли подмышечные железы, началась гангрена. В палатке левой рукой обычными ножницами в течение двух часов Каны мучительно ампутировал свой отмороженный палец: «... маленькая косточка оказалась очень твердой...»¹¹⁵

Придя в базовый лагерь, победители узнали, что группа Кверини не вернулась.)

---

¹¹⁵ На русском языке дневник Умберто Каны цитируется в книге Д. Шпаро, А. Шумилова «К полюсу!», с. 105–116.

Дедрик

Кроме Хенсона и семьи Пири, на борту «Виндворда» домой шел доктор Дедрик. Бывшие партнеры между собой не разговаривали.

Прибыв в Америку, врач экспедиции поделился с журналистами: «Ни разу я не пожалел о том шаге, который счел необходимым предпринять, когда около года назад покинул экспедицию. Осознание того, что я действовал честно, значительно смягчало неприятные воспоминания о печальном опыте, накопившемся у меня, и о тех ужасных атаках, которым я подвергся».

Однако, узнав, что Бриджмен год назад в газете New York Times назвал его «практически сумасшедшим, одержимым манией... оставаться в Арктике до конца экспедиции в одиночестве с эскимосами...», Дедрик спокойно объяснил свое поведение: «Мои мотивы остаться на Севере были так же чисты, как свежесвыпавший снег, так же ясны, как алфавит, и так же благородны, как все, что дано человеку Богом. Я остался просто потому, что не хотел бросать людей в Арктике без шанса получить медицинскую помощь. Враждебность, проявившаяся в стремлении объявить меня сумасшедшим и создать мне сомнительную репутацию, такой техничный отказ выплатить мою заработную плату, фактически бесчеловечное обращение Пири со мной в течение всего последнего года без всяких причин и его угроза высадить меня на пустынном побережье на пятый год... все это делает излишним называть причину моего заявления об отставке...»

Опальный доктор назвал журналистам время, когда в доме Кука он сделает официальное сообщение, однако на встречу не пришел, и Кук очутился в неудобном положении судьи-комментатора. Впрочем, он был в своем репертуаре и сказал то главное, что и должен был сказать: «Конечно, доктор Дедрик в здравом уме, и та линия поведения, которой он следует, – это лишь его представление о справедливости и честности...»

Вы должны помнить, что эти три человека провели в Арктике долгие три года и пережили там три арктические ночи, а арктическая ночь – это 110 дней. Я не знаю людей, которые, прожив вместе арктическую ночь, не хотели бы побить друг друга».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.